

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

На правах рукописи

Коско Данила Александрович

**ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Специальность 5.6.2 — «Всеобщая история»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Дементьев Илья Олегович

Калининград

2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Между надеждой и конфронтацией: изменчивый образ России в эпоху Александра II (1855—1881)	32
1.1. От «оттепели» к репрессиям: метаморфозы образа царской власти	32
1.2. Союзник или угнетатель? Двойственный образ русского общества	68
Глава 2. В тисках русификации образ имперской власти и феномен «другого» русского в годы правления Александра III	90
2.1. Царская власть как «машина русификации»: ответы Польской лиги и позитивистов	90
2.2. «Другой» русский: образ русского общества сквозь призму польского сопротивления	118
Глава 3. Накануне падения империи: кризис власти и новые векторы в польском восприятии России при Николае II (1894—1914)	131
3.1. Ослабление империи: от восшествия императора на престол до последствий Русско-японской войны и революции 1905 года	131
3.2. Трансформация образа русского общества: польские социалисты, национал-демократы и представители «Молодой Польши»	158
Заключение	181
Список источников и литературы	188

Введение

Актуальность темы исследования. Настоящая работа посвящена образу *России* в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в., то есть совокупности представлений, стереотипов, оценок и ассоциаций, связанных с определенными персоналиями, обществом, представителями правящей и интеллектуальной элиты России.

Актуальность исследования обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, осмысление данного периода является важным условием для понимания многовековой истории непростых взаимоотношений Польши и России. Вторая половина XIX — начало XX в. представляет собой значимый этап, когда под влиянием таких факторов, как отсутствие у Польши собственной государственности, политика русификации и опыт поиска путей национального возрождения, в польском обществе формировались многие представления о России, часть которых легла в основу устойчивых национальных мифов и стереотипов.

Во-вторых, многие из сложившихся в этот период противоречий, взаимных обид и предубеждений до сих пор влияют на российско-польские отношения, препятствуя конструктивному диалогу и взаимопониманию между странами. Исследование истоков этих представлений, их динамики и механизмов формирования позволяет деконструировать современные стереотипы, выявить их исторические корни и тем самым способствовать преодолению односторонних интерпретаций прошлого.

В-третьих, в условиях сохраняющейся геополитической напряженности достижение глубокого понимания исторического опыта взаимного восприятия становится особенно важной задачей для российской науки. Изучение того, как формировался образ «другого» в сознании общества, позволяет извлечь уроки из прошлого в целях развития межкультурного диалога.

Объект исследования — польское общественное мнение второй половины XIX — начала XX в.

Предмет исследования — характер восприятия России и русских в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в.

Образ России формировался прежде всего на основе восприятия польским общественным мнением царского правительства. Этот образ, с одной стороны, был обусловлен политикой этого правительства как на территории польских земель, так и за их пределами, а с другой — отражал изменения польского общественного мнения в отношении конкретных политических деятелей, осуществлявших эту политику и определявших ее направленность и специфику.

Вторым важным компонентом образа России стало восприятие польским общественным мнением русского общества, которое включало в себя и понимание русских как народа с историей, традициями и религией, как *обычных людей* — представителей различных слоев населения (военные, чиновники, крестьяне, рабочие, духовенство) и политических либо профессиональных групп (оппозиционные деятели и представители интеллектуальной элиты). Третьим немаловажным элементом восприятия образа России в польском общественном мнении стала оценка идеологических течений, доминировавших в русском обществе.

Своеобразное расслоение образа на перечисленные выше компоненты говорит прежде всего о том, что в польском общественном мнении не существовало единого образа России. Вместо этого формировались различные образы, которые во многом зависели от взглядов и воззрений различных групп польского общества. Слово «образ» в единственном числе используется в диссертации для удобства изложения материала, однако стоит постоянно помнить об условности этого понятия.

Понятие *общественного мнения* на протяжении долгого времени было и остается одним из сложных и противоречивых, к нему обращались исследователи, принадлежавшие к разным дисциплинам. Зачастую общественное мнение рассматривается как явление, относящееся к XX в., то есть ко времени, когда начала складываться практика проведения социологических опросов

населения, которые и стали считаться основным инструментом выявления общественного мнения.

Понятию «общественное мнение» посвящено множество исследований. Необходимо констатировать, что в науке сложилась традиция рассмотрения *общественного мнения* как феномена, появившегося в Новое время, то есть в периоды, предшествующие XX столетию¹. Это относится и к странам Западной Европы, и к России, и к Польше. Так, о польском общественном мнении в XVII—XVIII вв. писали польские авторы, например З. Либишовска, одна из работ которой была целиком посвящена польскому общественному мнению XVIII в.² В середине прошлого столетия увидела свет монография о польском общественном мнении в отношении Французской революции³. Еще более уместно оперировать понятием «общественное мнение» применительно ко второй половине XIX в. — времени значительных социальных и политических изменений в польских землях. В этот период наблюдался рост национального самосознания в контексте борьбы за независимость, что актуализирует изучение общественного мнения того времени. Именно тогда происходило активное обсуждение различных социальных и политических вопросов в польском обществе.

Под *общественным мнением* в настоящей работе подразумевается разновидность массового сознания, в которой отражается отношение различных представителей общества к событиям и процессам реальной жизни, оказывающим на них влияние в той или иной мере. Представителями польского общественного мнения в данном исследовании наряду с польскими интеллектуалами, принадлежавшими к различным идеологическим и политическим

¹ См., например, работы польских историков: *Libiszowska Z.* Stany zjednoczone w historiografii polskiej // *Acta universitatis Lodzianensis.* 1996. № 57. S. 5—23; *Salmonowicz S.* Obraz Polski i Polaków w niemieckiej opinii publicznej w latach 1795—1815 // *Zapiski Historyczne.* 1993. T. 58, № 4. S. 7—27. Также см. о польском общественном мнении до падения самодержавия в России: *Wereszycki H.* L'opinion publique en Pologne devant la chute du tsarisme // *Revue d'Histoire Moderne & Contemporaine.* 1968. T. 15, №1. P. 24—38.

² *Libiszowska Z.* Opinia polska wobec rewolucji amerykańskiej w XVIII wieku. Łódź; Wrocław, 1962.

³ *Rzadkowska H.* Stosunek polskiej opinii publicznej do Rewolucji Francuskiej. Warszawa, 1948.

течениям, выступают и эмигранты, представители духовенства, рядовые участники польского освободительного движения и многие другие. В исследовании отчасти удалось охватить и представителей менее образованных слоев населения, настроения которых в отношении злободневных тем можно реконструировать по воспоминаниям современников, различным политическим донесениям, а также распространенным в польском обществе лозунгам и сатирическим стихам. Тем не менее необходимо учитывать, что реконструкция настроений малообразованных групп населения — сложная задача, поскольку в распоряжении исследователя практически нет релевантных источников. Поэтому общественное мнение изучается прежде всего как совокупность мнений представителей политической и интеллектуальной элиты, шире — образованных слоев общества.

Образ России в польском общественном мнении приобрел особую значимость, поскольку вследствие Венских соглашений большая часть этнической Польши находилась под властью России, носила название Царства Польского и включала свыше 70%⁴ от всех польских земель, в результате чего будущее Польши стало во многом зависеть от характера русско-польских отношений и их дальнейшего развития.

Политика, осуществляемая российским правительством в Царстве Польском, и непосредственное взаимодействие российских властей с русским народом оказывали влияние не только на поляков, проживавших на данной территории, но и на тех, кто находился на территориях Австро-Венгрии и Пруссии, а также в эмиграции. Несмотря на условия разделения, польский народ в плане культурного развития оставался единым целым. Так, например, во время Январского восстания 1863—1864 гг. издание агитационной литературы в поддержку польского освободительного движения велось на территории всей разделенной Польши, по польским землям также распространялись различные политико-идеологические течения — начиная с польского мессианизма и

⁴ В статистике не учитывается территория Восточной Галиции, которую населяли в наибольшем количестве русины, а не поляки.

варшавского позитивизма и заканчивая социализмом и национализмом. Еще одним важным признаком единства народа была деятельность польской эмиграции, которая включала немалое количество участников, ведь после подавления Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. около 50 тыс. повстанцев покинуло Царство Польское⁵, а в годы подавления Январского восстания случилась еще одна волна эмиграции, составившая около 8 тыс. поляков, которые покинули Царство Польское⁶. Деятели польской эмиграции оказывали значительное влияние на формирование общественного мнения с помощью публицистики и периодической печати.

Кроме того, для многих представителей польской интеллектуальной элиты был характерен опыт последовательного проживания в разных частях Польши, в том числе на землях, входивших в состав Австро-Венгрии и Пруссии (позднее — Германской империи). Однако это не отменяло некоторой специфики восприятия России на польских землях в зависимости от того, в состав какого государства они входили.

Цель работы заключается в комплексной характеристике образа России в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- проанализировать и сопоставить между собой образы самодержавия и русского общества в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в.;

- проанализировать динамику изменения образа России в польском общественном мнении и выявить влияющие на него факторы;

- проанализировать взаимосвязь и противоречия между складывавшимся в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в.

⁵ Денисов Ю. Н. Россия и Польша. История взаимоотношений в XVII—XX веках. М., 2012. С. 408.

⁶ Trzeciakowski L. Ziemia polska pod panowaniem państw zaborczych (1815—1918). Warszawa, 1975. S. 498.

образом России и политическими стратегиями представителей польского общества.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1855 по 1914 г. Нижняя хронологическая граница соответствует началу царствования Александра II, что обусловлено фактом непродолжительного улучшения в русско-польских отношениях на фоне ужесточенной политики времени Николая I. Верхняя хронологическая граница исследования отнесена к началу Первой мировой войны — времени радикальной смены политического курса на территории Царства Польского.

Территориальные рамки исследования охватывают Российскую империю, Австро-Венгрию и Германию (Пруссию), а также страны, в которых разворачивалась активная деятельность польской эмиграции (Англия, Франция и Швейцария).

Научная новизна исследования заключается в использовании ранее не опубликованных архивных материалов; в выявлении динамики изменений в образе России в польском общественном мнении на протяжении второй половины XIX — начала XX в.; в выявлении различных факторов, оказавших влияние на формирование этого образа.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении понимания механизмов формирования культурных стереотипов и образов в общественном сознании, а также в анализе воздействия этих образов на международные отношения и социокультурное развитие, влияния исторических, политических и историко-культурных факторов на формирование образа «другого».

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения материалов исследования в системе высшего образования при чтении общих курсов по истории и культурологии, специальных курсов по истории и культуре Польши и России, а также возможностью внедрения полученных знаний в практику имагологических исследований.

Источниковая база исследования. Исследование базируется на широком круге как опубликованных, так и архивных источников. Выбор темы во многом обусловлен большим количеством сохранившихся неопубликованных материалов.

Первую группу формируют *неопубликованные архивные документы*. Документальный комплекс Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) предоставляет уникальную источниковую базу для изучения формирования и эволюции образа России в польском общественном мнении изучаемого периода. Анализ представленных фондов позволяет реконструировать этот образ на основе широкого круга материалов, отражающих как бытовые настроения, так и политические программы.

Особую важность для исследования представляют материалы фондов 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии канцелярии) и 945 (Князь Василий Андреевич Долгоруков, военный министр, член Государственного совета, шеф корпуса жандармов и начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, генерал от кавалерии, обер-камергер), которые позволяют охарактеризовать настроения как внутри империи, так и за ее пределами, благодаря сведениям от русских посольств и заграничной агентуры. Материалы фонда включают, среди прочего, донесения о деятельности польских эмигрантов, проживавших в Англии и Швейцарии. Эти донесения содержат пересказы речей лидеров польского освободительного движения на различных мероприятиях, в том числе и на встречах по случаю памятных дат польских восстаний. На этих мероприятиях так или иначе затрагивалась тема России как главного, с точки зрения эмигрантов, угнетателя польского народа. Донесения Третьего отделения имеют высокую ценность для исследования, поскольку полиция являлась важной опорой имперской власти и играла важную роль в реализации ее внутренней политики. Характерной особенностью царской системы управления было значительное преобладание силовых структур в гражданском администрировании, что особенно ярко проявлялось на периферийных территориях, где

стабильность империи поддерживалась преимущественно военными и полицейскими методами. Благодаря этому донесения часто содержат информацию, выходящую далеко за рамки непосредственных функций Третьего отделения и охватывающую различные аспекты общественной жизни⁷.

Этот взгляд изнутри имперской системы дополняется материалами фонда 547 (Канцелярия Варшавского генерал-губернатора), выражающими официальную позицию и опасения российской власти в Царстве Польском, а также содержащими публикации польской периодической печати, которые отражают отношение польской интеллектуальной элиты к русским политическим деятелям, включая издания из Галиции. Эти материалы показывают, как политика русификации и реакция на восстания воспринимались и интерпретировались поляками, проживавшими за пределами Царства Польского⁸.

Следует также отметить судебные дела фонда 124 (Уголовные отделения Первого Департамента юстиции. 1892—1917), в которых отложились материалы процессов над теми, кто хранил и распространял брошюры с критикой российской политики. Эти документы позволяют лучше понять, какие настроения царили в польском обществе, какие мнения высказывались относительно Российской империи и политики, проводимой ею на территории Царства Польского⁹. Важны и материалы фонда 217 (Варшавское губернское жандармское управление), посвященные наблюдению за деятельностью польской национал-демократической партии. Они дают возможность познакомиться с брошюрами и агитационными листовками, изданными этой партией¹⁰. Наконец, взгляд «изнутри системы» предлагают материалы фонда 1729 — письма Владислава Иосифовича Велёпольского (1860—1928), внука Александра Велёпольского

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 539, 542, 544, 547, 553, 554, 558; Ф. 945. Оп. 1. Д. 11.

⁸ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 64, 233.

⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 977.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 252.

(1803—1877). Они позволяют реконструировать точку зрения лояльного польского аристократа¹¹.

В данной группе источников представлены частично неопубликованные источники, раскрывающие специфику образа России в польском общественном мнении. Очень важно принимать в расчет, что эти материалы содержат пересказы бесед между различными представителями польского общества. Конечно, при анализе данных источников необходимо учитывать политические и идеологические взгляды авторов документов, оказывавшие влияние на интерпретацию тех или иных событий. Важно отметить и то, что в подобных документах могли быть намеренно искажены или преувеличены некоторые описанные события для достижения определенных целей.

Ко второй группе источников следует отнести *польскую художественную литературу*. Для имагологического исследования художественная литература выступает важным источником, поскольку является одним из основных инструментов формирования образов в общественном мнении. Литература играла немалую роль в формировании и поддержании польской культурной идентичности в условиях раздела польских земель. Через литературные произведения поляки могли осмысливать свою историю, культуру и стремление к независимости. Художественная литература послужила важным источником, поскольку в обход царской цензуры с помощью «эзопова языка» давала возможность польским деятелям выражать свои политические воззрения, в том числе и на русско-польские отношения. Эти источники помогают понять, как именно воспринимались царское правительство и русское общество образованными поляками. Так, для анализа образа России в глазах варшавских позитивистов в исследовании используются произведения Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, Адама Асныка, Генрика Сенкевича и других¹².

¹¹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 508.

¹² *Asnyk A. Pod stopy krzyża*. 1869. URL: <https://wiersze.co/podstopy.htm> (дата обращения: 13.04.2023); *Ожешко Э. Над Неманом* / пер. В. М. Лаврова. М., 1988; *Прус Б. Кукла* / пер. Н. М. Модзелевской. М., 1985.

Среди авторов неподцензурных сочинений особое место заняли представители польского освободительного движения, формировавшие яркие образы России. К ним относятся Теофил Ленартович, Генрик Мерцбах, Нарциза Жмиховская, Мечислав Романовский, Ядвига Лоцевская и многие другие польские литераторы второй половины XIX в.

В польской неподцензурной прозе также нашлось место для политических размышлений, что в особенности заметно в произведениях Юзефа Крашевского, который нередко обращается к образам России, ее правителей и населения. «Русская тема» поднималась в творчестве Михаила Балуцкого, Эдварда Любовского, Марии Садовской, Юзефа Нажимского, Тадеуша Налепиньского, Стефана Жеромского, Элизы Ожешко и Вацлава Кошчица¹³. Однако использование художественной литературы как исторического источника требует учитывать ряд ее особенностей, таких как субъективность авторов данных произведений и, как следствие, специфика отражения тех или иных исторических событий или их интерпретации. Кроме того, при анализе художественной литературы требуется углубленный анализ текста с учетом контекста создания того или иного произведения, целей и возможных скрытых мотивов автора.

Для лучшего понимания формирования образа России в польском общественном мнении в диссертации также использованы *путевые заметки* польских деятелей, посетивших Россию. Их ценность состоит в том, что авторы критически анализировали социальные условия и культуру России, основываясь на опыте путешествий в другие страны, сравнивали увиденное в разных регионах. Среди авторов подобных заметок выделяются Станислав Тарновский и Витольд Бартошевский¹⁴.

¹³ Крашевский Ю. Красная пара / пер. А. Боброва. М., 2017; *Kraszewski J. My i Oni*. Poznań, 1865; *Idem. Szpieg*. Poznań, 1864; *Narzymski J. Ojczyzm*. Wrocław, 1958; *Koszczyk W. Praca Syzyfa... Powieść przez [Wołodzkę Waclawa]*. Lwów, 1877; *Dzierzkowski J. Krwawy chrzest*. Poznań, 1900.

¹⁴ *Tarnowski S. Z wakacyj*. Kraków, 1888. Т. 1: Kijów — Moskwa — Wilno; *Bartoszewski W. Z Petersburga*. Kraków, 1890.

Третью группу источников представляет собой *польская периодическая печать* (публиковавшая и публицистические тексты) и *публицистика*, с одной стороны формирующие, а с другой — отражающие польское общественное мнение в отношении России. В прессе публиковались новостные сводки с комментариями авторов и оценочными суждениями, а также статьи различных представителей польской интеллектуальной элиты, касавшиеся «русской темы»¹⁵. В первую очередь рассматривалась периодическая печать, издаваемая организациями различного идеологического профиля, поскольку она хорошо отражала динамику изменений образа России в польском общественном мнении под влиянием тех или иных политических событий начиная с Январского восстания и заканчивая Русско-японской войной, революцией 1905 г. и др. В исследовании использовались как подцензурные, так и свободные от царской цензуры польские газеты, такие как издававшаяся в Царстве Польском газета «Dziennik Warszawski», галицийская консервативная газета «Czas», издаваемая на территории Пруссии газета «Dziennik Poznański», эмигрантские и издания (например, «Demokrata Polski»), подпольные газеты времен Январского восстания «Prawda», «Ruch», «Strażnica» и «Wiadomości z pola bitwy», «Dziennik Narodowy», издаваемая Польской лигой газета «Wolne Polskie Słowo», польская социалистическая газета «Robotnik» и другие. При обращении к периодике необходимо учитывать влияние различных политических условий на содержание публикаций, что в особенности заметно по подцензурным изданиям, которые зачастую отражали лишь определенные аспекты реальности, игнорируя другие. Также важно учитывать исторический контекст и цели публикаций, которые могли меняться в зависимости от политических событий и изменений позиции редакторов или владельцев изданий.

Еще одной значимой группой послужили *опубликованные источники личного происхождения*. Например, переписка Александра II с великим

¹⁵ Kamieński H. Rosja i Europa. Paryż, 1857; Buszczyński S. Cierpliwość czy rewolucja. Paryż, 1862; Estreicher K. O Rapperswyłu: głos drugi i ostatni. Kraków, 1883; Giller A. Wieczory Wielkopolanina: do charakterystyki naszych czasów. Lwów, 1886; Merunowicz T. Kwestja ruska w Galicji wobec rosyjskiego panslawizmu. Lwów, 1889.

князем Константином Николаевичем¹⁶, воспоминания бывших участников Январского восстания, сосланных поляков¹⁷, воспоминания и дневники Юзефа Пилсудского и др.¹⁸ Значимость данной группы источников обусловлена тем, что они представляют уникальную точку зрения конкретного исторического лица и позволяют понять, как отдельные личности воспринимали и интерпретировали многие из исторических событий на польских землях, а также сравнить выражавшиеся в приватной обстановке мнения с высказываниями в публичном поле. Кроме того, по причине отсутствия цензурных ограничений источники личного происхождения благодаря эмоциональной окраске помогают придать полноту реконструируемому образу России в польском общественном мнении. Однако здесь важно учитывать, что отдаленность создания источника от времени самого события, затронутого в нем, может влиять на точность его описания или предопределять искажение его субъективного восприятия спустя годы.

Важное место в исследовании занял анализ *исторических и историографических сочинений* Адама Мицкевича, Францишека Духинского, Шимона Аскенази, Мариана Здзеховского и других. Подобная литература имела особое значение для формирования образа России и связанных с этим образом стереотипов. В этих сочинениях обсуждалась история России, русско-польских отношений, оценивалась степень влияния татаро-монгольского нашествия на русскую культуру, которое нередко характеризовалось как фактор, обеспечивающий принадлежность России к Азии, а не к Европе¹⁹.

¹⁶ Переписка наместников Королевства Польского. 1861—1863. М., 1973. Т. 2.

¹⁷ Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Ч. 2: Мемуары, письма, публицистика. Истоки российских исследований судеб сосланных в Сибирь участников Январского восстания / сост. Я. Легеч, Кш. Лятавец, Т. Мосунова, В. Цабан; ред. Я. Легеч. Kielce, 2019.

¹⁸ *Pilsudski J.* Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. Т. 2; *Idem.* Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. Т. 3; *Idem.* Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. Т. 6.

¹⁹ *Мицкевич А.* Из курса славянских литератур, читанных в «Collège de France» // Соч.: в 5 т. СПб., 1882. Т. 3; *Duchiński F.* Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Paryż, 1858. Т. 1.

Исследователь образа России в польском общественном мнении сталкивается с проблемой полного отсутствия письменных источников личного происхождения некоторых социальных групп, например польских крестьян, поскольку они в подавляющем большинстве не вели записей и не писали дневники или мемуары. Компенсировать этот дефицит источников хотя бы отчасти возможно благодаря воспоминаниям и иным публикациям представителей польского освободительного движения, революционеров и, позднее, деятелей польского социалистического движения. В этих источниках описывается и отношение польских крестьян к царскому правительству и к его представителям. Еще одной сложностью стал анализ источников, происходящих с польских земель в Пруссии в период, наступивший после усиления политики германизации, предопределивший, в частности, высылку поляков, не имевших немецкого гражданства. Частично компенсировать эту нехватку материалов можно благодаря анализу публицистической деятельности ранее проживавших на территории прусского раздела Польши.

Степень изученности проблемы. Образ России в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в. длительное время лишь косвенно затрагивался в польской и российской историографии. Как правило, это происходило в контексте изучения истории трех частей разделенной Польши, восстаний, политики империи в Царстве Польском, а также при изучении деятельности польской эмиграции.

В польской историографии до 1918 г. образ России в польском общественном мнении не пользовался значительным вниманием исследователей, что было связано с работой цензуры на польских землях, за исключением территории Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии. Исследователи, акцентируя внимание на истории Январского восстания, затрагивали и образ России в контексте русификаторской политики в Польше. Также анализировалось влияние, которое российская культура и политика оказывали на польское общество, включая как негативные, так и позитивные аспекты, такие как взаимодействие польской и русской культур. Нередко в этих работах подчеркивался

антагонизм двух культур. К таким работам относится исследование историка права Ягеллонского университета С. Кутшебы (1876—1946) «Противоречия и истоки польской и русской культуры»²⁰. Будучи приверженцем тезиса о многовековом противостоянии двух народов, автор анализировал русскую литературу, делая акцент на различии между двумя культурами. Кроме того, для работы Кутшебы свойственно и укрепление стереотипов о России как о стране, далекой от западной культуры и гораздо ближе расположенной к Азии. Однако историк отмечал и постепенную европеизацию России, прогресс конституционализма и религиозной терпимости, что, по его мнению, не могло устранить противоречия, но позволило бы ослабить польско-русский антагонизм в будущем.

С. Кржеминьский (1839—1912) также был одним из историков, рассматривавших образ России в польском общественном мнении с позиции противостояния двух народов, — например, в его анонимно опубликованной во Львове работе, посвященной Царству Польскому в 1863—1888 гг.²¹ А. Краусгар (1843—1931) в исследовании, посвященном истории разделенной на три части Польши, затрагивая тему русификаторской политики российского правительства в Царстве Польском, делал акцент на восприятии польским народом царских властей и отдельно взятых личностей — Н.В. Берга, М.Н. Муравьева и А.П. Безака²². Более близкой к теме диссертации можно считать работу классика философской польской мысли М. Здзеховского (1861—1938)²³, в которой всесторонне рассматривались польский мессианизм и славянофильство.

Владислав Смоленский, представитель Варшавской исторической школы, несмотря на то что не писал специальных трудов по истории России, затрагивал в своих работах по истории Польши и тему образа России в

²⁰ *Kutrzeba S. Przeciwnieństwa i źródła polskiej i rosyjskiej kultury. Lwów, 1916.*

²¹ *Krzemiński S. Dwadzieścia pięć lat Rosyi w Polsce, 1863—1888: zarys historyczny. Lwów, 1892.*

²² *Kraushar A. . Czasy szkolne za Apuchtina. Kartka z pamiętnika (1879—1897). Warszawa, 1916.*

²³ *Zdziechowski M. Mesjaniści i słowianofile. Szkice z psychologii narodów słowiańskich. Kraków, 1888; Idem. U opoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lwów, 1888.*

контексте все того же противостояния двух народов и формирования польской идентичности²⁴.

Отдельно следует сказать об изучении истории польской эмиграции. Л. Гадон (1831—1908)²⁵, один из основателей этого исследовательского направления, опубликовал фундаментальную монографию по указанной проблематике. В ней косвенно затрагивается тема взаимоотношений между польско-российскими революционными движениями. В течение полувека польские ученые, включая В. Пшиборовского (1845—1913)²⁶ и других, подробно изучали различные аспекты истории эмиграции. Стоит отметить и труды А. Брюкнера, посвященные истории польской и русской художественной литературы²⁷.

Для польской историографии данного периода характерна интерпретация истории России в контексте многовекового политического антагонизма и территориального спора между обоими государствами и народами. В ней отчетливо проявились негативные стереотипы о России, которая воспринималась почти исключительно как главный враг «польского дела». Это находило отражение в многочисленных публикациях, изобиловавших различными предсудками и схемами.

В период Второй Речи Посполитой (1918—1939), с одной стороны, изучение образа России в польском общественном мнении продолжилось с позиции противопоставления двух культур, а с другой — появились исторические исследования, направленные на изучение идеологических течений России и развития деспотизма в стране и их влияния на поляков. Исследовались последствия нахождения части Польши в составе России, включая влияние на польскую культуру и общество. В этом отношении выделяется 7-томный труд Я. Кухажевского (1876—1952) «От белого до красного царизма», опубликованный в 1923—1935 гг. и затрагивавший темы истории революционного

²⁴ Смоленский В. История польского народа. СПб., 1899.

²⁵ Gadon L. Emigracja polska. Kraków, 1902. Т. 1.

²⁶ Przyborowski W. Dzieje 1863 roku. Kraków, 1897. Т. 1.

²⁷ Brückner A. Historia literatury rosyjskiej. Lwów, 1922. Т. 1.

движения XIX века и специфики русской мысли и культуры, а также взаимосвязи и взаимовосприятия польских и русских идеологических течений²⁸.

Ф. Конечный (1862—1949) рассматривал образ России в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в. через призму цивилизационного развития. Конечный был сторонником латинской цивилизации и критиковал идею синтеза Запада и Востока. В своем исследовании он обращался к вопросам скрытой «русификации интеллекта», влияния русской культуры на поляков — начиная с быта и традиций и заканчивая революционными веяниями. Это влияние, по мнению историка, негативно сказалось на польской культуре и общественной жизни²⁹.

Приведенные выше примеры работ мало чем отличались от тех, которые доминировали в польской историографии предшествующего периода. Интересующая нас тема рассматривалась с позиции признания многовекового противостояния, разделившего две страны и два народа, с одной стороны, и с точки зрения новейшего опыта, в частности войны 1920 г., — с другой. Именно под влиянием этих исследований в историографии почти исчезают мотивы, которые еще были заметны на рубеже веков в работах, например, М. Здзеховского (об этом подробнее см. в третьей главе) и отличительной чертой которых было рассмотрение образа России с позиции идеи культурной близости или возможного сотрудничества на почве идеи славянского родства.

В польской историографии времен Польской Народной Республики (1952—1989) в связи с политическими изменениями русско-польские отношения и, как следствие, восприятие России поляками начали рассматриваться в контексте революционной борьбы с русским царизмом. Часто этой теме касались в контексте истории Январского восстания³⁰ и сибирской ссылки, в которой пребывали как польские, так и русские революционеры.

²⁸ *Kucharzewski J.* Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk, 2000.

²⁹ *Koneczny F.* Polska między wschodem a zachodem. Warszawa, 2002.

³⁰ *Detko J.* Orzeszkowa wobec tradycji narodowowyzwoleńczych. Warszawa, 1965.

Одним из немногих историков, чьи труды отличались от вышеизложенной схемы, был А. Валицкий (1930—2020). В своем творчестве, посвященном прежде всего русской политической и общественной мысли XIX в., он нашел свою «дорогу в Россию», свободную от имевших место в то время ограничений идеологической корректности. Исследования Валицкого часто были сосредоточены на истории польской и российской мысли, а также на отношениях между Польшей и Россией в контексте развития философии и политической мысли в обеих странах. Он уделяет особое внимание философии консерватизма и национализма, а также истории освободительных идей, включая философию народничества и марксизма. Валицкий отошел от во многом традиционной для польской историографии концепции противопоставления русской культуры европейской. Для него русская мысль была неотъемлемой частью западной интеллектуальной традиции. Ученый подчеркивал демократические и либеральные тенденции, присутствовавшие в русской социально-политической рефлексии, противопоставляя свои представления распространенному в западной историографии мнению о слабости этих традиций в России³¹. Работы ряда ученых, среди которых важной фигурой является С. Кеневич (1907—1992), посвященные истории Январского восстания, внесли значительный вклад в понимание эволюции русско-польских отношений. В фокусе внимания Кеневича, в числе прочего, находился анализ реакции польской общественности на ужесточение политического курса царской администрации в Царстве Польском в преддверии восстания³².

В период Третьей Речи Посполитой (после 1989 г.) польские исследователи активно способствуют реконструкции образа Российской империи, сложившегося в польском общественном мнении изучаемого периода. Этот

³¹ *Walicki A.* Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego. Warszawa, 1970; *Idem.* Polska, Rosja, marksizm. Studia z dziejów marksizmu i jego recepcji. Warszawa, 1983.

³² *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe, Warszawa, 1972; *Idem.* Historia Polski 1795—1918. Warszawa, 1958. Об эволюции взглядов Кеневича см.: *Солдамов А.А.* Стефан Кеневич и польская историческая наука: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2019.

критический образ, ключевыми составляющими которого были восприятие России как отсталого деспотического государства и «тюрьмы народов», рассматривается ими в нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, это *репрессивные институты власти*. Работы, посвященные изучению военных, полицейских и жандармских источников (В. Цабан, С. Вех³³), анализу биографий царских администраторов (Л. Химяк³⁴) и механизмам подавления польского общества политической полицией, создают образ России как машины тотального контроля и подавления, которая напрямую формировала чувство угнетения и протеста в польском обществе.

Во-вторых, это *трагический опыт сибирской ссылки*. Исследования А. Кучиньского и В. Цабана³⁵ о польских ссыльных убедительно доказывают, что каторга и ссылка были не просто наказанием, а центральным элементом в конструировании образа России как бесчеловечной империи, целенаправленно уничтожавшей своих политических противников. Этот опыт во многом стал ключевым для формирования коллективной памяти и идентичности поляков.

Труды А. Новака³⁶ через историю *идей сопротивления* демонстрируют, как в ответ на имперскую политику в польской мысли рождались и эволюционировали идеологии, направленные на борьбу с Российской империей и на поддержку угнетаемых ею народов. Образ России, по Новаку, был активным фактором, предопределявшим характер польской политической программы.

³³ Цабан В., Вех С. Публикация и познавательная ценность источников военного и полицейского происхождения в изучении истории польских земель в составе Российской империи во второй половине XIX века // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. М., 2011. С. 93—108; Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866—1896). Kielce, 2002.

³⁴ Chimiak L. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863—1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999.

³⁵ Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Kraków, 2007; Цабан В. Польские ссыльные межповстанческого периода и Январское восстание. Люди — взгляды — идеи / пер. С. А. Мулина. СПб., 2025.

³⁶ Nowak A. Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej, 1733—1921. Warszawa, 1995; *Idem*. Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX w. Kraków, 1998; Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa, 1998.

Стоит отметить и работы историков, посвященные стереотипам, присущим взаимному восприятию двух народов³⁷. В этих трудах нередко звучало мнение о том, что Россия воспринималась поляками как главный враг. Этот образ, по мнению исследователей, ставший проблемой польского романтизма, был перенесен и на XX столетие.

Из польских имагологических исследований стоит выделить работу М. Хамота (род. 1958) об образе поляков в польской периодической печати, в которой он, помимо прочего, рассматривает отношение краковской печати к России и ее населению³⁸. Также в польской литературе данная тема частично затрагивается в публикациях, посвященных образу России в польской исторической мысли XIX—XX вв. Так, в книге Р. Стобецки (род. 1962) подробно рассматривается ход эволюции образа России в трудах второй половины XIX в., основные тенденции, доминировавшие в польской исторической мысли, и влиявшие на них факторы³⁹.

Отдельно следует отметить сборник статей, посвященный образу России в польской литературе, в который были включены, в частности, работы, затрагивающие как литературу варшавских позитивистов, так и писателей «Молодой Польши»⁴⁰.

Необходимо также охарактеризовать основные достижения российской историографии изучаемой темы. В *дореволюционной отечественной историографии (до 1917 г.)* эта тема затрагивалась фрагментарно, в основном в контексте рассмотрения политики царских властей в Польше⁴¹. Вскоре после восстания 1863—1864 гг. в Царстве Польском также появились исследования

³⁷ Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990; Giza A. Polaczowie i Moskale: Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800—1917). Szczecin, 1993.

³⁸ Chamot M. Entuzjazm i zwątpienie. Obraz własny Polaków w wybranej publicystyce prasowej trzech zaborów w latach 1864—1914. Toruń, 2003.

³⁹ Stobiecki R. Rosja i Rosjanie w polskiej myśli historycznej XIX i XX wieku. Warszawa, 2006.

⁴⁰ Obraz Rosji w literaturze polskiej. Poznań, 2011.

⁴¹ Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915.

на тему польской эмиграции за авторством В.Ф. Ратча (1816—1870)⁴², а к концу XIX в. — работы Н.В. Берга (1823—1884)⁴³. Такие авторы, как А.И. Подвысоцкий (1822—1883) и Н.И. Павлицев (1802—1879), затрагивали эту тему лишь косвенно⁴⁴.

Отдельно стоит отметить работу русского филолога и слависта А.Л. Погода (1873—1947), посвященную польской политической мысли. В ней, в частности, анализируются русско-польские отношения и взаимное восприятие двух народов, а также влияние идеологических течений на формирование взаимных стереотипов⁴⁵.

В советский период развития отечественной историографии (1918—1991) несколько историков занимались историей национальной борьбы польского народа и его связи с российским революционным движением 1860-х гг. Большинство ученых, включая С.Н. Драницына (1879—1956) и М.В. Нечкину (1901—1985), касались темы эмиграции при изучении вопроса о российско-польском революционном сотрудничестве. Для разработки тематики русско-польских революционных связей в Институте славяноведения АН СССР был сформирован большой научный коллектив, подготовивший под руководством И.С. Миллера (1919—1978) ряд коллективных трудов и публикаций документов на эту тему.

В современной российской историографии (после 1991 г.) следует упомянуть работу Г.А. Малютина⁴⁶, в которой развивается тема связей между польской эмиграцией и представителями российского революционного движения. Стоит отметить работу Л.М. Аржаковой, посвященную опыту русско-польского диалога между историками Н.И. Кареевым и М. Бобжинским⁴⁷.

⁴² Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831—1863 г. Вильна, 1866.

⁴³ Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях. Познань, 1883. Т. 1.

⁴⁴ Подвысоцкий А. Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 гг. СПб., 1869; Павлицев Н.И. Седмицы польского мятежа // Соч. СПб., 1887. Т. 4.

⁴⁵ Погодин А. Л. Главные течения польской политической мысли (1863—1907). СПб., 1907.

⁴⁶ Малютин Г.А. Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. СПб., 2013.

⁴⁷ Аржакова Л. М. Опыт польско-российского диалога: Н. И. Кареев, Н. А. Попов и М. Бобжинский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 3. С. 9—17.

Также полезными для целей диссертационного исследования оказались работы Л.Е. Горизонтова⁴⁸, М.Д. Долбилова⁴⁹, В.С. Парсадановой (1928—2021)⁵⁰, С.М. Фалькович (1932—2018)⁵¹, опубликованные Институтом славяноведения РАН в ряде сборников, посвященных взаимному восприятию двух славянских народов. Отдельно необходимо выделить работы В.А. Хорева (1932—2012)⁵², посвященные взаимному восприятию двух народов, а также образам, созданным в художественной литературе поляков и русских. Для исследований этого автора особенно характерны методы имагологии.

Также стоит упомянуть работы Е.З. Цыбенко (1923—2011), А.В. Липатова и А.А. Радун⁵³, в которых более подробно раскрывается формирование стереотипов и предрассудков о России в польской культуре.

Таким образом, теме русско-польских отношений во второй половине XIX в. посвящено немало исследований. Однако работ по теме образа России

⁴⁸ Горизонтов Л.Е. Выбор носителя «русского начала» в польской политике Российской империи. 1831—1917 // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 107—116; *Он же*. Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше. М., 1999; *Он же*. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 143—167.

⁴⁹ Долбилов М.Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840—1873. Вильнюс, 2010; Западные окраины Российской империи / науч. ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М., 2006; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

⁵⁰ Парсаданова В. С. Образ России в произведениях Пилсудского. Пилсудский и Россия // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 160—169.

⁵¹ Фалькович С. М. Национальное возрождение народа в условиях территориально-государственной раздробленности (на примере истории западных польских земель). Ужгород, 2003; *Она же*. Польская демократическая эмиграция 60—70-х гг. XIX века о проблеме «забранных земель» и взаимоотношениях польского и русского освободительного движения // Проблемы славяноведения, 2006. Вып. 8. С. 220—232.

⁵² Хорев В.А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 22—31; *Он же*. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012.

⁵³ Цыбенко Е.З. Образы русских в польской литературе второй половины XIX век // Россия — Польша образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 225—240; Липатов А.В. Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 17—29; Травкина А.А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. 2008. № 3-4. С. 56—64; Радун А. А. Образ России и русской культуры в польской прессе 1863—1905 гг.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2011.

в польском общественном мнении второй половины XIX в. существует немало, это в основном статьи, преимущественно посвященные формированию образа России под влиянием Январского восстания.

Тема образа России в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в. чаще всего затрагивалась косвенно в контексте изучения истории разделенной Польши, восстаний и политики империи в Царстве Польском. Существует недостаток глубоких и комплексных исследований, посвященных взаимовосприятию польской и русской культур, особенно в аспекте, несводимом к антагонистическому контексту.

Методологическая и теоретическая база. Методологически исследование базируется на принципах историзма и объективности, что позволяет рассмотреть объект научного исследования в конкретно-исторических условиях.

Применение комплексного подхода к изучению источников и литературы способствовало всестороннему анализу и систематизации ключевых особенностей образа России в польском общественном сознании.

Использование сравнительно-исторического метода помогло глубже проанализировать трансформацию образа России в польском общественном мнении в указанный период через сопоставление воззрений поляков, проживавших на землях в трех частях разделенной Польши и в эмиграции. Метод позволил выявить динамику изменений образа России в польском общественном мнении на фоне различных исторических событий и под влиянием тех или иных идеологических течений и понять влияние различных факторов на формирование образа России. Кроме того, благодаря сравнительно-историческому методу удалось сопоставить между собой образы царских властей и русского общества в польском общественном мнении.

Для реализации комплексного видения образа «другого» — образа России в польском общественном мнении — в диссертации используется имагологический метод⁵⁴: автор стремится к реализации комплексного видения

⁵⁴ Хорев В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей...; Иванова А. Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского

образа «другого», персонифицированного в России и русских, что позволяет выявить некоторые из основных концептов польской культуры рассматриваемого периода. Метод позволил обратиться к анализу стереотипов и предрассудков о России, существовавших в польском обществе изучаемого периода. Имагологический метод поспособствовал проведению комплексного анализа польской художественной литературы: для ее неподцензурной части было свойственно использование ярких образов России и русских, а для художественной литературы Царства Польского характерно использование «эзопова языка» — иносказательного описания России и политики, осуществляемой ее правительством на польских землях. Имагологический метод позволил акцентировать внимание на риторике польской периодической печати изучаемого периода, используемой для описания тех или иных связанных с Россией политических событий и политических деятелей. Благодаря имагологическому методу исследователю удастся лучше контекстуализировать образ России в польском общественном мнении. Для целей настоящей диссертации важно изучить социально-политический контекст формирования образа России в Польше, влияние на формирование образа таких событий, как Январское восстание, Русско-японская война и революция 1905 г. Имагологический метод позволил также выявить степень влияния образа России в польском общественном мнении на формирование польской национальной идентичности.

В ходе исследования были использованы различные методы анализа источников и литературы, однако важно учитывать проблему репрезентативности собранных данных. Несмотря на разнообразие использованных материалов, включая художественную литературу и периодическую печать, существует риск, что они могут не полностью отражать мнение всех социальных групп польского общества того времени.

государственного университета. 2016. №11. С. 74—78; Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013.

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ царских властей и русского общества в польском общественном мнении второй половины XIX — начала XX в. формировался зачастую как негативный, но неоднородный и динамичный. Царские власти воспринимались преимущественно как репрессивный, деспотичный аппарат, проводящий политику русификации и подавления польской идентичности. В то же время образ русского общества был более сложным: с одной стороны, он выражался в распространенных стереотипах о «варварстве», «рабской психологии» и «азиатской сущности» русских, с другой — отражал признание наличия в русском народе просвещенных, гуманных и даже сочувствующих Польше представителей (интеллигенция, отдельные военные, крестьяне). Образ России в польском общественном мнении формировался под влиянием различных политико-идеологических течений, расходившихся в видении будущего своей страны. На процесс формирования образа влияли такие факторы, как разногласия по поводу методов борьбы за независимость, возможности союза с тем или иным правительством, предпочтительной формы правления, способов сохранения польской культурной идентичности и др.

2. Для польского общественного мнения второй половины XIX — начала XX в. был характерен парадокс, заключающийся в отсутствии прямой корреляции между риторикой, формирующей образ России, и реальными политическими намерениями польских деятелей. Негативный образ царской власти и российской политики, транслируемый такими фигурами, как Роман Дмовский, Генрик Каменьский или Стефан Буциньский, зачастую сочетался с их прагматичным стремлением к стратегическому сближению с Россией. Эта двойственность была обусловлена необходимостью сохранения авторитета в глазах польского общества, с одной стороны, и расчетом на то, что союз с империей является единственным, некровопролитным способом спасения польского народа — с другой. Одновременно наблюдался и обратный феномен: деятели, формировавшие нейтральный или позитивный образ России (Александр Велёпольский, Владимир Спасович, Виктор Гомулицкий), на деле часто

придерживались взглядов, направленных на дистанцирование и защиту национальной автономии, стремясь избежать открытой конфронтации и тотальной ассимиляции. Наиболее же показательным проявлением этого парадокса стала позиция группы деятелей (Кароль Микошевский, Юлиуш Немирич, Эразм Пильц), которые, несмотря на репрессии после Январского восстания, усиление русификации и потрясения Русско-японской войны и революции 1905 г., продолжали искренне высказываться за союз с Россией, усматривая в германской угрозе большее зло и веря в возможность трансформации имперской политики в рамках славянского единства.

3. Развитие образа России в польском общественном сознании во второй половине XIX — начале XX в. было сложным и противоречивым процессом, обусловленным комплексом взаимосвязанных факторов. Он напрямую зависел от политики царских властей, которая колебалась между либерализацией и репрессиями. Ключевые исторические события, такие как подавление Январского восстания, Русско-японская война и революция 1905 г., действовали как катализаторы, резко и необратимо меняя массовые настроения. При этом внутри польского общества конкурировали различные идеологические течения — от мессианизма до позитивизма и социализма, — каждое из которых предлагало свою интерпретацию России как метафизического врага, временного препятствия или слабеющего политического противника. Внешнеполитический контекст (особенно усиление «германской угрозы») вносил свои коррективы, заставляя часть поляков видеть в России уже не абсолютное, а меньшее зло. Кроме того, единого образа не существовало из-за глубокой внутренней дифференциации польского общества: характер этого образа кардинально различался в зависимости от позиции наблюдателя — будь то радикально настроенная эмиграция, вынужденно осторожные жители Царства Польского или галицийские консерваторы, имевшие возможность открытой критики.

4. За время с середины XIX до начала XX в. образ России, особенно русского общества, в польском общественном мнении стал многогранным и сложным. Это произошло благодаря разнообразному опыту взаимодействия двух

народов во время нахождения Царства Польского в составе Российской империи, что способствовало формированию более полного представления о России. В результате образ России начал включать в себя различные аспекты, отражавшие сложные культурные и исторические связи между двумя народами

5. Воцарение каждого нового российского императора в польском общественном мнении неизменно встречалось с осторожным оптимизмом вне зависимости от того, каких взглядов придерживались новые самодержцы (Александр II, Александр III или Николай II), что было связано с надеждами на смену политического курса на польских землях в сторону смягчения.

6. Образ России в польском общественном мнении нередко зависел от профессиональной и идеологической позиции говорящего, что порождало раскол в восприятии русской власти и русского общества. Политико-идеологические деятели («красные», «белые», социалисты или соглашатели) фокусировались на образе царской власти как субъекта политики. Их оценки были инструментальны и прагматичны: власть изображалась либо как абсолютное зло и угнетатель для мобилизации нации, либо как стратегический партнер или меньшее зло для обоснования своей программы. В то же время литераторы (Юзеф Крашевский, Михал Балуцкий, Стефан Жеромский и другие) обращались к более сложному и неоднородному образу русского общества. Их подход был аналитическим и психологическим: они стремились понять русский народ. В их произведениях возникали многогранные персонажи — от жестоких «военных-палачей», «чиновников-коррупционеров», «жестоких помещиков» до «добрых и обаятельных купцов» и «образованных генералов», чьи пороки объяснялись влиянием деспотизма.

Структурно диссертация состоит из трех глав, каждая из которых посвящена периоду правления конкретного императора — Александра II, Александра III и Николая II, что позволяет глубже исследовать изменения в образе Российской империи в польском общественном мнении под влиянием политических решений и направленности политики каждого из правителей. Каждая глава сосредоточена на определенном монархе, поскольку для каждого из

правителей был характерен определенный политический курс как в Царстве Польском, так и за его пределами, который, в свою очередь оказывал заметное влияние на трансформацию образа Российской империи в польском общественном мнении. Кроме того, политическая направленность каждого из этапов правления была во многом задана императором, что обусловлено спецификой русского самодержавия.

Первая глава посвящена образу Российской империи в польском общественном мнении до, во время и после подавления Январского восстания, произошедшего в 1863—1864 гг. Этот образ рассматривается сквозь призму диалектики либеральных ожиданий и опыта сурового подавления национально-освободительного движения, что стало определяющим фактором формирования образа царской власти и русского общества. В параграфе, посвященном образу царских властей при Александре II (1855—1881), будет проанализировано, как реформы властей в Царстве Польском воспринимались до и после восстания, влияние Январского восстания, а также репрессивных мер, принятых после его подавления, оказавших влияние на трансформацию образа царских властей в польском общественном мнении. Второй параграф главы сосредоточен на том, как поляки воспринимали русское общество в контексте реформ и изменений, происходивших в Царстве Польском, а также под влиянием такого историософского течения, как туранская теория, что позволит выявить стереотипы и представления о русской культуре.

Вторая глава анализирует период системной русификации и консервативной стабилизации, хронологически совпадающий с правлением Александра III (1881—1894). Это позволяет проследить, как долгосрочная политика интеграции и подавления национальной идентичности формировала устойчивые стереотипы и стратегии адаптации в польском обществе. В первом параграфе будет рассмотрено, как политика Александра III по укреплению автократии и подавлению проявлений национального самосознания повлияла на восприятие власти среди поляков. Особое внимание будет уделено влиянию репрессивных мер против польской культуры и языка на образ царских властей

в среди различных политико-идеологических периодов исследуемого периода. Второй параграф исследует восприятие русского общества поляками в условиях роста национализма, усиления цензуры и реализации специфической культурной политики России.

Третья глава посвящена образу Российской империи во время правления Николая II (1894—1917) и охватывает эпоху нарастания общественно-политического кризиса, революции 1905 г. и предвоенного десятилетия. В параграфе, посвященном образу царских властей, будет проанализировано влияние Русско-японской войны, усилившегося социалистического и националистического движения и, как следствие, революционных событий на образ власти среди поляков, а также их реакция на политические изменения и попытки реформирования. Второй параграф сосредоточится на восприятии русского общества со стороны представителей литературного течения «Молодая Польша», влияния Русско-японской войны, революционных событий и предвоенной ситуации, исследуя изменения представлений о русском обществе среди поляков.

Таким образом, предложенная структура позволяет выявить причинно-следственные связи между наиболее значимыми событиями в политической жизни Царства Польского и динамикой публичных дискурсов, обеспечивая анализ того, как исторические катаклизмы и долгосрочные политические тенденции деформировали и усложняли образ России в польском общественном мнении. Подобный подход обеспечивает глубокий анализ изменений в общественном мнении с учетом исторического контекста, политического курса, заданного каждым из правителей Российской империи, и выявляет взаимосвязь между политическими решениями российских властей и их влиянием на восприятие России польским обществом.

Результаты исследования по теме «Образ России в польском общественном мнении (вторая половина XIX — начало XX века)» апробированы в следующих научных публикациях и выступлениях.

Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук:

1. Шайдуров В. Н., Коско Д. А. Польские ссыльные глазами современников (по материалам мемуаристики второй половины 1860-х — 1910-х гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10, ч. 4. С. 255-264.

2. Коско Д. А. Январское восстание в воззрениях варшавских позитивистов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 4. С. 42-49.

3. Коско Д. А. Образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860—1870-е гг. // История повседневности. 2024. № 4. С. 10-23.

4. Коско Д.А. Образ России и русских в творчестве Юзефа Крашевского второй половины 1860-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 34-42.

Также результаты исследования отражены в статье:

5. Коско Д. А. Александр II и польский вопрос накануне январского восстания 1863—1864 гг. // История повседневности. 2021. № 1 (17). С. 63-75.

Результаты исследования, кроме того, были представлены в виде доклада на конференции «Актуальные проблемы современной гуманитаристики. Памяти профессора Г.П. Жидкова» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 2023).

Глава 1. Между надеждой и конфронтацией: изменчивый образ России в эпоху Александра II (1855—1881)

1.1. От «оттепели» к репрессиям: метаморфозы образа царской власти

После подавления Ноябрьского восстания особую популярность в польской культуре приобрело течение польского мессианизма, одним из популяризаторов которого был польский поэт Адам Мицкевич (1798—1855). Это было романтическое направление, в рамках которого Польша понималась как «Христос Европы», оплот христианства, призванный спасти грешников. Польский мессианизм, по мнению А.В. Липатова, представлял собой форму патриотизма⁵⁵. В рамках данной концепции Российской империи (в особенности царским властям) отводилась роль «мучителя» и оккупанта, стремившегося сломить польский народ. В свою очередь, предложенная приверженцами польского мессианизма политическая программа нередко основывалась на моральном и духовном превосходстве, благодаря которому «польское дело» должно было восторжествовать над обидчиками⁵⁶. Для польского мессианизма, в свою очередь, характерны этнические стереотипы, в основе которых лежит этноцентризм — склонность людей рассматривать проявление культуры чужого народа через призму собственных культурных традиций и ценностей⁵⁷.

То, что польский мессианизм обрел подобную популярность в польском обществе середины XIX в., не кажется таким уж удивительным, поскольку подавление Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. имело серьезные последствия для польского народа: царские власти предприняли ряд мер по ликвидации

⁵⁵ Липатов А.В. Указ. соч. С. 24.

⁵⁶ Walicki A. Filozofia a mesjanizm...

⁵⁷ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Указ. соч. С. 62.

автономии Царства Польского, тысячи поляков эмигрировали, а многих участников Ноябрьского восстания отправили в сибирскую ссылку⁵⁸.

Период 1855—1862 гг. в начале царствования Александра II был ознаменован «оттепелью», повлиявшей на польское общественное мнение. Несмотря на жесткое заявление императора в 1855 г. о незыблемости политического курса в Царстве Польском⁵⁹, многие поляки питали робкие надежды на либерализацию после смерти Николая I.

Наместник Царства Польского Михаил Дмитриевич Горчаков (1793—1861) ослабил суровый режим в Царстве Польском, что соответствовало началу общеимперских реформ. Была ослаблена цензура, разрешена печать сочинений Мицкевича, Словацкого, Красинского и Лелевеля⁶⁰. В 1857 г. открылись Медико-хирургическая академия и Земледельческое общество, ставшие очагами интеллектуальной жизни и способствовавшие политизации общества.

До подавления Январского восстания 1864 г. значительную роль в формировании польского мнения играла эмиграция. Свободные от цензуры, ее представители открыто выражали свои взгляды через печать и публичные выступления, при этом среди них встречались и лояльные к царским властям мнения. Однако у польской эмиграции не было «единого лица». Можно выделить два основных идеологических направления в ней — консерваторы и демократы.

В 1857 г., уловив реформаторские настроения Александра II, польский революционер Генрик Каменьский (1813—1865) опубликовал анонимную статью «Россия и Европа. Польша»⁶¹. В ней он изложил свои взгляды на перспективы России и русско-польских отношений, включая оценку политики царских властей. Являясь бывшим участником Ноябрьского восстания и подпольных

⁵⁸ Śliwowska W. Op. cit. S. 15.

⁵⁹ Strumph-Wojtkiewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1963. S. 40. Здесь и далее цитаты из всех польскоязычных публикаций переведены диссертантом.

⁶⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой / пер. К. Левинсона. М., 2020. С. 96.

⁶¹ Kamiński H. Op. cit. S. 44.

организаций в Царстве Польском, Каменьский создает ожидаемо негативный образ имперской власти, называя Николая I «жандармом Европы» и характеризуя правительство как «варварское». Однако ключевым противоречием его текста становится то, что резкая критика сочетается с прямым призывом к польским революционерам пересмотреть свою стратегию и начать выстраивать взаимопонимание с «реформированной Россией»⁶². Эта амбивалентность была продиктована, с одной стороны, надеждами на «оттепель» при новом императоре, а с другой — стремлением дистанцироваться от лагеря Адама Чарторыйского, который категорически отвергал возможность союза с царским правительством.

Данное противоречие представляет особый интерес для имагологического исследования: провозглашая необходимость стирания границ между «своим» (Польшей) и «чужим» (Россией) ради общих целей, Каменьский для аргументации одновременно апеллирует к устоявшимся негативными стереотипам. Тем самым он, желая сближения, невольно воспроизводит и подчеркивает пропасть непонимания между двумя народами⁶³.

Аналогичным образом на ослабление режима в Царстве Польском отреагировал и польский писатель Юзеф Крашевский (1812—1887), выпустивший в 1861 г. брошюру «Польское дело». Ее содержание, как и текст Каменьского, было пронизано дуализмом: с одной стороны, писатель открыто критикует политику властей в Царстве Польском, наделяя представителей царского правительства негативными чертами «врага», терзающего Польшу и «высасывающего» из нее остатки сил, но с другой — это не мешает ему выступать с утопическим призывом к всеобщему примирению. Эта амбивалентность особенно заметна в надежде писателя преодолеть последствия насилия с помощью «силы всеобщей любви», чтобы превратить «мучителей в союзников», а

⁶² Ibid. S. 46.

⁶³ Иванова А. Д. Указ. соч. С. 76.

«чужих — в братьев»⁶⁴. Критика реальной политики существует у него бок о бок с идеалистической верой в возможность мгновенного духовного преображения вчерашнего врага.

Тогда же была опубликована статья проживавшего на тот момент в Царстве Польском польского публициста Стефана Буциньского (1821—1892) «Терпение или революция». Буциньский, в молодости придерживавшийся радикальных взглядов и выступавший против царских властей, создает, подобно Крашевскому и Каменьскому, крайне негативный образ имперского правительства, изображая его источником «гнета», «отчаяния» и «изнеможения» польского народа. Хотя Буциньский, в отличие от упомянутых выше деятелей, и не призывает напрямую к сближению с царскими властями, он выступает против немедленной открытой конфронтации с ними, к которой призывали радикалы. Публицист предлагает запастись терпением и тщательно готовиться, считая, что преждевременное выступление сыграет на руку врагу. Этот призыв к осторожности подкрепляется религиозно-метафорической риторикой: царские власти прямо названы «сатаной»⁶⁵. Разделяя ненависть и тот же образ врага, Буциньский призывает соотечественников к осторожности и терпению, считая сиюминутный порыв губительным.

Тем не менее, несмотря на встречавшееся в первые годы царствования Александра II смягчение в отношении царских властей со стороны польского общественного мнения, чаще можно было наблюдать проявления скепсиса по отношению к либеральному настрою молодого императора, а также негативную риторику и стремление к дальнейшей конфронтации с царскими властями. Так, среди польских консерваторов отеля «Ламбер» политические преобразования Александра II воспринимались как явление более опасное и коварное, чем открытые репрессии Николая I в Царстве Польском: «Москва теперь обещает щедро задушить либерализмом то, что она не смогла задушить

⁶⁴ *Kraszewski J.* Sprawa polska w roku 1861: list z kraju (listopad 1861). URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/edition/283485/content> (дата обращения: 13.12.2023).

⁶⁵ *Buszczyński S.* Cierpliwość czy rewolucja. Paryż, 1862. S. 14.

кровавым деспотизмом»⁶⁶. Отчасти это было обусловлено тем, что в период разработки реформы отмены крепостного права в России, когда общество ожидало всеобщей свободы, Александр II вместе со своим правительством не обратил какого-либо внимания на необходимость серьезной корректировки политического курса на территории Царства Польского. В результате этого уже в 1860—1861 гг. недавно возобновившее свою деятельность оппозиционное движение в Польше приобрело угрожающий характер — уличные демонстрации перерастали в открытые столкновения с правительственными войсками, а среди поляков начали распространяться различные агитационные листовки с призывом начать восстание.

Адам Чарторыйский (1770—1861), ключевой идеолог борьбы за независимость, видевший в западноевропейских державах, особенно во Франции, главную силу для восстановления польской государственности, с крайним недоверием относился к любым попыткам диалога с имперским правительством. Он открыто предостерегал соотечественников от иллюзий относительно России, рисуя ее образ как неизменного, коварного и агрессивного врага. В своих наставлениях Чарторыйский подчеркивал, что многовековые исторические сюжеты и системы не могут быть немедленно повернуты вспять и сломаны. По его мнению, слишком опасно доверять их колебаниям и наклонностям царских властей: «Если вы увидите, что они начинают расшатываться до основания, то вам необходимо укрепить свою нравственную позицию, сконцентрироваться и возродить национальный дух»⁶⁷.

Не только представители консервативного течения эмиграции без особого энтузиазма встретили либеральные изменения в Царстве Польском и продолжали создавать негативный образ царских властей, выступая против сотрудничества с ними, схожего мнения придерживались и станьчики, польские представители консервативного лагеря Галиции: на страницах своей газеты «Время» они регулярно обличали репрессивную природу и некомпетентность

⁶⁶ Wiadomości Polskie. 1860. № 48. S. 204.

⁶⁷ Wiadomości Polskie. 1857. № 49. S. 225—228.

российской администрации. Ярким примером такой непримиримой критики стала публикация, посвященная отставке главного директора правительственной комиссии Царства Польского Павла Александровича Муханова (1797—1871) в 1861 г. Это событие использовалось как повод для усиления риторики против имперского режима: «Непопулярность людей, стоящих у руля правительства, лучше всего проявляется, когда власть уходит из их рук»⁶⁸. Этот пассаж презентовал царскую власть как чуждую и нелегитимную силу, глубоко ненавидимую населением.

Подобная конфронтационная позиция галицийских консерваторов была не только идеологической, но и прагматичной. Их конечной стратегической целью было вовлечение Австрии в открытую войну с Россией, ослабленной после Крымской войны. Демонизируя образ царской власти и отрицая саму возможность конструктивного диалога с властями, станьчики стремились обострить австро-российские противоречия. Они рассчитывали, что в случае победы Вены лояльность польской элиты будет вознаграждена автономией польских земель в составе Австрийской империи, что виделось им меньшим злом по сравнению с прямым и жестоким управлением со стороны ненавистного российского царизма.

Первое крупное недовольство царским правительством выразилось 13 февраля 1861 г.⁶⁹ в виде публичной демонстрации в память Гроховского сражения, в результате которого (во время очередного выступления) 15 февраля российские войска открыли огонь по демонстрантам, и пять человек были убиты, что вызвало бурную реакцию как среди жителей Царства Польского, так и в эмиграции⁷⁰.

С этого момента представители польского общественного мнения, ранее рассматривавшие возможность союза с царскими властями, отказались от своих надежд, а скептицизм польской эмиграции по отношению к царским

⁶⁸ Czas. 1861. R. 14, № 72. S. 15.

⁶⁹ Здесь и далее везде даты указываются по старому стилю, если не оговорено иное.

⁷⁰ Берг Н.В. Указ. соч. С. 373.

властям перерос в открытую враждебность. Демократическое крыло эмиграции активно способствовало стремлению польского народа к независимости, используя агитацию и пропаганду, изображавшую царизм в крайне негативном свете. В начале 1860-х гг. в Царстве Польском началось массовое распространение таких материалов. Например, Людвик Мирославский (1814—1878), один из идеологов Январского восстания, в своих листовках выражал надежду, что поляки «наконец освободятся и очистятся» от русского царизма⁷¹.

Польский поэт в эмиграции Теофил Ленартович отреагировал на расстрел демонстрации несколькими яркими стихотворениями. В стихотворении «Песнь в честь 25 февраля 1861 г. в Варшаве» звучал призыв к действию против царских властей, которые демонизировались: «Плод уже созрел, конец близок! <...> Враг слушает удивленно, Бог зовет из гроба: Лазарь встань!»⁷² Стихотворение «Петербург в огне» было наполнено еще бóльшими русофобскими настроениями, поэт в религиозной традиции польского мессианизма подробно описывал, как охваченный «огнем Божиим» горит, подобно Содому, «город царей». Александр II же описывался как трусливый человек, который увидел последствия своих действий: «Стоя в темноте в ужасе, он начал вытирать кровавые слезы с глаз. И я подумал: этот человек — продолжатель преступлений своих предков»⁷³.

На страницах эмигрантской демократической газеты «Польский демократ» зазвучали призывы к восстанию, в которых главным врагом польского освободительного движения называли «систему русского абсолютизма»⁷⁴. Польский революционер Генрик Каменьский, поначалу видевший позитивные стороны в реформаторской деятельности Александра II и питавший осторожные надежды на то, что эти преобразования благодатно скажутся и на

⁷¹ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888. С. 166—170.

⁷² Lenartowicz T. Poezje. Gdańsk, 2000. S. 99-101.

⁷³ Lenartowicz T. Poezje Teofila Lenartowicza. Poznań, 1863. T. 1. S. 51.

⁷⁴ Demokrata Polski. 1861. S. 110.

положении Царства Польского, после кровавых последствий манифеста отказался от идеи сотрудничества с российским правительством⁷⁵.

Ухудшение отношения поляков к царским властям после жестокого подавления февральских демонстраций 1861 г. нашло яркое отражение в анонимном, переведенном с польского языка стихотворении, призывавшем к союзу польского и русского народов против деспотизма. Автор подчеркивал, что теперь открытое противостояние — это единственно возможная форма взаимодействия с царским режимом. В стихотворении представлен образ царской власти как прямого и безоговорочного врага, при этом важной особенностью является проведение границы между образами царской власти и русского общества: «Пусть уже кровь эта, коей штык русский Польшу наводнил, падет не на Русь, но лишь на тирана...»⁷⁶ Призыв к примирению и совместной борьбе против угнетателя звучит и в других строках, где общий страдальческий опыт должен стать основой для преодоления взаимной ненависти: «Пусть кровь мученическая, которую мы пролили в рудниках Сибири, уничтожит в сердцах наших взаимную ненависть для подвигов достойных»⁷⁷.

В 1862 г. либерально настроенный брат императора Константин Николаевич был назначен наместником Царства Польского. Он выступал за реформы, основанные на невыполненном Органическом статуте 1832 г. Однако его попытка диалога с Анджеем Замойским, основателем Земледельческого общества, провалилась. Замойский требовал восстановления конституции, армии и возвращения бывших восточных территорий Польши. Константин назвал его «мечтателем» и «безумцем», что привело к ссылке Замойского. Этот инцидент лишь усилил стремление радикального крыла польского оппозиционного движения к вооруженному восстанию.

⁷⁵ Prawda. 1861. № 3. S. 4.

⁷⁶ «Молитва русских» — стихотворение неустановленного лица с осуждением деспотизма царского правительства по отношению к Польше и декларацией необходимости объединения русского и польского народов для борьбы с ним. См.: ГАРФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 111. Л. 5.

⁷⁷ Там же. Л. 4.

В том же году Александр II назначил реформаторски настроенного маркиза Александра Велёпольского главой гражданского управления (фактически премьер-министром) Царства Польского. Как и Константин, Велёпольский стремился к введению Органического статута 1832 г.

В 1861—1862 гг. были учреждены Государственный совет (давший Велёпольскому карт-бланш) и местные советы (губернские, уездные, городские), открыты высшие учебные заведения и преобразованы средние школы. За два года маркиз осуществил впечатляющую программу реформ, опираясь на экономический рост. Однако, несмотря на эти перемены, радикальное движение в Польше продолжало расти из-за неспособности царских властей разрешать конфликты мирным путем.

В 1862 г. призывы к открытому восстанию против тирании царских властей в Царстве Польском вышли на новый уровень, особенно благодаря агрессивной риторике демократического крыла польской эмигрантской прессы. Эти издания обличали имперский режим. Так, 13 (25) января газета «Польский демократ» опубликовала патриотическое стихотворение, которое называло императора трусливым «убийцей на троне», открыто бросая вызов его власти и ставя под сомнение его легитимность⁷⁸.

Представители консервативного крыла эмиграции, как и их оппоненты, были вынуждены признать неизбежность вооруженного столкновения. Они осознали, что мирное разрешение давнего конфликта с царской Россией невозможно, а единственным путем к признанию польских прав станет прямое противостояние. Их позиция выражалась в убеждении: «В Москве, вероятно, только через осознание своих прав и страданий однажды начнут уважать права и страдания других»⁷⁹. Русско-польские отношения они описывали как непреодолимый и обреченный на конфликт спор, требовавший решительных действий.

⁷⁸ Demokrata Polski. 1862. R. 20, ark. 22. S. 87.

⁷⁹ Mowa księcia Władysława Czartoryskiego miana na posiedzeniu Towarzystwa Literacko-Historycznego w Paryżu dnia 29 Listopada 1862 r. Paryż, 1862. S. 7.

В попытках предотвратить восстание Велёпольский прибег к рискованному шагу. Он распорядился о рекрутском наборе, стремясь тем самым лишить радикалов социальной базы за счет массового призыва молодых людей. Даже наместник Константин выступал с критикой подобного подхода, видя в этих действиях ненужную провокацию⁸⁰.

Следующим значимым этапом, повлиявшим на трансформацию образа царских властей в польском общественном мнении, стало Январское восстание. В этот период среди польских патриотов выделились два основных течения — «красные» и «белые». «Красные» выступали за бескомпромиссную борьбу за свободу польского народа, будучи преимущественно республиканцами. «Белые» же представляли собой консервативное крыло, с осторожностью относившееся к насильственным методам борьбы за независимость. Они рассматривали мирные способы достижения целей, такие как патриотические демонстрации, компромиссы с царскими властями и укрепление культурных связей между частями разделенной Польши.

Решение царских властей о рекрутском наборе, воспринятое «красными» как прямая угроза готовящемуся восстанию, послужило катализатором для поспешного перехода к вооруженному выступлению. Уже 10 (22) января 1863 г., провозгласив себя Временным национальным правительством, Национальный комитет издал манифест, который не просто объявлял войну царскому режиму, но и закреплял негативный образ бесчеловечного и коварного оккупанта в польском сознании.

В этом документе имперский режим был представлен как чуждая и тотально враждебная сила — «злое захватническое правительство», замыслившее нанести своей «жертве» решающий удар посредством вербовки в армию. Данный шаг был интерпретирован не иначе как коварное «похищение» десятков тысяч самых преданных и мужественных защитников родины, чреватое

⁸⁰ *Кауптала П.* Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сб. ст. / отв. ред. В. В. Лапин. СПб., 2012. С. 201.

обескровлением нации. Угнетение со стороны России было публично охарактеризовано как «проклятое иго», а единственным достойным ответом на него провозглашался героический исход: «либо победить, либо погибнуть». Сам царь был назван «тираном», целенаправленно уничтожавшим польский народ.

Авторы манифеста делали акцент и на игнорировании Россией сочувственных призывов прекратить насилие в Польше со стороны европейских правительств. Эти призывы царским правительством воспринимались как «подстрекательство и нарушение мирового порядка»⁸¹.

В этот период особый акцент делался на конкретных политических деятелях, по вине которых, по мнению повстанцев, страдал польский народ и против которых этот народ и восстал. Так, в прокламации Исполнительной комиссии, изданной весной 1863 г., речь шла об Александре II, который описывался как «слабый московский царь» — он не смог запугать повстанцев тюрьмой, убийствами и пожарами и обратился к распространению ложных сведений о восставших. Авторы прокламации предупреждали о вреде российской пропаганды, которая представляет собой «сети обмана и лжи»⁸².

Во время событий 1863—1864 гг. особое влияние на формирование образа царской власти в польском общественном мнении приобрела революционная периодическая печать, важную роль которой отводило Временное национальное правительство. За период восстания было выпущено свыше 304 номеров подпольных газет, 212 из них — на территории Царства Польского, 42 — в Галиции, 23 — на территории российской Литвы, 16 — в других регионах России и 11 — в европейских типографиях⁸³.

Видную роль в польском освободительном движении и революционной печати играл Агатон Гиллер (1831—1887), поначалу симпатизировавший

⁸¹ ГАРФ. Ф. 484. Оп. 2. Д. 659. Л. 8.

⁸² Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu narodowego 1862—1864 / red. E. Halicz, S. Kieniewicz, I. Miller. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 37—38.

⁸³ Прохоренков И.А. Подпольная печать на охваченных восстанием землях. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_rare/Polish_uprising/leaflets.php (дата обращения 23.11.2023).

«красным». Участник европейских революций 1848—1849 гг. и сибирский ссыльный, Гиллер с 1861 г. занимался распространением подпольных изданий. Во время Январского восстания он редактировал революционные газеты («Движение», «Сторожевая башня», «Новости с поля битвы»), в которых имперский режим последовательно клеймился как «беззаконный» и «захватнический»⁸⁴. Характерным был призыв в газете «Движение»: «Долой царские милости, мы взяли за оружие, только оружие разрешит наш спор с Москвой»⁸⁵.

Аналогичную риторику непримиримой вражды развивала и газета «Правда». Ее редакторы представляли царское правительство как враждебную силу, подлежащую изгнанию: «Мы все должны восстать как один, чтобы свергнуть правительство захватчиков»⁸⁶. Критикуя любые реформы как лицемерные и недостаточные, публицисты заявляли, что нация больше не желает получать преобразования «сверху» и сама осуществляет их с оружием в руках, заставляя царя отступить за естественные рубежи — к Бугу, Неману, Днепру и Двине⁸⁷.

Польская повстанческая пресса целенаправленно создавала и тиражировала образы конкретных российских политических деятелей как персонифицированных воплощений имперской жестокости. Особое место в этой галерее тиранов занял Михаил Николаевич Муравьев (1796—1866), назначенный в мае 1863 г. виленским генерал-губернатором с расчетом на организацию кровавой расправы над восставшими. Он принял активное участие в подавлении Январского восстания, попутно прибегнув к публичным казням повстанцев⁸⁸.

Обретя такой важный символ царского террора, польские публицисты представляли его не просто как жестокого администратора, а как исчадие самой московской деспотической системы (на что ссылались в «Московских

⁸⁴ Ruch. 1862. № 2.

⁸⁵ Ruch. 1863. № 16.

⁸⁶ Prawda. 1863. № 13.

⁸⁷ Prawda. 1863. № 4.

⁸⁸ *Chimiak L.* Op. cit. S. 31.

ведомостях»): «Москва — отчизна Муравьева, неистощимая в изыскании новых насилий и жестокостей»⁸⁹.

Официальный печатный орган Национального правительства — газета «Национальный журнал» под редакцией Адольфа Хеннеля (1829—1869) — формировала образ царской власти как преемственной системы тирании, где каждый правитель внес свой вклад в угнетение Польши. В первом номере издания российские императоры были представлены как воплощения различных форм деспотизма: «волчица Екатерина», «сумасшедший Павел», «лицемерный Александр I» и «дикий Николай»⁹⁰. Эта галерея образов подчеркивала, что сущность имперской власти оставалась неизменной — независимо от личных качеств монарха, она всегда проявлялась в политике систематического угнетения и лишения суверенитета. Указывая, что ни обещания реформ, ни смена правителей не меняют сути имперской политики, авторы утверждали нелегитимность любой формы российского владычества и обосновывали необходимость продолжения борьбы до полного освобождения.

Особую роль во время Январского восстания играли и агитационные листовки. Так, в листовке «Братья-казаки», призывавшей казаков перейти на сторону восставших, авторы не просто обвиняли царское правительство во лжи, но и утверждали, что оно лишало их самосознания и подчиняло своей власти: «Москаль-плут прибрал вас в свои нечестивые лапы, спрятал от вас казацкую летопись и сочинил другую, исполненную лести и клеветы, одурманил и одурачил вас»⁹¹.

Польская повстанческая пропаганда, стремясь достичь максимального охвата населения, целенаправленно использовала разнообразные литературные формы для демонизации образа царской власти. Посредством публицистики и поэзии массам доступно объясняли, что единственным врагом является репрессивный имперский режим. В подпольной газете «Правда» автор

⁸⁹ Московские ведомости. 1863. № 206.

⁹⁰ Dziennik Narodowy: wydawany z upoważnienia Rządu Narodowego. 1863. № 1.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 484. Оп. 2. Д. 659. Л. 14.

анонимного стихотворения призывал к восстанию, представляя российское правительство в образе чудовищной «монгольской гидры», чьи головы должны быть срублены в ходе неизбежной расправы⁹².

Этот образ иноземного чудовища получал развитие в других текстах. В стихотворении «Польское обращение к московскому царю» Александр II изображался как садистский преступник и «разбойник разбойников... злой, как бес»⁹³, лично ответственный за казни священников, убийства мирных жителей, осквернение храмов и сожжение деревень. Поэт Генрик Мерцбах (1836—1903) закреплял этот образ государства, открыто называя российское правительство «тираном»⁹⁴, методично сокрушающим польский народ. Царская власть последовательно мифологизировалась — от бесчеловечного чудовища до персонифицированного воплощения абсолютного зла в лице императора.

Агитационное стихотворение «Песня польских крестьян», написанное доступным языком, вносило вклад в формирование образа царской власти как реакционной силы, несущей социальное порабощение. Анонимный автор представлял российское правительство не просто как национального угнетателя, но и как классового врага, который в случае победы лишит крестьян всех прав: «из польских мужиков сделают русских мужиков», вернут оброк и насильственно восстановят крепостное право⁹⁵. Важно отметить, что угроза здесь формулировалась не в абстрактных национальных категориях, а в конкретных социальных терминах: царская власть изображалась как гарант социального регресса и феодального угнетения.

Стоит отметить, что поэзия играла особую роль во время событий 1863—1864 гг. не только в рамках публицистической пропаганды, она отражала эмоциональное состояние автора и формировала яркие образы в сознании читателя. Во время восстания было написано множество стихотворений в традиции польского мессианизма, отражавших настроения польского народа и

⁹² Prawda. 1863. № 11. S. 17.

⁹³ Powstanie Styczniowe. Materiały i dokumenty. S. 173.

⁹⁴ Ibid. S. 180.

⁹⁵ Ibid. S. 157.

содержавших религиозные мотивы: роль «мученика» отводилась Польше, а мучителя, в свою очередь, России. Так, польская поэтесса Нарциза Жмиховская (1819—1878), изначально выступавшая против восстания и в конце концов поддавшаяся (подобно другим ранее настроенным на компромисс с царской властью полякам) национальной экзальтации 1863 г., написала стихотворение «Бог с Вами»⁹⁶, в котором царское правительство изображалось «мучителем» польского народа.

Поэзия периода Январского восстания активно использовала мессианскую парадигму для придания религиозного значения образу царской власти, изображая его как метафизическое зло. В творчестве Мечислава Романовского (1833—1863) имперский режим персонифицировался в образе кровавого тирана, от ударов которого «погибают наши братья»⁹⁷. Его стихотворение «Весна» трансформировало сезон обновления в призыв к священной войне, где российская власть представляла воплощением демонической силы, противостоявшей божественному порядку⁹⁸.

Ядвига Лощевская (1834—1908) углубляла эту риторику сакрального противостояния, изображая Польшу-Христа, принимающую мученический венец от российских мучителей. В стихотворении «В Варшаве» царская администрация описывалась как кощунственная сила, оскверняющая священный город: «Тебя оскорбляли, мучили и плевали!»⁹⁹ В патриотической песне «Это мы!», где российское государство репрезентировалось как inferнальный враг, чьей «кровью насытить жажду» призывают авторы соотечественников: «Мы желаем своими зубами терзать плоть до костей»¹⁰⁰.

Мотивы польского мессианизма характерны и для лирики поэта и участника Январского восстания Мечислава Романовского (1833—1863), в стихотворении которого «Польский гимн» царские власти изображались в виде

⁹⁶ *Piesni narodowe 1863 r.* Lwów, 1913. S. 9—10.

⁹⁷ *Ibid.* S. 6—7.

⁹⁸ *Ibid.*

⁹⁹ *Ibid.* S. 19.

¹⁰⁰ *Ibid.* S. 11.

тирана, от ударов которого «погибают наши братья»¹⁰¹. Романовский продолжил тот же мотив и в стихотворении «Весна», которое заканчивалось призывом: «С весной готовьтесь к войне! Жди нас, враг!»¹⁰²

Христианские мотивы были не просто поэтическим приемом, а мощным идеологическим инструментом, который позволял польским авторам рельефнее обрисовать облик врага, осмыслить страдания народа, придать смысл своей борьбе, мобилизовать силы и дать надежду в один из самых трагических периодов польской истории.

За время восстания было опубликовано немало не только стихотворений с религиозными мотивами, но и молитв со словами поддержки в адрес польских повстанцев. Католицизм как маркер национальной идентичности противопоставлялся «чужеродному» православию империи, а обращение к Богу за поддержкой против «московского ига» подчеркивало моральное превосходство жертвы над палачом. Это обращение также становилось своеобразным моральным оправданием насильственной борьбы против российского владычества. Царский режим приобретал в этом дискурсе еретические черты или признаки сатанинской силы:

Как животные, у которых нет еды,
Я прорвусь к Тебе, Боже!
Как голубь в когтях ястреба,
Я прорвусь к Тебе, Боже!
Как ягненок в когтях ирода,
Я прорвусь к Тебе, Боже! <...>
Как раб под кнутом своего господина,
Как мученик, я страдаю
Как невинный, приведенный к смерти,
Как Христос на кресте, когда он воскликнул: «Отец!»¹⁰³

¹⁰¹ Ibid. S. 6—7.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Modlitwa z r. 1863 // Modlitwy za ojczyznę. Warszawa, 1916. S. 96.

В другой молитве анонимный автор, стремясь подчеркнуть языческую и варварскую сущность российского правительства, изображал его как врага, осквернившего с «кощунственным смехом» польские храмы. Примечательно, что в песне звучал и призыв к Богу с просьбой умерить гнев в отношении польского народа, который и без того перенес немало страданий: «Стоны и обиды невинных ты знаешь <...> С язычниками нам не впервой на этой земле воевать. Наше древнее знамя: Бог, Отечество, Свобода»¹⁰⁴.

По мере подавления восстания в молитвах все чаще начали звучать темы прощения и милосердия в отношении повстанцев. Риторика открытой конфронтации и призывов к изгнанию врага сменяется молитвой о божественном посредничестве и примирении. Однако, подобно тому, как было в период «оттепели», с другой стороны, негативный образ царских властей как безусловного врага сохраняется в своей основе. В одной из анонимно написанных молитв власть называется «гидрой», действия которой продиктованы «свирепой яростью». Однако автор, признавая невозможность победить врага физически, обращается уже не к соотечественникам, а к Богу с просьбой совершить чудо: «Просвети и умягчи сердца тиранов». Ключевым элементом здесь становится уже не уничтожение врага, а его внутреннее преображение, которое заставит его «уважать человечность» и «щадить кровь»¹⁰⁵.

В другой молитве, написанной уже на исходе восстания, автор просит Бога услышать «крики и вопли» польского народа, который выступил против своего врага, державшего его в «семидесятилетнем рабстве». Польский народ здесь снова выступил в роли мученика, для которого поражение является частью божественного плана, испытание, которое польский народ должен пройти, сохранив веру и национальный дух: «Позволь нам восхвалять и прославлять имя твое на эшафотах, в темницах и тюрьмах, в сибирских пустынях»¹⁰⁶. Таким образом, царская власть сакрализуется как бич Божий,

¹⁰⁴ Ibid. S. 15.

¹⁰⁵ Modlitwa // Modlitwy za ojczyznę. Warszawa, 1916. S. 103.

¹⁰⁶ Modlitwa na nowy rok 1864-ty // Modlitwy za ojczyznę. Warszawa, 1916. S. 108.

инструмент высшего наказания за грехи народа. Это не оправдание врага, а придание ему статуса силы, которой можно противостоять только духовно, а не физически.

И если в годы восстания (в особенности поначалу) бóльшая часть польских деятелей, высказывавших негативную позицию относительно царских властей и выступавших за решительную конфронтацию с ними, относилась к участникам освободительного движения, действовавшим на территории Царства Польского, то настроения поляков, находившихся на территории Галиции, были несколько иными.

Публикации в консервативной газете «Время» демонстрируют двойственную позицию, сочетающую риторическое осуждение репрессий с осторожной дистанцированностью, продиктованной внешнеполитическими интересами. Характеризуя образ царских властей в периодической печати Галиции во время Январского восстания, стоит отметить, что авторы газеты «Время», с одной стороны, осудили жестокие меры подавления: «В Варшаве российское правительство, опасаясь разрастающегося восстания, совершает самые причудливые преступления»¹⁰⁷. С другой стороны, это осуждение не переросло в призывы к активной поддержке восстания или разрыву с Австрией. Консерваторы Галиции, будучи прагматиками, подчиняли свою риторику интересам австрийских властей, которые занимали выжидательную позицию и установили жесткий контроль на границе с Царством Польским, активно вылавливая повстанческие отряды, пытавшиеся перейти границу.

Галицийский консерватор Павел Попель (1807—1892), с одной стороны, создавал и поддерживал негативный образ царских властей, а с другой — предлагал из прагматических соображений пойти на сотрудничество с ними. Вместе с тем он выступил с критикой насильственных методов борьбы за свободу Польши. В основе позиции Попеля лежит восприятие России не как могущественного и расчетливого противника, а как травмированного, иррационально

¹⁰⁷ Czas. 1863. № 45. S. 16.

действующего и структурно ущербного государства. Попель характеризует ее как «страну, покалеченную нашествиями врагов, в которой нет четкой политической структуры»¹⁰⁸. В его интерпретации царская власть действует не по стратегическому плану — она, скорее, движима парализующим страхом и исторической травмой. Эта ущербность, по его мнению, и заставляет империю, «не имея возможности избавиться от врага, полностью уничтожить жизненные силы польского сообщества», представляя не равнодушным механизмом угнетения, а разрушительной силой.

Именно этот образ привел Попеля к противоречию: признавая бесполезность восстания, он категорически отрицал возможность идейного сближения с Петербургом: «надо использовать [победившую власть] как органический инструмент общества»¹⁰⁹. Его позиция заключалась не в призыве к компромиссу, а в формуле вынужденного прагматизма, граничащего с коллаборационизмом. Для Попеля царские власти — это не партнер для диалога, а враждебный инструмент, которым нужно научиться манипулировать, используя их же институты для сохранения польской идентичности «снизу». Его идеалом была автономия в рамках более предсказуемой Австрии, в то время как Россия виделась ему источником «небывалого гнета», делавшего любое равноправное сближение невозможным.

При этом он прямо возлагал ответственность за этот гнет на имперские власти, утверждая, что цензура и репрессии породили тот радикализм, который власть затем использовала для оправдания новых репрессий. Тридцать лет, предшествовавших Январскому восстанию, Попель называл временем небывалого гнета со стороны от российского правительства. В условиях российской цензуры молодые поляки могли обратиться лишь к самоубийственным, навязанным эмиграцией мессианским идеям: «Это поколение на мистическом

¹⁰⁸ *Popiel P.* Kilka słów z powodu odezwy х. Adama Sapiehy. URL: <https://www.omp.org.pl/stareomp/index4fae.html?module=subjects&func=viewpage&pageid=140> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁰⁹ Ibid.

языке читало и слышало, что всего можно добиться через жертву. В этом поколении развилось бурное стремление к действию и самопожертвованию»¹¹⁰.

Подобное мнение было отчасти продиктовано, среди прочего, и изначально скептическим отношением Попеля к вооруженной борьбе за независимость Польши. Так, Ноябрьское восстание публицист считал большой политической ошибкой, повлекшей множество жертв¹¹¹.

Постепенно шло подавление восстания, и никакая иностранная помощь, на которую рассчитывали многие участники восстания, так и не была на самом деле получена. Западные державы ограничились выпуском весьма общих дипломатических деклараций, рассматривая польское восстание как внутреннее дело Российской империи, что отмечал и М.Н. Катков 21 сентября 1863 г. в «Московских ведомостях»: «Можно смело сказать, что Европа воевать из-за Польши не хочет и не может, если только не примешаются к делу какие-либо новые элементы»¹¹².

Итогом восстания стали массовые репрессии, казни и ссылки в Сибирь участников польского освободительного движения. Так, 24 июля (5 августа) 1864 г. был казнен польский революционер Ромуальд Траугутт вместе со своими сподвижниками. Шестого сентября 1864 г. в связи с этим событием была издана прокламация Национального правительства, обрисовавшая красноречивый образ деспотичного царского правительства, которое никак не может насытиться каждодневными польскими жертвами и их кровью: «Разбойническая совесть царя ищет забвения и облегчения в новых преступлениях... <...> Сегодня мы можем только презирать и проклинать. Так давайте бросим презрение и проклятие в злое лицо палача»¹¹³.

Во время Январского восстания в польском общественном мнении царские власти, вне зависимости от нахождения в том или ином политическом лагере или на той или иной территории разделенной Польши, закономерно

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Московские ведомости. 1863. № 206.

¹¹³ Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. S. 71.

воспринимались как жестокие угнетатели и тираны. На это восприятие влияла традиция польского мессианизма, способствовавшая укреплению антагонизма между Польшей-мученицей и Россией-мучительницей. По мнению А.А. Травкиной, польский мессианизм и вовсе был настолько ярким феноменом, что имел значимое влияние на польскую культуру не только в XIX, но и в XX в.¹¹⁴

Однако, как отмечал польский историк Станислав Кутшеба, не стоит переоценивать влияние культурного антагонизма на взаимоотношения двух народов¹¹⁵: ближе к концу восстания среди польской интеллигенции звучали мнения, критиковавшие насильственные методы борьбы за независимость и содержавшие призывы к компромиссу. Это приводило к более сложному восприятию царского правительства. С одной стороны, оно оставалось жестоким угнетателем в глазах поляков, но с другой — обстоятельства вынуждали поляков искать способы примирения с ним.

В период после подавления Январского восстания на территории Царства Польского началась политика русификации, предполагавшая борьбу с польским языком и религией: в 1864—1868 гг. в православную веру было обращено более 70 тыс. поляков, а все элементы автономного положения края были ликвидированы¹¹⁶. Еще одним последствием Январского восстания стала очередная волна эмиграции. Самые активные участники восстания были казнены, в то время как остальные были сосланы на территорию Западной Сибири. По разным подсчетам, от 8,2 до 12,5 тыс. человек были отправлены в ссылку, арестантские роты или на каторгу. Русский революционер, участник организации «Земля и Воля» С.Г. Стахевич застал первую волну ссыльных участников Январского восстания и следующим образом вспоминал их: «Партии поляков, привезенных из Варшавы в тобольскую тюрьму... производили на меня... впечатление зажиточности, благообразия и культурности.

¹¹⁴ Травкина А.А. Указ. соч.

¹¹⁵ Kutrzeba S. Op. cit. S. 77.

¹¹⁶ Долбилов М.Д. Указ. соч. С. 456.

Совершенно другой вид имели поляки, прибывавшие в ту же тюрьму из Вильна и вообще из литовских губерний»¹¹⁷.

По оценкам исследователей, на рубеже 1864—1865 гг. Царство Польское покинуло около 8 тыс. человек беженцев, но значительная их часть осталась в Галиции, а остальные присоединились к небольшим группам эмигрантов 1831 и 1848 гг., главным образом во Франции (3,4 тыс.) и Швейцарии (600 чел.). Польские группы появились также в Бельгии, странах Германии, Англии, а также в Турции и Румынии (1,5 тыс.)¹¹⁸.

Польский историк Станислав Кржеминьский справедливо отмечал, что многие поляки после подавления восстания продолжали бороться против царских властей, но уже через активную политическую деятельность за пределами Польши¹¹⁹. Они не забывали о своей родине и вели патриотическую пропаганду на территории Царства Польского, а также создавали различные тайные организации, нацеленные на освободительную борьбу польского народа. Об этом свидетельствовал и последний наместник Царства Польского Федор Федорович Берг (1794—1874) в 1866 г.: «Неблагодарящие безумцы, не находя себе сочувствия и поддержки в своих братьях, стараются всячески поселить в народе недоверие к законному правительству»¹²⁰.

Несмотря на существование различных идеологических направлений в эмиграции и существовавшие между ними разногласия, в их мировоззрении особое место всегда занимал образ России, который после подавления Январского восстания стал важным элементом формирования польской идентичности. Польские эмигранты особенно пристально следили за положением дел в Царстве Польском после подавления Январского восстания, особенно болезненно воспринимая все преобразования, направленные на русификацию края,

¹¹⁷ *Стахевич С.Г.* Среди политических преступников (Из моих воспоминаний) // Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Kielce, 2019. Ч. 2. С. 79.

¹¹⁸ *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-60-х годов XIX века. С. 8.

¹¹⁹ *Krzemiński S.* Op. cit. S. 24.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

которые стали важным элементом в восприятии царских властей. Первые годы после подавления восстания польские эмигранты создавали негативный образ царских властей, подкрепленной стремлением к конфронтации с ними.

Так, активный участник Польского демократического общества в Лондоне Антоний Жабицкий (1810—1877) в 1865 г. на праздновании годовщины Ноябрьского восстания в своей речи с неизбежностью затронул Российскую империю, охарактеризовав ее как государство, державшее в неволе страдающий польский народ. Центральным элементом этого образа была фигура императора Александра II, которого Жабицкий представлял не как государственного деятеля, а как личного виновника и проводника полонофобской политики. Публицист провел прямую параллель между царем и безумным тираном Нероном, намекнув на свойственные обоим иррациональную жестокость и деспотизм¹²¹.

Жабицкий расширил круг виновных, включая в него и высших чиновников. Александра Велёпольского и великого князя Константина Николаевича он заклеил как «верных соучастников» русификации, чья преданность имперскому курсу граничит с предательством интересов Польши. В его интерпретации они предстали циничными и жестокими архитекторами угнетения, которые со «злым смехом» готовы наблюдать за гибелью польской нации и использовать ее могилу как фундамент для нового союза против свободы¹²².

Агатон Гиллер, эмигрировавший в Швейцарию после подавления восстания и в этот же период, начавший активное изучение его истории¹²³, в своем циркуляре схожим образом высказывался в отношении русификаторской политики в Царстве Польском. Так, по мнению Гиллера, царские власти с помощью

¹²¹ Донесения агента III отд[еления] из Лондона о деятельности польской эмиграции и русских эмигрантов в Европе с приложением писем Гиллера // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 561. Л. 6.

¹²² Там же.

¹²³ Цабан В., Михальска-Браха Л. Агатон Гиллер (1831—1887) — первый историк Январского восстания // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2014. С. 28.

цензуры и полиции погрузили польские земли в «гробовое молчание, среди которого раздаётся только адский, искусительный голос сатаны»¹²⁴.

Гиллер особо подчеркивал роль, которую царские власти отводили подконтрольной периодике для дискредитации эмиграции. Он высказывал мнение, что официальная печать в Российской империи выступала не как независимый источник информации, а как пропагандистский рупор властей. Гиллер прямо обвинял «продажные и полицейские журналы» в целенаправленной кампании по очернению деятельности польских эмигрантов. По его словам, эти издания, выполнявшие политический заказ, систематически публиковали «целые столбцы лживой корреспонденции»¹²⁵.

Наполнено критикой царской власти и коллективное письмо, направленное в 1867 г. от лица польских эмигрантов министру иностранных дел Российской империи Александру Михайловичу Горчакову (1798—1883). В письме анонимные авторы упрекали российское правительство в неслыханном варварстве и издевательствах над польским народом. На русификаторскую политику царских властей авторы письма обещали ответить мстостью «правительству и подвластным ему, а также подданным и сторонниками российским»¹²⁶.

Кристин Островский (1811—1882) — бывший участник Ноябрьского восстания, основавший совместно с Агатоном Гиллером Польский национальный музей в Рапперсвиле, подобно Жабицкому дал характеристику политической элите Российской империи. В 1867 г. поэт выпустил сочинение «Два проклятия: Муравьёв II и Александр II»¹²⁷, состоявшее из двух стихотворений.

Первое посвящено М.Н. Муравьёву, который изображен не просто жестоким человеком, а «правой рукой разбойника царя», кровавым исполнителем

¹²⁴ Донесения агента III отд[еления] из Лондона о деятельности польской эмиграции и русских эмигрантов в Европе с приложением писем Гиллера // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 561. Л. 17.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Письмо от имени партии польских эмигрантов на имя министра иностранных дел кн. Горчакова с объявлением мести русскому правительству за угнетение Польши // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 502. Л. 2.

¹²⁷ *Ostrowski K. Dwa przekleństwa: Murawiew II, Aleksander II. Paris, 1867.*

его воли, чьи преступления столь ужасны, что даже после смерти он останется «кровавым призраком», пугающим мир¹²⁸.

Сама же верховная власть олицетворена в образе Александра II. Островский создает образ не государственного деятеля, а «дикого монстра в царском обличии», проводя прямые параллели с «эталоном» деспотизма в истории — Иваном Грозным и Чингисханом. Островский как бы помещает императора в «пантеон» вечных, вневременных тиранов, чья жестокость является не инструментом политики, а проявлением их сущности¹²⁹.

Владислав Эварист Броэль-Плятер (1808—1889), будучи представителем консервативного направления польской эмиграции, на праздновании 45-летия Ноябрьского восстания, произнося речь, высказал схожее с Жабицким мнение в отношении политики Российской империи в Царстве Польском. Для Плятера она олицетворяла собой систему целенаправленного и многоуровневого террора, цель которого не просто подавление, а тотальное уничтожение основ польской идентичности. Этот образ выстраивается не через персонификацию, как у других авторов, а через систематизированный перечень инструментов государственного насилия. Плятер представляет имперскую политику не как проявления хаотичной жестокости, а как методичный и всеобъемлющий механизм угнетения. Он детально перечисляет его составные части: преследование религии, тюрьмы, ссылка, конфискации имущества и, наконец, «мученические смерти»¹³⁰.

Юзеф Крашевский был одним из тех польских эмигрантов, который с особой неприязнью описывал российское правительство в своих произведениях после подавления восстания. Крашевский, который ранее, с одной стороны, относился с пониманием к повстанцам и выступал с критикой имперской политики в Царстве Польском, а с другой — высказывался против насильственных методов борьбы за независимость и за возможность сотрудничества

¹²⁸ Ibid. S. 3.

¹²⁹ Ibid. S. 12.

¹³⁰ Агентурные донесения о праздновании 45-летнего юбилея польского восстания 1830 г. за границей // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 553. Л. 4.

с царскими властями, в первые годы после подавления восстания стал проявлять бóльшую политическую активность, выражавшуюся в активной поддержке польских повстанцев и критике русского царизма. Крашевский переехал в Дрезден, где стал главой дипломатической миссии польского Временного национального правительства, там же он начал помогать бывшим участникам освободительного движения, искавшим убежища за границей¹³¹.

Царская власть предстает в его романах как карательный механизм, что ярко показано через судьбу героя «Красной пары» Томашека Чуприны. Насильно мобилизованный в русскую армию, он становится «мучеником московской тирании»¹³², а его личность стирается и уродуется системой, что подчеркивает губительное воздействие имперской машины на индивидуальность.

Особое внимание Крашевский уделяет пропагандистскому аппарату империи, изображая его как циничный «рупор власти», который сознательно демонизирует поляков, рисуя их «неисправимыми революционерами», и одновременно создает ложный образ русских как «защитников законного порядка»¹³³.

Образовательная политика царизма описывается как система тотальной цензуры и фальсификации истории, направленная на духовное подавление нации. Однако, по мнению писателя, эта система терпит моральное поражение, так как польская молодежь «чудом сохранила национальный дух» вопреки всем усилиям властей¹³⁴.

Там же Крашевский провел сравнительный анализ двух моделей имперского правления. Александра I, обладавшего «хитростью грека» и создававшего иллюзию свободы, автор назвал более опасным, чем Николай I с его «дикостью монгола», поскольку скрытое коварство и «мнимая сладость» обмана опаснее «искреннего и жестокого преследования». Николая же он сравнивает

¹³¹ Historia dyplomacji polskiej. Warszawa, 1982. Т. 3. S. 507.

¹³² Крашевский Ю. Красная пара. С. 17.

¹³³ Там же. С. 15.

¹³⁴ Там же. С. 12.

с Иродом, видя в его политике особую, садистскую жестокость, направленную даже против детей¹³⁵.

Подобное отношение к политике российского правительства и стремление к конфронтации с ним после подавления Январского восстания было характерно не только для польских эмигрантов, но и для некоторых представителей Галицийского сейма — например, посла Кароля Родоковского, призывавшего Австрию начать войну с «варварской» Россией. В своей аргументации Родоковский создавал образ царской власти Российской империи как силы тотального и религиозно мотивированного уничтожения. Он представлял русификаторскую политику в Царстве Польском не как административную меру, а как систематический геноцид: насильственное искоренение коренного населения и целенаправленное уничтожение культурной и духовной идентичности¹³⁶.

Кульминацией этого образа становится имперская мессианская мания, выраженная в намерении «повсюду восстановить только православный крест». Царская администрация изображается не просто как политический оппонент, а как экспансионистская религиозная секта, стремящаяся к духовному порабощению и насильственной унификации всех подчиненных народов под знаменем православия¹³⁷.

На страницах газеты «Познанский дневник», издаваемой на польских землях в составе Пруссии, также звучала критика в отношении русификаторских мер царских властей, которая была возможна в период до прихода к власти Отто фон Бисмарка (1815—1898), задавшего с 1873 г. курс на германизацию польских земель. Царская администрация на страницах газеты изображалась не как правительство, а как машина колониального угнетения. Внедряемая ею реформа управления предстала не просто изменением законодательства, а инструментом тотального вытеснения польской элиты. Образ власти здесь — это «москальи», которые «со всяким днем стараются ускорить введение

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 233. Л. 2.

¹³⁷ Там же.

своей системы». Сущность царского режима передается через метафору паразитизма: тысячи русских чиновников описываются как «голодные» орды, которые только и ждут момента, чтобы «начать сосать кровь несчастного отечества»¹³⁸. Это создает образ государства, целью которого является не управление, а истощение и потребление ресурсов покоренной территории.

Пропагандистский аппарат империи также изображался на страницах газеты как примитивный и неуклюжий, что перекликается с критикой российской периодической печати Агатоном Гиллером. Попытки представить Россию «раем» с даровыми благами характеризовались как сказки, на которые не покупались даже «забитые» крестьяне. Таким образом, царская власть представляла не только как хищник, но и как источник очевидно грубой пропаганды, которая едва ли могла ввести в заблуждение тех, кто ежедневно испытывал на себе последствия ее реальной политики¹³⁹.

В связи с новостью о болезни государственного деятеля и статс-секретаря по делам Польши, занимавшегося умиротворением Царства Польского во время и после восстания, — Николая Алексеевича Милютин (1818—1872), — в 1866 г. и познанская газета «Познанский дневник» не обошла стороной личностей «мучителей» Польши: «Для нас все равно, умрет ли Милютин или будет жить, мы уверены, что Москва богата палачами и преследователями»¹⁴⁰. Публикация подчеркивала безличность и системность репрессий: один чиновник-«мучитель» сменял другого, но политика уничтожения продолжалась.

Затрагивая личность русского славянофила Владимира Александровича Черкасского (1824—1878), авторы текста охарактеризовали его как продукт кровожадной империи — «татарина, воспитанного москалем», который вобрал в себя все негативные черты обоих народов и для которого на самом деле не существует братской любви между нациями. Авторы сводки отмечали: за то, что царские власти сделали с польским народом, их начала преследовать божья

¹³⁸ Там же. Л. 7.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. Л. 8.

кара: «Горчаков за разбой в Варшаве теряет рассудок, сходит с ума и умирает, Муравьёв, ехидный проконсул Литвы, умирает от апоплексического удара и наконец Милютин — кто же может возразить теперь, что за преступления не наказывают виновных?»¹⁴¹ Царская власть представляется не просто преступной, но и обреченной на поражение в силу действия божественной справедливости.

Подавление Январского восстания привело часть польского общества, в отличие от революционных кругов эмиграции, к глубокому разочарованию в насильственных методах борьбы против царских властей. По мнению А.Л. Погодина, Январское восстание стало толчком к формированию новых идеологических течений в польской общественно-политической жизни¹⁴². Этот пессимизм нашел отражение как в публицистике, так и в художественном творчестве.

Образ царской власти, и в особенности Александра II, формировался здесь как образ вероломного и коварного угнетателя. В анонимной молитве 1865 г. император изображался как правитель, который «руководствуясь мудростью и человеколюбием, обещал нам благополучное будущее», но под чьим правлением народ «пережил величайшие бедствия»¹⁴³, что создавало образ лицемерной и жестокой силы, злоупотреблявшей доверием и систематически приносившей страдания.

Этот образ подкрепился общим настроением опустошения и безысходности, царившим среди участников восстания. Русский революционер В.В. Берви-Флеровский, наблюдая за ссыльными, описывал их как самый «несчастный из всех народов», подчеркивая глубину трагедии и беспрецедентность испытываемых ими страданий¹⁴⁴. Так, комментируя состояние польского общества после событий 1863—1864 гг., А.Л. Погодин (1872—1947) писал:

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Погодин А. Л. Указ. соч. СПб., 1907. С. 4.

¹⁴³ *Modlitwy za ojczyznę*. Warszawa, 1916. S. 118.

¹⁴⁴ *Берви-Флеровский В.В.* Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. М., 1897. С. 332.

«Польское общественное мнение... было подавлено и растеряно, не знало, чему верить и чего ждать»¹⁴⁵.

Отход от романтической традиции борьбы ярко выражен в поэзии Адама Асныка. В его стихах («Сон могил», «У подножия креста») восстание ассоциируется уже не с героическим порывом, а со смертью, поражением и экзистенциальной пустотой. Строки «И эта тишина мертвой пустыни / Словно нарушила во мне законы жизни»¹⁴⁶ символизируют крах прежних идеалов и поиск новой, ненасильственной формы сопротивления — через сохранение духа, терпение и надежду на духовное возрождение, выраженное в финальной просьбе к Богу о даровании «мужества, настойчивости и терпения» для спасения от отчаяния.

С начала 1870-х гг. среди части польского общества наметился переход к более трезвой и прагматичной оценке перспектив национального развития. Хотя образ царской власти в целом сохранял негативный характер, произошло важное смещение акцентов — от радикального неприятия к вынужденному поиску компромиссов.

Этот сдвиг был обусловлен как внутренней эволюцией польской мысли, так и изменением внешних условий. В последнее десятилетие правления Александра II на территории Царства Польского установилась относительная стабильность, не омрачавшаяся крупными восстаниями, хотя русификация продолжалась через административные меры: упразднение автономных институтов, перевод делопроизводства, суда и образования на русский язык.

Показательной в этом отношении стала эволюция взглядов Юзефа Крашевского. В своей статье 1872 г. он, сохраняя критическое отношение к имперской политике, тем не менее совершил важный пересмотр, а вернее возврат к прежним позициям относительно возможного поиска компромиссов с царскими властями. Он назвал прежние восстания «самоубийственными

¹⁴⁵ *Погодин А. Л.* Указ. соч. С. 85.

¹⁴⁶ *Asnyk A.* Op. cit.

порывами» слабой нации против могущественных империй, приведшими лишь к истощению Польши.

Важнейшим моментом этого нового, более прагматичного подхода стало его сравнительный подход в восприятии угроз. Крашевский неожиданно характеризовал русификацию как «временное явление», которое он считал менее опасным для сохранения польской идентичности, чем германизацию, представлявшую собой, по его мнению, «борьбу не на жизнь, а на смерть»¹⁴⁷.

Ксендз Кароль Микошевский (1832—1886), в отличие от Крашевского, был одним из польских деятелей, представлявшим собой уникальный пример кардинальной трансформации взглядов, которая выразилась в формировании позитивного образа царских властей и открытом призыве к сближению с Россией.

В отличие от многих соотечественников, сохранявших непримиримую позицию, Микошевский, бывший участник Национального комитета и эмигрант, совершил идейный переворот. На праздновании годовщины восстания в 1872 г. он заявил, что расчеты польской эмиграции на помощь Запада тщетны, и призвал искать мира со своим братским народом. Кроме того, Микошевский представил репрессивную политику царизма, включая гонения на католицизм, как «божье испытание», закалившее народ: «Польша под властью России, как я глубоко убежден, смогла сохранить в себе больше всего обещающих возрождение элементов»¹⁴⁸.

Речь ксендза Микошевского поспособствовала формированию среди части польской эмиграции нового образа царских властей. Этот образ, нашедший выражение в действиях Марцеля Важневского, представлял имперское правительство уже не как репрессивную силу, а как потенциального покровителя и стратегического союзника в общеславянском деле.

¹⁴⁷ *Kraszewski J.* Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym. Poznań, 1872. S. 61.

¹⁴⁸ *Mikoszewski K.* Polska i Rosya w słowiańszczyźnie: mowa miana w Genewie, na zebraniu Polaków, dnia 22 stycznia 1872 roku w rocznicę Powstania Narodowego przez K. Mikoszewskiego, byłego członka Komitetu Centralnego i Tymczasowego Rządu Narodowego. Genewa, 1872. S. 11.

Вдохновленный речью Микошевского, Важневский направил верноподданническое письмо¹⁴⁹ главному управляющему Третьего отделения Петру Андреевичу Шувалову (1827—1889) с просьбой профинансировать открытие в Женеве Славянского комитета, который помог бы полякам забыть давние споры с Россией и поспособствовал бы сближению двух славянских народов, соединив их «узами неразрывного союза на вечные времена и для славы всего Славянского племени». По утверждению Важневского, многие польские эмигранты уже давно желали «быть братьями России и соединенными с нею под скипетром Русских Царей для блага и свободы всего Славянства»¹⁵⁰.

Интересным примером отношения к российскому правительству служит письмо польского эмигранта Карла Байковского директору газеты «Варшавский дневник» с описанием своей жизни, которое должно повлиять на «прекращение распространяющегося безбожия» в Царстве Польском¹⁵¹. В письме автор рассказывал о трансформации своего отношения к царским властям, которой поспособствовала религиозность. Автор описал свою духовную эволюцию: от первоначальной ненависти к российскому правительству до его репрезентации как инструмента божественной воли. Через призму религиозного сознания Байковский рисовал образ власти, которая, сама того не ведая, выполняет высшую миссию: страдания, причиняемые полякам «притеснениями со стороны царских властей», переосмысливались им не как несправедливость, а как «заслуженное испытание», необходимое для духовного очищения нации¹⁵².

Этот подход привел Байковского к парадоксальному заключению: царская администрация представляла как слепое орудие Провидения, чья жесткая политика в конечном счете должна привести к искуплению прошлых ошибок обеих сторон. Байковский пришел к выводу, что только через принятие

¹⁴⁹ Письмо взято из материалов архивного фонда ГАРФ, годы жизни автора установить не удалось.

¹⁵⁰ Письмо Важневского М. Шувалову П.А. // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 547. Л. 3.

¹⁵¹ Донесения русского посольства в Лондоне о существующих там позициях польских эмигрантов и их деятельности // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 145. Л. 2.

¹⁵² Там же.

страданий Польша обретет мудрость, а Россия — осознание своей роли, что в итоге позволит народам «протянуть друг другу братскую руку»¹⁵³.

Аналогичного содержания письмо направил на имя Александра II и Карл Грациянов. Автор уверен, что император «сожалеет об угнетениях и страданиях, которые нисходят на поляков»¹⁵⁴. Грациянов, подобно Микошевскому и Байковскому, рассматривал все эти несчастья как божье испытание для польского народа.

Польский писатель Казимир Крживицкий (1820—1883), бывший сподвижник Александра Велёпольского, в начале 1860-х гг. эмигрировавший после подавления Январского восстания в Дрезден, в 1872 г. опубликовал брошюру «Польша и Россия», в которой одобрительно высказался в отношении политики царских властей в Польше, что спровоцировало бурную реакцию современников, которые называли его идеи «политическим самоубийством нации». Его воззрения, вызвавшие обвинения, строились уже не на религиозном восприятии царских властей, а на прагматичном подходе и на стремлении к славянскому единению под властью Российской империи. Он видел в политической унии с Россией не «божье испытание», а стратегическую необходимость — путь к сохранению польской идентичности через интеграцию в общеславянское пространство: «Политическая уния с русским народом навсегда, а через Россию и с остальным славянством»¹⁵⁵. Крживицкий создал уникальный светский образ царской власти как силы, которая, несмотря на репрессии, объективно способствует сохранению польского народа в противостоянии с более опасной германской угрозой и открывает ему путь к развитию в рамках панславистского проекта.

¹⁵³ Там же. Л. 5.

¹⁵⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵⁵ Польша и Россия в 1872 г. Сочинение бывшего члена Государственного Совета Царства Польского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. М., 1874. Кн. 4. С. 81—82.

Статья была опубликована в 1874 г. на русском языке с одобрительным предисловием от переводчика, в котором отмечалось: «Сочинитель-Поляк чистосердечно ратует за слияние Русской народности с Польскою»¹⁵⁶.

Позитивное отношение к российскому правительству также формировала газета «Варшавский дневник», которая начала выходить в 1864 г. — после подавления Январского восстания. Она целенаправленно формировала смягченный и лояльный образ царских властей, представляя их как благодетелей и защитников польских земель. Это издание, находившееся под контролем русских чиновников и цензуры, транслировало официальную точку зрения, где имперская политика изображалась исключительно в позитивном ключе.

Особенно показательным был идеализированный образ Александра I, которого газета представляла не как завоевателя, а как «освободителя и благодетеля», спасителя польского народа от исчезновения. Утверждалось, что император «питал любовь к нашей народности» и «великодушно» даровал Польше, едва не «стертой с географической карты», возрождение в 1815 г. Его характеризовали как «воскресителя Польши», предоставившего ей «неограниченную свободу» и «европейское гражданство»¹⁵⁷.

Такой подход задавал рамки нарратива о взаимовыгодном союзе: царская власть изображалась не как сила принуждения, а как покровительствующая и созидательная структура, несущая благо и развитие. Однако этот смягченный образ был результатом жесткого редакционного контроля публикаций и деятельности цензуры, что подчеркивало его пропагандистскую, а не объективную природу. Таким образом, газета формировала искусственный образ гармонии, призванный оправдать нахождение Польши в составе империи и нейтрализовать антироссийские настроения.

Примером некоторого смягчения в отношении царских властей является и сдержанная реакция польского общества на новость о гибели Александра II, что отмечалось и в газете «Познанский дневник»: «Известие о смерти царя, не

¹⁵⁶ Там же. С. 3.

¹⁵⁷ Dziennik Warszawski. 1864. № 161. S. 4.

были нарушены ни одним фактом, ни даже громким словом». Вместе с тем на страницах издания авторы не забыли напомнить читателю обо всех несчастьях, которые принес император польскому народу: «Каждый поляк мог сказать только эти несколько слов: “Да не вспомнит Бог ему наших обид и да не отомстит ему за то, что он над нами издевался”»¹⁵⁸. Краковская газета «Время», комментируя гибель российского императора, назвала ее радостным событием¹⁵⁹.

В годы правления Александра II образ царских властей прошел через ряд изменений. В первые годы царствования среди поляков сохранялся негативный образ, но, несмотря на это, нередко звучали мнения со стороны польских эмигрантов (Юзеф Крашевский, Генрик Каменьский и др.) о возможности сближения и поиска компромиссов с ними. В годы восстания же ни о каких возможностях сближения не было и речи, образ царских властей, созданный прежде всего участниками восстания (Агатон Гиллер, Генрик Мерцбах и др.), стал сугубо негативным — они воспринимались как кровавые палачи и узурпаторы.

Однако по мере подавления восстания, на фоне отчаяния и траура, несмотря на сохранявшийся негативный образ царских властей, начали появляться первые робкие надежды на примирение, выразившиеся преимущественно в религиозной форме. В молитвах и духовных размышлениях звучала мысль о возможности будущего понимания между двумя народами через совместное раскаяние.

В первые годы после поражения восстания польская эмиграция, а также жители Галиции и Познани сохраняли радикально враждебный настрой, создавая и поддерживая образ России как «варварской» и «деспотической» силы, уничтожающий русификаторской политикой польский народ. Этот образ активно использовался для поиска поддержки у европейских держав, враждебных России.

¹⁵⁸ Dziennik Poznański. 1881. № 63. S. 1.

¹⁵⁹ Czas. 1894. R. 47, № 241. S. 1.

Однако с 1870-х гг. образ царских властей среди отдельной части польской эмиграции начал меняться. Польский мессианизм парадоксальным образом способствовал смягчению образа царских властей. С одной стороны, эта идеология романтизировала восстание и побуждала его участников к героизму, создавая вокруг поляков ореол мучеников; с другой — она интерпретировала страдания как божественное испытание, а царскую власть — как орудие Провидения, что открывало путь к примирению. Такие деятели, как ксендз Кароль Микошевский, Марцель Важневский, Карл Байковский и Карл Грациянов, стали выступать за сближение с Россией, усматривая в союзе с ней шанс на сохранение польскости и возможность для славянского единения.

Повышению лояльности в отношении к царским властям способствовала и усилившаяся германизация польского населения в Познани, которая, по мнению С.М. Фалькович, неблагоприятно влияла на развитие западных польских земель и затрудняла распространение польской культуры и языка¹⁶⁰. Заметное воздействие на смягчение образа царских властей в польском общественном мнении оказало и падение лояльной к польскому освободительному движению Второй империи, и разочарование в идеологии польского мессианизма. Неслучайно именно в это время польский историк, представитель Краковской исторической школы, Михал Бобжиньский (1849—1935) написал «Очерки истории Польши», дух которых шел как бы вразрез с идеалами польского мессианизма¹⁶¹. Автор видел в качестве главных виновников падения Речи Посполитой не враждебных соседей, а самих поляков, неспособных справиться с кризисами времени. Работа Бобжиньского вызвала интерес и бурную реакцию не только со стороны польских патриотов, но и привлекла внимание русского историка Николая Ивановича Кареева (1850—1931)¹⁶².

Невзирая на робкие надежды на улучшение положения польского народа в Российской империи, среди поляков все так же сохранялось негативное и

¹⁶⁰ Фалькович С. М. Национальное возрождение народа в условиях территориально-государственной раздробленности (на примере истории западных польских земель). С. 2.

¹⁶¹ Аржакова Л. М. Указ. соч. С. 10.

¹⁶² Там же.

настороженное отношение к царским властям, о чем свидетельствовали авторы газеты «Познанский дневник», считавшие оптимистичное видение будущего польского народа в России нереалистичным: «Постепенно удовлетворенное любопытство после первых подробностей страшного нападения уступило место гаданиям и даже надеждам на будущее. Гадания сомнительны, надежды хрупки и неоправданны»¹⁶³.

1.2. Союзник или угнетатель? Двойственный образ русского общества

После подавления Ноябрьского восстания польские деятели в попытках осмыслить поражение освободительного движения и сохранить свою идентичность обратились к популярной в середине XIX в. расовой теории, которая сыграла особую роль в формировании образа русского народа в польском общественном мнении середины — второй половины XIX в.¹⁶⁴

В данном контексте следует упомянуть историософскую концепцию Адама Мицкевича, изложенную им в парижских «Лекциях о славянской литературе». Согласно концепции, антагонизм между поляками и русскими стал неизбежным, когда первоначальные славянские черты в русских оказались сильно изменены из-за этнической метисации. Одним из источников такого явного отличия стало смешение славянской крови с монгольской, что воплотилось в великорусском племени. Мицкевич верил, что великорусы в результате этого лишились многих архаических славянских добродетелей, которые продолжали существовать в поляках. Он также описал влияние финской крови на великорусский народ как «понурое и мрачное», а влияние монгольского субстрата — как «слепое подчинение власти, вызывающей страх»¹⁶⁵. Концепция Мицкевича вылилась во многом в отождествление русского народа с монголами, руководствовавшимися примитивными варварскими порывами.

¹⁶³ Dziennik Poznański. 1881. № 63. S. 1.

¹⁶⁴ Лескинен М. В. Польский характер в российской этнографии XIX в. // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 112—130.

¹⁶⁵ Мицкевич А. Из курса славянских литератур, читанных в «Collège de France». С. 250.

Возобновившаяся на фоне Январского восстания и его подавления в 1860-х гг. дискуссия о польском вопросе зачастую подталкивала ее участников к пересмотру прежних тем, но теперь, с учетом развития научной этнографии, с новой перспективой: различия между поляками и русскими представлялись сформированными прежде всего под влиянием природно-климатических (географических и антропологических) условий, а не историко-политических или конфессиональных факторов. В 1860—1870-х гг. преобладание биологических объяснений над социологическими активно стимулировало дискуссии о врожденных и наследуемых чертах человеческих сообществ. Эти обсуждения касались классификации групп и методов их выявления через типизацию¹⁶⁶.

В это время появилась «туранская теория», автором которой был Францишек Духиньский (1816—1893). Польский этнограф и историк, эмигрировавший из Российской империи во Францию, стал широко там известен благодаря своим этнографическим и историософским работам по истории славян. Одна из его книг была посвящена сравнительной истории Польши и России. Он подробно исследовал различия между двумя славянскими племенами по множеству параметров: территория обитания, климат, внешний вид, этнические черты, политическая организация, обычаи и духовная жизнь. В итоге историк пришел к выводу, что основное различие между «Москвой» и «Польшей» заключается прежде всего в происхождении государствообразующего племени, «крови». Он считал славян арийского происхождения, а «москалей» (великорусов) — туранского. Он утверждал, что «Москва» по всем своим характеристикам — географическим, климатическим, гидрографическим и даже ботаническим — принадлежит к Азии¹⁶⁷.

Польский автор убежденно называл первоначальное наречие великорусов туранским, а славянское наречие в России считал искусственно созданным

¹⁶⁶ Лескинен М. В. Туранская теория Фр. Г. Духиньского и ее критика в контексте складывания концепции «великорусскости» в российской науке // Славянский альманах. М., 2016. С. 164—181.

¹⁶⁷ *Duchiński F.* Kilka uwag wstępnych // *Pisma Franciszka Duchińskiego*. Rapperswyl, 1902. T. 2. S. 4.

на основе церковнославянского языка, который появился очень поздно. Он полагал, что наименование «Русь» было несправедливо присвоено «москалями» и что на самом деле обладателями этого имени следует считать жителей Малой, Белой, Червонной и Черной Руси, то есть малорусов и белорусов. Духиньский также называл самодержавие («царство») туранской традицией правления, которая, по его мнению, была несвойственна арийским европейским племенам. Польский ученый считал важным признаком принадлежности к арийству наличие и сохранение индивидуальной собственности, в отличие от «коммунизма» в туранстве, который предпочитал коллективные формы собственности.

Анализируя природно-социальные характеристики различных групп людей и называя их «стихиями», Духиньский утверждал, что «у славян земледельческая стихия преобладает над другими стихиями. У москалей, наоборот, доминируют скотоводческая и торговая стихии, что сегодня всем известно»¹⁶⁸. Туранцы, по его мнению, — кочевые и пастушеские народы, славяне — земледельческие и оседлые. Духиньский находил подтверждение своей теории в различных чертах великорусов. Он указывал, в частности, на их стремление к колонизации или отсутствие интереса к городской жизни, что объясняло, почему на обширных территориях «Москвы» так мало городов.

Духиньский использовал культурно-антропологические аргументы для поддержки идеи о необходимости восстановления Речи Посполитой в ее исторических границах до 1772 г., то есть включая западные губернии Российской империи. Он видел перспективу не только восстановления исторической справедливости, но и воссоздания племенной целостности славян. По его мнению, в этом случае польское государство возвращалось бы к своей мессианской роли, определенной еще в период формирования сарматской идеологии: быть

¹⁶⁸ *Duchiński F. Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Paryż, 1858. T. 1. S. 231.*

оплотом Европы в защите ее веры и цивилизации от восточных / азиатских еретиков и варваров¹⁶⁹.

Образ русского народа в польском общественном мнении формировался под влиянием расовых теорий и этнографических исследований, наполненных устойчивыми стереотипами, которые приобрели новые символические значения и актуализировались¹⁷⁰. Русские воспринимались как народ, утративший архаические славянские добродетели из-за смешения с монгольскими и финскими элементами, что сделало их склонными к «слепому повиновению власти» и варварским инстинктам. Различия же между поляками и русскими коренились в их этническом происхождении. Подчеркивалось, что русские не имеют стремления к индивидуальной собственности и городской жизни, что также способствовало формированию образа русского народа как примитивного и варварского.

Многие польские авторы, стремившиеся предотвратить сближение двух народов и подчеркнуть отличия между русскими и поляками, обращались к истории, отмечая чуждость происхождения русских. Так, познанский ксендз Францишек Бажиньский (1849—1876) в тексте «Русин, москаль и поляк» обратился, в частности, к истории русского народа. Будучи активным участником антироссийского движения после подавления восстания, Бажиньский сформировал целостную концепцию «чуждости москалей». Ключевым в его построениях был образ русских как народа с искусственной славянской идентичностью. Автор настаивал: «Ваш язык не чистый славянский, а происхождение — финское, турецкое и татарское»¹⁷¹, тем самым отрицая право России репрезентировать все восточнославянское пространство. В социальном плане Россия представлялась как глубоко архаичное образование, где «крестьянин» означает «раб», всегда слепо верующий в царя.

¹⁶⁹ Giza A. Op. cit. S. 46.

¹⁷⁰ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Указ. соч. С. 62.

¹⁷¹ Bażyński F. Rusin Moskal i Polak czyli Kościół unicki a schizma. Poznań, 1873. S. 14.

Польский писатель Аполло Корженёвский (1820—1869), находясь в заключении в Варшавской цитадели, написал в 1864 г. статью «Польша и Москва», опубликованную в галицийской газете «Отчизна», в которой выразил свои (во многом носившие русофобский характер) взгляды в отношении России и ее народа. Автор выступал с критикой «полной мерзости» российского государства и царизма, как и русского общества. Русский человек, по мнению автора, был лишь «винтиком» государственного аппарата, в котором «все принадлежит царю», а Россия — рабовладельческим государством, в котором нет граждан, а только подданные, неспособные к свободе. Характеризуя русских людей как варваров, Корженёвский приходил к заключению, что варвары по своей сути «не могут быть нацией»¹⁷². В период после подавления восстания подобное мнение было распространенным в польском обществе. Так, Агатон Гиллер высказывал схожую по своей сути мысль о том, что «у поляков свобода в крови, у москалей в крови рабство»¹⁷³.

Примечательно, что Корженёвский отрицал возможность какого-либо сотрудничества с русскими, даже с представителями революционного крыла, поскольку, по его мнению, русские совершенно не приспособлены к свободной жизни и привыкли к подчинению своим царям. Корженёвский обратился к политической программе 1831 г., которую планировали реализовать под знакомым, впервые использованным поляками в знак поддержки декабристов в 1831 г. лозунгом «За Вашу и Нашу свободу», который означал совместную борьбу с царским деспотизмом. Корженёвский считал большой ошибкой стремление поляков к сближению с русскими революционерами, поскольку «отношения с Москвой, способной поверить своим царям хоть на мгновение»¹⁷⁴ приведут к обману, и, следовательно, к поражению¹⁷⁵.

¹⁷² *Zasztowt L.* Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // *Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich.* Warszawa, 1997. S. 226.

¹⁷³ *Giller A.* Podróż etapami do Syberyi w roku. Warszawa, 1854. T. 2. S. 144.

¹⁷⁴ Здесь под «Москвой» подразумеваются русские революционеры.

¹⁷⁵ *Ojczyzna.* 1864. № 42. S. 1.

Генрик Каменьский, автор сочинения «Россия и Европа. Польша»¹⁷⁶, выступая за сотрудничество с царскими властями, в своих размышлениях о русском народе пересматривал отношение к России как к «монгольскому игу». Однако, отходя от одного растиражированного стереотипа, Каменьский приходил к другому: русские, по его мнению, — это несвободные люди, которых он сравнивал с еще не познавшим истину великаном, обладающим умом ребенка, в то время как «Запад» — это взрослый человек, знающий, что такое свобода. Не уважающая же свободу Россия, с точки зрения Каменьского, представляла собой неуправляемую стихию и чистое варварство. Он метафорически изображал ее как море, где поляки выполняли функцию моряков. Согласно его концепции, поляки не могли сетовать на эту стихию, а должны были осуществлять над ней контроль через просвещение и воспитание. Россия — «не колосс на глиняных ногах», русский народ видится Каменьскому безвольным, он не мечтает ни о революции, ни об изменении своей тяжелой судьбы.

Польские деятели, такие как Аполло Корженёвский и Францишек Бажинский, усиливали этот образ, описывая русских как опору государственного аппарата царизма и сравнивая их с невольниками или варварами. Корженёвский отвергал возможность сотрудничества с русскими, считая их неспособными к свободной жизни. Каменьский же видел в русском народе безвольных людей, не стремящихся к изменениям.

Обращаясь к образу русской интеллектуальной элиты, стоит охарактеризовать русско-польские контакты эмиграции накануне восстания. Несмотря на то что большинство польских эмигрантов создавало негативный образ царских властей и выступало за борьбу против царизма и за свободу Польши, многие из них старались разделять общество и правительство империи, с одной стороны, стремясь к конфронтации с русским царизмом, а с другой — пытались сблизиться с русскими революционерами. Польская эмиграция зачастую

¹⁷⁶ *Kamiński H. Op. cit.*

взаимодействовала с революционным течением русской эмиграции, стараясь найти пути сотрудничества в борьбе против общего врага.

В отличие от аристократического крыла эмиграции, польские демократы в большей степени были ориентированы на союз с революционным течением российской эмиграции на почве непринятия царизма. Антоний Жабицкий, говоря о заключении союза, утверждал: «Самого серьезного союзника мы нашли в лагере нашего общего врага. Связанные с русским народом узами общего происхождения и говоря на близком ему языке, мы сумели передать ему наши чувства и убеждения <...>. Союз Польши с революционной Россией... не угрожает никому расовой войной». Он «заключен с единственной целью разбить общие оковы и предусматривает после завоевания независимости полную свободу развития каждого из этих двух народов»¹⁷⁷.

Формированию позитивного образа русских революционеров активно способствовала пресса, в частности газета «Польский демократ». Издание, восхищаясь величием Александра Ивановича Герцена (1812—1870), рисовало образ просвещенной, свободолюбивой России, способной к внутреннему преобразению¹⁷⁸. Особые надежды возлагались на русскую молодежь, которая виделась носителем лучших качеств своего народа — отваги и стремления к свободе, что ярко выражено в публиковавшихся стихах-призывах поднять «знамена свободы над вольной Невой»¹⁷⁹.

Газета «Польский демократ» активно поддерживала идею русско-польского революционного сотрудничества, опубликовав в марте — апреле 1862 г. отзывы о брошюре русского анархиста Михаила Александровича Бакунина (1814—1876) «К русским, польским и всем славянским друзьям». Одобрительное отношение к Бакунину высказывал и Генрик Каменьский, назвавший

¹⁷⁷ Demokrata Polski. 1861. R.20, ark. 19. S. 75.

¹⁷⁸ Ратч В.Ф. Указ. соч. С. 389.

¹⁷⁹ Фалькович С.М. Сотрудничество русских и польских революционных демократов накануне восстания 1863—1864 гг. в Королевстве Польском // // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2014. С. 136.

русского анархиста «одним из благороднейших апостолов свободы»¹⁸⁰. Эта тема была широко отражена в текстах польской демократической эмиграции, опубликованных газетой «Польский демократ». Автор одного из них отвечал на вопрос Бакунина о готовности поляков протянуть руку помощи русским в совместной борьбе, заявив, что поляки ответят на такой призыв, если убедятся в искренности русских намерений и их готовности признать исторические претензии польского народа¹⁸¹. Даже в спорах с проектами федерации Бакунина образ русских революционеров оставался в целом положительным: дискуссия велась не с врагами, а с возможными партнерами, искренность которых ставилась во главу угла¹⁸².

Для подтверждения исторических прав Польши на утерянные территории Ян из Праги в своей публикации 24 марта (5 апреля) 1862 г. обращался к примеру «русских мучеников» — декабристов, представляя их как эталон благородства и справедливости, которые «не требовали у поляков ни одной провинции, ни одного села». Этот идеализированный образ прогрессивных русских служил ему моральным аргументом в пользу современников — Герцена и Бакунина. С другой стороны, автор рисовал образ будущей России — освобожденной, но отягощенной внутренними проблемами. Он был убежден в глубокой социальной и экономической отсталости страны, полагая, что русским потребуется полвека, «чтобы превратить рабов в людей, степи и пустыни в урожайные поля и сады». Парадоксальным образом эта слабость представлена как причина для надежды на лучшее для поляков: Россия будет слишком занята внутренним переустройством, чтобы воевать с Польшей¹⁸³.

Жабицкий также отсылался к образу декабристов в качестве аргумента против панславистских идей, он напоминал о лозунгах русско-польского революционного союза во время восстания 1830—1831 гг. Он отмечал братскую близость русских и поляков, подчеркивая важность союза двух народов для их

¹⁸⁰ *Kamieński H.* Op. cit. S. 15.

¹⁸¹ *Demokrata Polski.* R.20, ark. 26. S. 101.

¹⁸² *Малютин Г.А.* Указ. соч. С. 175.

¹⁸³ *Demokrata Polski.* R.20, ark. 29. S. 155.

общего освобождения. В своем обращении он признавал вклад А.И. Герцена и журнала «Колокол» в укрепление идеи союза, утверждая, что этот союз «не имел ничего общего с утопией славянской федерации» и стремился лишь к достижению свободы обоих народов. Одновременно Жабицкий подчеркивал, что требование целостности Польши в пределах границ Речи Посполитой привело к росту фанатизма и стало первоочередным положением политического кредо поляков, которые стремились «восстановить Польшу от Карпат до Днепра, от Балтики до Черного моря». Он толковал позицию русских революционеров как согласие признать «старые границы до разделов» Речи Посполитой и призывал к сотрудничеству с ними¹⁸⁴.

Вместе с тем на правом фланге польской демократической эмиграции формировался резко негативный и окрашенный в пессимистические тона образ русских, который исключал возможность равноправного революционного союза. Этот взгляд, пропагандируемый изданием «Обзор польской собственности», изображал русский народ как политически незрелый и неспособный к осмысленной борьбе за свободу. В качестве доказательства приводилось восстание декабристов, которое, по мнению авторов этого издания, не было порождено национальными стремлениями и осталось лишь «прекрасным гимном без отклика» — тем самым образ русских революционеров лишался ауры героизма и представлялся бесплодным и оторванным от народа. Ключевым в риторике этих авторов был образ России как государства, обреченного на хаос и социальный коллапс — «разрушение социальных отношений» при угрозе «пугачевского восстания». Этот образ варварской и архаичной России служил предостережением против излишних надежд¹⁸⁵.

В итоге образ русских у «умеренных» демократов сводился к роли временного, нестабильного и опасного инструмента. Русская революция виделась не как деятельность сознательных союзников, а лишь как стихийный и

¹⁸⁴ Przegląd rzeczy polskich. 1863. № 7. S. 3—13.

¹⁸⁵ Przegląd rzeczy polskich. 1857. №1. S. 11—12.

разрушительный процесс, который можно использовать, чтобы «облегчить положение» в борьбе поляков с царизмом¹⁸⁶.

Демократы в польской эмиграции создавали позитивный образ русских борцов за свободу и были открыты к идее союза с русскими революционерами. Они видели в этом возможность объединить усилия против общего врага — царизма. Лидеры демократического крыла, такие как Антоний Жабицкий, подчеркивали братскую связь между русским и польским народами и призывали к совместной борьбе за свободу. Они активно поддерживали идеи русского революционного движения и считали, что освобождение обоих народов возможно только через сотрудничество.

Однако среди польских демократов также существовали разногласия. Некоторые из них выражали сомнения в способности русских к борьбе за свободу и предостерегали от излишней надежды на российскую революцию. Издание «Обзор польской собственности» критиковало идеи о союзе с русскими, утверждая, что восстание декабристов не имело национального характера и не могло служить примером для поляков.

Отдельного упоминания достойны образы русских людей и размышления о России в польской художественной литературе, посвященной Январскому восстанию. Большинство этих произведений были написаны в первые годы после подавления польского освободительного движения и издавались за пределами Царства Польского, в Познани, Львове, Дрездене, Париже и в других европейских городах, хотя многие из авторов этих произведений были выходцами из Царства Польского.

В первую очередь речь идет о произведениях Юзефа Крашевского. Около десятка его романов, прямо посвященных восстанию или связанным с ним событиям, было написано под непосредственным впечатлением от подавления польского освободительного движения: «Дитя Старого Города» (1863), «Шпион» (1864), «Красная пара» (1865), «Москаль» (1865), «Мы и они»

¹⁸⁶ Przegląd rzeczy polskich. 1857. №1. S. 11—12.

(1865), «Еврей» (1866), «На востоке» (1866), «Странники» (1868), «Гибриды» (1869), «Дедушка» (1869). Все эти произведения он печатал под псевдонимом Богдан Болеславит.

Драматизм противостояния Польши с Россией во время Январского восстания Крашевский в первые годы после подавления восстания выражал предельно наглядно, в результате чего его произведения нередко рассыпались на отдельные эпизоды, описания, бурные диалоги и авторские комментарии.

«Русская тема» в произведениях Крашевского зачастую раскрывалась через образы военных, участвовавших в подавлении польского освободительного движения. И, что закономерно, они нередко изображались в негативном свете — как душители национально-освободительной борьбы, «палачи» и «кровопийцы», для которых «единственным универсальным средством воздействия всегда был штык»¹⁸⁷.

В произведениях Юзефа Крашевского часто встречаются целенаправленно выстроенные однозначные и демонизированные образы военных как варваров и насильников, лишенных каких-либо нравственных начал. Центральным элементом этого образа был мотив кровожадности и дикости. Писатель проводил прямую параллель между действиями русских солдат в разграбленной польской усадьбе и разрушениями времен «набегов галлов или гуннов»¹⁸⁸, намеренно низводя их до уровня древних дикарей. Этот образ варваров подкреплялся описаниями уничтожения культурных и священных символов — разорванных портретов, разбитого распятия и порванных книг.

Ключевым приемом в создании образа стала демонстрация глумления над верой и традициями. Эпизоды осквернения католических крестов, образов и похоронных процессий призваны показать не просто жестокость, но глубинную безнравственность и «звериную натуру»¹⁸⁹ русских, для которых не было ничего святого.

¹⁸⁷ *Kraszewski J.* *My i Oni.* S. 134.

¹⁸⁸ *Kraszewski J.* *Moskal.* S. 12.

¹⁸⁹ *Крашевский Ю.* *Красная пара.* С. 15.

Этот обобщенный образ варвара персонифицировался в таких персонажах, как князь Шкурин¹⁹⁰ из романа «Красная пара». Его фигура позволяет Крашевскому развить мысль о внешней «цивилизованности» и внутреннем «диком татарине». Таким образом, портрет русского военного лишается всякой индивидуальности и становится собирательным образом лживого, аморального и жестокого поработителя, где изысканные манеры столичного аристократа лишь маскируют его истинную варварскую сущность.

В произведениях писателя русские высокопоставленные генералы изображаются как персонажи, склонные к массовому насилию и грабежам. Так, в романе «Шпион» Крашевский дает описание разным типам русских генералов: «Они относятся к числу хищных зверей, хотя одни из них и кажутся спокойными, другие же сознательно хотят казаться дикими»¹⁹¹.

Мягче Крашевский описывал генералов, выросших из нижних чинов и живущих просто на жалованье: «У них есть сердце в груди, и они неплохие люди, насколько им позволяет царь. Цивилизация без веры, принципов и убеждений еще не подавила их целиком»¹⁹².

Особо Крашевский выделял военных, которые были хорошо образованы и знали французский язык: стараясь выглядеть либералами, они были готовы продать ближнего ради «звезды на погонах», они «из тех палачей, которых правительство использовало для кровавых услуг... равнодушные ко всему». В описании русских военных Крашевский не скупился на негативные характеристики. По мнению писателя, русские могут лишь «слизывать гниль цивилизации», игнорируя все ее блага: «из одних материалов пчелы вырабатывают мед, а змеи — яды»¹⁹³. Образованных военных писатель описывал как зверей, которые, находясь за границей, лишь стараются выглядеть людьми.

Примечательно, что худшими из русских генералов автор считал немцев по происхождению, что во многом было обусловлено тем фактом, что часть

¹⁹⁰ *Kraszewski J. Szpieg. S. 256—257.*

¹⁹¹ *Ibid. S. 191.*

¹⁹² *Ibid. S. 193.*

¹⁹³ *Ibid. S. 199.*

польских земель входила на тот момент и в состав Пруссии, где проводилась жесткая политика германизации. Следовательно, подобные персонажи представляли собой собирательный образ представителя двух стран-угнетателей польского народа: «Прошу показать мне одного человека немца на российской службе. <...> Немец по рождению готов с немецкой систематичностью резать, убивать и жечь во имя философии истории»¹⁹⁴.

Стоит отметить, что подобные суждения о немецких генералах были небезосновательными, о чем свидетельствует воспоминание готовившегося к ссылке в Сибирь одного из участников польского освободительного движения, ксендза Станислава Матраса (1836—1917), который незадолго до ссылки наблюдал посещением генералом Василием Федоровичем Лауницем (1802—1864) заключенных. По воспоминаниям ксендза, генерал встретил заключенных фразой: «Если бы я был в Польше, то здесь, в Москве, не было бы ни одного поляка, потому что я бы их всех повесил или расстрелял». Реакция заключенных была незамедлительной, они начали топтать ногами, хлопать в ладоши и даже кричать на генерала¹⁹⁵.

В отличие от Крашевского, образы под пером которого складывались, среди прочего, под влиянием общественных настроений, многие польские ссыльные, подобно ксендзу Станиславу Матрасу, формировали свое представление о русских на основе богатого и противоречивого личного опыта непосредственного взаимодействия с военными и тюремными властями. У Матраса за время заключения был и обратный, позитивный опыт взаимодействия с русскими военными. Так, в одном из воспоминаний он описал посещение польских заключенных генералом Александром Аркадьевичем Суворовым (1804—1882) — внуком Александра Васильевича Суворова (1730—1800). А.А. Суворов, наоборот, с уважением и вниманием отнесся к заключенным, общался на латыни со священниками и позволял заключенным заказывать в обход правил

¹⁹⁴ Ibid. S. 197.

¹⁹⁵ *Matraś S. Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku // Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Kielce, 2019. Ч. 2. S. 304.*

из города «обеда и ужины, курить сигары и сигареты»¹⁹⁶, а также спрашивал у них, есть ли какие-то претензии к конвойным офицерам.

Другой заключенный участник Январского восстания — Владислав Запаловский (1839—1923) также имел благоприятный опыт взаимодействия с русской военной верхушкой. Заключенных посещал генерал от артиллерии и глава Московской губернии Алексей Васильевич Оболенский (1819—1884), который также пообщался со всеми заключенными и «сделал все, что было в силах, чтобы смягчить их судьбу»¹⁹⁷.

Еще одним польским деятелем, который создал образ России с опорой на личный опыт взаимодействия, был служивший ранее в царской армии и с началом восстания примкнувший к повстанцам галицийский прозаик Вацлав Кошчиц (1831—1904). В романе «Сизифов труд»¹⁹⁸ он создал мрачный и однородный образ русского общества как глубоко больного, пронизанного варварством и всепоглощающей коррупцией.

Одной из черт этого образа является тотальная жестокость, которая проявляется по отношению не только к полякам, но и к собственным гражданам, особенно к низшим сословиям. Яркой иллюстрацией этого становится эпизод, где княжна Ольга Михайловна Карташова до полусмерти избивает свою крепостную служанку Дуньку за ничтожную провинность — слегка порванные кружева. Этот акт бессмысленной свирепости служит микромоделью всего общества, где человеческая жизнь, особенно жизнь простого человека, не имеет никакой цены.

Второй яркой чертой образа явилась полная порочность системы правосудия и государственных институтов. Показательно, что, когда польский врач попытался призвать к ответу княжну, обращаясь к закону, система не защитила жертву, а выступила на стороне насильника. В результате саму жертву, Дуньку,

¹⁹⁶ Ibid.

¹⁹⁷ *Zapałowski W.* Pamiętniki z roku 1863—1870 / Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Kielce, 2019. Ч. 2. S. 311.

¹⁹⁸ *Koszczyz W.* Op. cit. S. 7.

поместили в тюрьму, где она и умерла. Этот абсурдный и циничный исход подчеркивал, что коррупция и беззаконие — это не исключение, а системная норма в русском обществе.

В романе «Кровавое крещение» бывшего участника Ноябрьского восстания и публициста Юзефа Дзежковского (1807—1865) фигурирует персонаж подлого и лживого исправника Павла Онуфриевича. Это образ коварного и аморального карьериста, для которого не существует никаких нравственных преград. Ради брака с дочерью польского помещика он использует шантаж и ложный донос, отправляя невинного человека в Сибирь. Его действия рисуют образ русского чиновника как циничного инструмента репрессивной системы, готового на любое предательство ради личной выгоды.

Другой же, идеализированный образ русского представлен в лице русского офицера Желобни из того же романа. Это образ просвещенного и совестливого человека, разрывающегося между долгом и справедливостью. В его лице русский предстает как страдающий от деспотизма соотечественник, который видит в поляках не врагов, а «апостолов свободы», чей жертвенный опыт необходим для будущего пробуждения России. Его мечта о том, чтобы его «капелька крови»¹⁹⁹ приблизила союз двух народов, создает образ русского как потенциального брата по оружию, духовно близкого польским патриотам.

Несмотря на преобладание негативных стереотипов, в творчестве Юзефа Крашевского присутствует и сложный, многогранный образ русских военных, наделенных человечностью и положительными чертами. Этот образ служит важным контрапунктом, показывая, что даже в среде угнетателей есть личности, достойные уважения. Крашевский создал тип, аналогичный Желобне из произведения Дзежковского, — тип «благородного офицера», который часто испытывает внутренний конфликт между долгом службы и голосом совести. Таким предстал безымянный офицер из романа «Мы и они», который, проявив сначала строгость, затем сожалеет о своем поступке и просит прощения у

¹⁹⁹ *Dzierzkowski J. Op. cit. S. 60.*

польской героини, демонстрируя образ русского, способного к раскаянию и сочувствию.

Отдельное внимание автор уделил образу генерала Живцева, представляющего «лучший тип» русского военного. Его портрет психологически сложен: это «москаль, но его лучший тип» — человек «мягкий и чувствительный» с «большим сердцем», чьи положительные качества оказались «испорчены в быту» и подавлены деспотической системой, не позволяющей иметь сильный характер²⁰⁰.

Наиболее идеализированный образ русского офицера воплощен в персонаже Александра Петровича Наумова из романа «Москаль». Это образ человека с «добрым сердцем» и «честной натурой», сохранившего «простодушие и поэтичность»²⁰¹, невзирая на развращающее влияние среды. Через него Крашевский озвучил мысль: пороки русского народа — не его сущность, а следствие «веков неволи».

Русский купец Прокоп Васильевич в романе Крашевского «Мы и они» помогает Марии, приехавшей в Петербург хлопотать по делу Юлиуша, своего возлюбленного, которого ждет сибирская каторга. В результате молодой паре разрешают поселиться в небольшом городе под Вологдой²⁰². Там им помогает еще один добрый русский — врач Сахаров, которому вместе с тем дается противоречивое описание — как человеку, обладавшему незаурядным умом, испорченным московским воспитанием, которое навязало ему веру в особую миссию для России²⁰³. После смерти Марии от туберкулеза он становится практически другом Юлиуша, с которым начинает регулярно встречаться для светских бесед, однако, несмотря на это, оба персонажа понимают, что с мировоззренческой точки зрения они «находятся на разных концах света»²⁰⁴.

²⁰⁰ *Kraszewski J.* *Мы i oni.* S. 37.

²⁰¹ *Kraszewski J.* *Moskal.* S. 12.

²⁰² *Kraszewski J.* *Мы i oni.* S. 171.

²⁰³ *Ibid.* S. 204.

²⁰⁴ *Ibid.* S. 212.

Наряду с образами варваров и насильников Крашенский создал и образы русских как жертв системы, сохранивших внутреннее благородство. Эти персонажи призваны показать, что проблема — не в национальной сущности русского человека, а в политическом режиме, который развращает одних и не дает раскрыться лучшим качествам других. Тем самым Крашевский в своих произведениях выразил мысль о том, что, несмотря на все различия и противоречия, между двумя народами реально выстроить диалог и найти возможность для сотрудничества.

Центральным элементом романа Вацлава Кошчица «Сизифов труд» становится образ русского аристократа — графа Павла Туранцева. Он наделен врожденным благородством, уверенностью и человечностью. Это образ «иногo русского» — офицера, сохраняющего моральные принципы даже во время подавления восстания, где он запрещает солдатам убивать женщин и детей.

Контрастом выступает воплощение славянофильской утопии, которую олицетворяет польский врач Довнар, верящий в «лютню Пушкина, Мицкевича, Коллара»²⁰⁵ как символы будущего славянского единства. Однако хрупкость этого образа русско-польского братства трагически подтверждает реальность: раненый Довнар умирает на руках у Туранцева со словами «наши думы славянские... утонули в нашей крови»²⁰⁶.

Дополняет галерею позитивных образов обаятельная русская девушка Маша Аверина. Ее образ сочетает образованность и ум с поэтичностью, добротой и деликатностью, вызывая всеобщее восхищение. Этот персонаж становится олицетворением лучших качеств русской души, не испорченных общественными пороками.

Можно сказать, что общей для почти всех вышеназванных произведений является мысль о том, что отрицательные черты русского народа сформировались в результате условий, в которых он много веков жил, — условий тирании:

²⁰⁵ *Koszczyz W.* Op. cit. S. 86.

²⁰⁶ *Ibid.* S. 194.

«На военном совете все русские представляли черты, сформированные московской неволей, результатом которой было унижение человеческого достоинства; когда приходилось быть деспотом по отношению к нижестоящим и пресмыкающимся перед властью... Все это клеймо московских кандалов»²⁰⁷.

Юзеф Дзежковский в романе «Кровавое крещение» размышляет о том, что по своей натуре русские добрые и порядочные люди, и о том, что когда они выполняют приказ начальства, то делают это по долгу службы, а вообще-то они способны на добрые поступки: «Часто это человек доброго сердца, готовый делиться с другим, что он имеет, склонный уважать моральное и интеллектуальное превосходство, благодарный за добро, которое ему оказывается, жалостливый для несчастных, готовый прийти на помощь нуждающимся, умеющий привязаться и любить»²⁰⁸.

Частый мотив в романах, тематически связанных с восстанием, — судьба молодых людей из смешанных русско-польских семей или поляков, с детства воспитанных в русской армии. Самый яркий пример — роман Крашевского «Москаль», само название которого связано не столько с образом Александра Наумова, о котором речь шла выше, сколько с образом Станислава Наумова, сына русского офицера и польки. После смерти родителей восьмилетнего Стася отдают — как сына русского офицера — в Кадетский корпус в Петербурге, где он воспитывается в строгом послушании. «Маленький Наумов из польского мальчика был переделан в чистого москаля»²⁰⁹. Уже офицером в 1861 г. Святослав (так его называли в России) Наумов оказывается со своим полком в Варшаве. Он знает, что среди поляков есть его двоюродные братья и сестры. Уже в их доме он понимает, что был когда-то поляком, потом приходит на могилу матери: «С этого времени в душе Наумова боролись москаль и поляк». Во время кровавой расправы с польскими демонстрантами погибает его

²⁰⁷ Ibid. S. 36—37.

²⁰⁸ *Dzierzkowski J.* Op. cit. S. 35.

²⁰⁹ *Kraszewski J.* Moskal. S. 24.

двоюродный брат, сам Наумов ранен: «Пролитая кровь сделала его поляком»²¹⁰.

Когда начинается восстание, Святослав Наумов становится его активным участником. Попав в тюрьму, он говорит следователю: «Мой отец был русский, моя мать — полька, если бы мой отец в приступе безумия убивал людей и совершал преступления, я бы пошел против собственного отца. Если бы я был русским и по отцу, и по матери, я бы имел право и обязанность встать в ряды защитников свободы. Как русский я выступил сейчас не против своего народа, но против деспотизма, который угнетает и нас, и их»²¹¹.

Однако, почувствовав себя поляком, Наумов не отрекается и от своего русского происхождения. Избитый и мучимый в тюрьме, он говорит своей кухне Магде: «Я — москаль, и мне стыдно, стыдно за моих братьев-поляков. Позор палачам, слава жертвам!»²¹².

Еще один пример — судьба польского юноши, ставшего генералом русской армии в романе Крашевского «Загадки»²¹³. Станислав Карлович Збыский, внук барского конфедерата, сражавшегося в армии Костюшко, и сын участника Ноябрьского восстания, погибшего в ссылке, еще ребенком по приказу Николая I взят в кадетскую школу в Санкт-Петербурге, становится офицером русской армии, делает блестящую карьеру. Но при этом он остается польским патриотом, поддерживая связь с тайными организациями. По словам героя Крашевского, примером для него был Конрад Валленрод из одноименной романтической поэмы Адама Мицкевича. Однако в конце концов герой романа убеждается, что его деятельность не имеет смысла и даже пытается задержать вооруженное выступление поляков. Но, когда восстание уже начинается, он вступает в один из партизанских отрядов и вновь убеждается как в слабости движения, так и в том, насколько полученное в России воспитание отдалило его от повстанцев. Примечательно, что в написанном в 1870 г. романе уже нет

²¹⁰ Ibid. S. 107.

²¹¹ Ibid. S. 203.

²¹² Ibid. S. 210.

²¹³ *Kraszewski J. Zagadki: obrazy współczesne*. Poznań, 1870.

свойственных более ранним произведениям Крашевского мотивов с восхвалением польского освободительного движения. Наоборот, автор переосмысливает восстание, характеризуя его как плохо организованное движение, неизбежно приведшее к краху.

В этом произведении прорисованы и образы собственно русских. Рассказывается о «роковой» любви к герою русской аристократки, оставившей ему свое состояние, о планах матери Збыского, мечтающей женить его на польской патриотке, о неожиданном бегстве этой девушки с его русским другом и о самоубийстве главного героя. Некоторые консервативные польские критики были недовольны тем, что Крашевский показывает любовь и счастливую супружескую жизнь польской патриотки и русского. Комментируя эту сюжетную линию, журнал «Львовские вести» в 1871 г. писал: «Не является ли это еще одним доказательством того, что Крашевский, идя вслед за своими политическими устремлениями, теряет в своей самоуверенности не только остатки таланта, но и всякое понятие порядочности... Не должен ли грустный финал Збыского быть выражением того морального самоубийства, на которое идет сам автор?»²¹⁴

Подобные истории трагических романтических отношений между представителями двух народов неспроста фигурировали в польской художественной литературе того времени. Упомянутый выше бывший участник восстания Владислав Запаловский, находясь в ссылке, встречал доброе отношение к себе со стороны русских женщин, которые нередко останавливались, сердечно сжимая руки повстанцев и повторяя: «Вот хороший польский барин». По мнению Запаловского, русские женщины в обществе занимали всегда подчиненное положение, являясь «рабынями, стоявшими наравне с домашним скотом»²¹⁵. Как вспоминал Запаловский, и русские мужчины благожелательно относились к

²¹⁴ Przegląd Lwowski. 1871. T. 2. S. 200.

²¹⁵ Zapalowski W. Op. cit. S. 314.

ссылным полякам, считая их умными и представителями «хорошей» нации, которую вот только «проклятые французы подняли на мятеж»²¹⁶.

Таким образом, естественно, что после почти семидесяти лет неволи, после жестокого подавления польского восстания под руководством Тадеуша Костюшко, Ноябрьского и Январского восстаний отношение поляков к русскому обществу было неоднозначным, во многих произведениях о восстании, как и в историософских сочинениях того времени, нередко встречается мысль о вечной вражде между двумя народами. Один из героев романа Крашевского «Мы и они», старый шляхтич Еремий, говорит генералу Живцеву: «Я не знаю ни единого русского, который мог бы понять Польшу и поляков, и ни единого поляка, который понял бы “москаля”»²¹⁷.

На фоне усложнившихся отношений между Россией и Польшей возникшая и набравшая популярность в польском общественном мнении «туранская теория», под влиянием которой, в частности, русский народ стал восприниматься многими поляками как «безвольный раб» царизма и продукт «монгольского ига», что заметно по периодической печати, художественной литературе и публицистике во время и после подавления Январского восстания. Во многом деятели, так или иначе разделявшие положения теории, выступали за невозможность какого-либо сближения между Россией и Польшей, стараясь подчеркнуть фундаментальные отличия между двумя народами и внося вклад в поддержку негативного образа русского народа. Исключение в данном случае представлял Генрик Каменьский, который, несмотря на подчеркнутые различия между двумя народами, отмечал возможность сближения.

Важным источником для имагологического изучения образа России данного периода стала художественная литература, которая выступала нередко как часть диалога двух культур, отраженного в художественном тексте. Художественная литература, по мнению В.А. Хорева, играет доминирующую роль в формировании национального сознания, создавая определенный комплекс

²¹⁶ Ibid. S. 315.

²¹⁷ *Kraszewski J.* Мы і Oni. S. 32.

представлений, не всегда совпадающий с действительностью. Продолжая мысль В.А. Хорева, стоит отметить, что польская художественная литература не сводилась к простой демонизации русских, а стала пространством сложного культурного диалога. Хотя в польской литературе после подавления Январского восстания преобладал образ русского офицера-варвара, многие писатели (Ю. Крашевский, В. Кошчиц и др.) все же старались показывать и иные, человеческие черты русских — от благородных офицеров до простых купцов.

Несмотря на сложную историю русско-польских отношений, образ русского общества в польском общественном мнении выглядел многослойнее, чем образ царских властей. Об этом свидетельствуют, среди прочего, и воспоминания польских ссыльных участников Январского восстания, имевших опыт непосредственного, и нередко позитивного взаимодействия с представителями русского общества, на чем акцентирует внимание польский историк В. Цабан: «Количество информации о положительном восприятии польских ссыльных русскими и сибирским обществом вовсе не было столь малым»²¹⁸. Кроме того, и представители польского демократического крыла, также имевшие опыт личного взаимодействия с представителями русских оппозиционных сил, были благоприятно настроены к ним и стремились к объединению перед лицом общего врага в лице русского царизма. По этой причине в периодической печати демократического крыла польской эмиграции нередко встречалось позитивное отношение к русскому народу, который, по мнению эмигрантов, находился, как и поляки, в рабстве у деспотичного царизма.

Таким образом, важным элементом польского взгляда на русское общество является тезис о том, что отрицательные черты русского народа — не врожденные, а навязанные царским режимом, а значит, с падением деспотизма может открыться путь к его духовному и гражданскому возрождению.

²¹⁸ *Caban W. Rosjanie i sybiracy o zesłańcach postyczniowych // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: сб. науч. тр. Омск, 2015. S. 31.*

**Глава 2. В тисках русификации:
образ имперской власти и феномен «другого» русского
в годы правления Александра III (1881—1894)**

**2.1. Царская власть как «машина русификации»:
ответы Польской лиги и позитивистов**

Политика русификации в Царстве Польском, проводимая после подавления Январского восстания, в краткосрочной перспективе привела к определенным результатам: радикальная оппозиция была подавлена, большая часть польского общества осознала невозможность достижения независимости в ближайшее время и важность сотрудничества с царскими властями. В центр внимания поляков встали текущие проблемы образования и модернизации экономики, что отмечал, например, краковский историк и бывший участник Январского восстания Кароль Эстрейхер (1827—1908), по мнению которого современная польская молодежь проявляла безразличие к идеям движения за независимость Польши: «Новое поколение едва ли знает об идеях 1831 г. или 1863 г., у нее другие представления, принципы и эмоциональное состояние»²¹⁹. Его идеологический противник Агатон Гиллер также указывал, что после поражения Январского восстания в «польской политике произошел поворот, установивший страх перед любыми движениями и волнениями»²²⁰. В связи с политическими изменениями на территории Царства Польского образ царских властей начал приобретать черты оккупанта, способного добиваться покорности не только силой, но и методами структурного подавления инакомыслия.

Для первых лет царствования Александра III характерно умеренное отношение польского общества к российскому правительству, что было связано, с одной стороны, с некоторыми надеждами, которые питали поляки, а с другой

²¹⁹ *Estreicher K.* Op. cit. S. 3.

²²⁰ *Giller A.* Wieczory Wielkopolanina: do charakterystyki naszych czasów. Lwów, 1886. S. 7.

— с разочарованием в романтических идеях польского мессианизма и ослаблением влияния эмиграции на польское общественное мнение.

На фоне гибели Александра II от рук участников революционно-террористической организации «Народная воля» образ царских властей в начале 1880-х гг. среди польских консерваторов несколько смягчился перед лицом общего врага, угрожавшего монархическому строю. Так, галицийская газета «Время», всегда отличавшаяся критикой царских властей Российской империи, в этот период довольно подробно освещала ход расследования убийства Александра II, а нападавших же авторы заметок называли «бездумными царевубийцами»²²¹, что доказывало: даже для скептически настроенных поляков террор против монарха был неприемлемым методом борьбы. Александр II стал восприниматься не только как «царь-угнетатель», но и как жертва террора, что вызывало определенное сочувствие даже у его идеологических оппонентов.

В 1881 г. газета «Познанский дневник», как и «Время», довольно подробно обзревала ход расследования убийства Александра II. Но, в отличие от консервативной краковской газеты, авторы либерального журнала «Познанский дневник»²²² не стали более лояльными к личности Александра II после его кончины. Так, оценивая отношение русского общества к гибели императора, авторы газеты с одной стороны отмечали искреннее сожаление в военных и бюрократических кругах, а с другой видели проявления радости среди «просвещенной интеллигенции»²²³. Давая характеристику Александру II, авторы характеризовали его как непопулярного среди народа человека, которого интеллигенция упрекала в нежелании предоставить народу политические свободы и реформы, а в народе многие негативно отнеслись к его браку со своей фавориткой Екатериной Михайловной Долгоруковой (1847—1922).

Примечательно, что Александру III, который впоследствии продолжил и усилил начатую отцом русификаторскую политику в Польше, в газете

²²¹ Czas. 1881. № 93. S. 1.

²²² Dziennik Poznański. 1881. № 63. S. 1.

²²³ Ibid.

«Познанский дневник» давалась сугубо позитивная оценка как правителю, пользовавшемуся особой популярностью у себя в стране и не разделявшему взглядов предыдущего правителя во отношении польского населения. Новый император, по мнению авторов газеты, четко осознавал недостатки политических мер, принятых в Царстве Польском и стремился к переменам в лучшую сторону: «Нового царя любят и уважают, потому что считают, что он имеет либеральные наклонности»²²⁴. Александр III описывался как честный, выступавший против коррупции, даже примерный человек, «что отличало его от большинства его родственников». Еще одним достоинством нового императора авторы «Познанского дневника» называли нелюбовь к немцам.

Весной 1881 г. на страницах газеты «Время» была опубликована анонимная статья «К психологии русской нации»²²⁵, автор которой обращался к образам личностей правителей Российской империи. На примере Александра I автор представлял образ власти, потенциально способной к диалогу и уступкам. Император показан как фигура, благожелательно настроенная к полякам и движимая идеями освобождения. Однако ключевым для авторской концепции было то, что эти порывы объясняются не просвещенностью монарха, а его симпатией к католической вере вплоть до предположений о его тайном переходе в католицизм. Таким образом, образ царской власти здесь смягчается, но ее положительные черты выводятся не из ее внутренней природы, а из внешнего, почти мистического влияния «истинной религии». Принятием католицизма автор обосновывает и преждевременную кончину царя, который, видя в «истинной религии» будущее для своей страны, не мог даровать ей свободу. В таком романтизированном образе Александра I поляки зачастую воплощали надежду на смягчение положения Царства Польского и возврат к Конституции 1815 г.

Резкий контраст представляет образ Николая I, через который автор подсвечивает важную черту образа царской власти — ее навязчивое стремление к созданию идеализированного, а по сути ложного фасада на примере истории

²²⁴ Ibid.

²²⁵ Czas. 1881. № 92. S. 1.

посещения России Астольфом де Кюстином в 1839 г. Впоследствии Кюстин опубликовал во Франции путевые заметки, содержание которых вызвало гнев у Николая I. Император, по мнению автора статьи, старался руководствоваться важным «правилом русских царей»: «Уважай иноземцев, каковы бы они ни были по роду и положению. Старайся относиться к ним с добротой, ибо от того, как их примут, будет зависеть, что плохого и что хорошего они будут говорить о России»²²⁶. Николай I, стремившийся создать положительный образ своей страны, показывал гостю из Франции самые красивые и впечатляющие места, стараясь скрыть все неприглядное. Автор подметил, что к созданию привлекательного образа своей страны в глазах иностранцев стремились все русские цари, но всегда без особого успеха: «Путешествие Кюстина стало величайшим оскорблением, поскольку сорвало ширму, скрывавшую внутреннее, недоступное взору иностранцев, лицо России»²²⁷. Размышляя о сути царизма, автор статьи приводит в качестве примера цитату Кюстина о том, что самодержавие представляет собой «автократию, являющуюся не чем иным, как идолопоклоннической демократией»²²⁸.

Отдельный вклад в продвижение позитивного образа царских властей в польском общественном мнении Галиции сделало русофильское движение, активная деятельность которого пришлась на 1880-е гг. Русофильское движение возникло под влиянием славянофильства и панславистской идеологии и, несмотря на оторванность от России, ослабленную связь с действительностью и российскими общественно-политическими деятелями, стремилось присоединиться к Российской империи. Галицийское русофильство базировалось на идеях национального родства и сближения с великороссами, на панславистских представлениях и идеалистической вере в справедливое распределение земли. Хотя бóльшую часть этого движения представляли русины, в его рядах

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Кюстин А. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с фр. под ред. В.А. Мильчиной. М., 1996. Т. 1. С. 84.

были и польские деятели, активно выступавшие за сближение с Российской империей.

Так, о лояльном отношении со стороны поляков-русофилов (которые были участниками основанного в 1858 г. «Славянского благотворительного общества») к царским властям свидетельствовала газета «Познанский дневник», на страницах которой описывалось посещение Санкт-Петербурга в 1885 г. ко дню памяти святых Мефодия и Кирилла православными поляками Галиции, которые в ходе визита выступили с речью: «Наша Русь и ваша — одно и то же <...> Мы сыновья одной веры, единственное, что нас разделяет это то, что мы служим двум монархам»²²⁹.

Галицийский историк, ведущий активную деятельность во всех трех частях разделенной Польши, Кароль Эстрейхер в 1883 г. опубликовал статью, посвященную теме польской эмиграции, в которой сформировал четкий образ царских властей не как противника, а как законной и неизбежной силы, требующей стратегического союза. Он резко критиковал эмиграцию, рассматривая отъезд как проявление слабости и бегство от ответственности. По его мнению, образ царского правительства должен был восприниматься не как враждебный оккупант, а как историческая данность, с которой необходимо строить прагматичные отношения. В эмиграцию, по его мнению, необходимо отправляться лишь в моменты острой необходимости: «Это признак упадка энергии в обществе, которое по примеру израильтян стремится к рассеянию и считает, что искупит грехи предков пением на расстоянии»²³⁰. Эстрейхер высказал мнение, что современным полякам перестали быть интересны устаревшие идеи о восстании, которых до сих пор придерживались эмигранты: «Я осуждаю эмигрантов за то, что они борются против Москвы»²³¹. Он подчеркивал, что будущее польской нации возможно только при условии проявления лояльности и сотрудничества с российской властью, открыто осуждал эмигрантов за борьбу

²²⁹ Dziennik Poznański: wychodzi codziennie z wyjątkiem poniedziałków i dni poświęconych. 1885. № 98. S. 2.

²³⁰ *Estreicher K.* Op. cit. S. 3.

²³¹ *Ibid.* S. 5.

против Москвы, называя их идеи устаревшими и вредными. Вместо противостояния он призывал соотечественников вернуться на родину, чтобы «терпеть общую судьбу» и включиться в «национальную работу» под сенью имперских законов²³². Все, что нужно было сделать полякам, — это смириться с законами и последовать общему долгу и «национальной работе» на родной земле.

В 1884 г. последовал ответ на публикацию Эстрейхера со стороны польского эмигранта и бывшего участника Январского восстания Агатона Гиллера, который предъявил хорошо знакомый образ царских властей как репрессивной и антипольской силы, не предполагавшей никакого диалога. В своей критике он подчеркивал систематическую враждебность царского правительства, указывая на введенную «правительством истребителей» жесткую цензуру, которая делала невозможным любое откровенное обсуждение общественно-политических вопросов. Образ власти здесь предстает как механизм подавления, цель которого — уничтожение польской культурной и гражданской идентичности.

Автор критиковал призыв историка к эмигрантам вернуться на родную землю: такое возвращение «возможно при амнистии, позорящей человеческое национальное достоинство каждого человека»²³³. Говоря о деятельности эмигрантов, Гиллер обосновывал мнение, что именно она продолжала подпитывать польские надежды и придавала польскому делу более справедливый характер. Гиллер не только оправдывал деятельность эмиграции, но и противопоставлял ее моральную чистоту разрушительной политике царизма. В качестве ключевого аргумента он приводил целенаправленное уничтожение царскими властями польского культурного наследия — вывоз и сожжение книг, разграбление музеев и научных коллекций, осуществленные «Муравьевым-вешателем». Эти действия, по его словам, были не случайными актами, а продуманной системой уничтожения всех следов польской цивилизации, что

²³² Ibid. S. 7.

²³³ *Giller A. W obronie prawdy i własności narodowej: odpowiedź p. Estreicherowi. Paryż, 1883. S. 11.*

окончательно демонстрировало истинное лицо «господствующих москалей»²³⁴. В конце статьи Гиллер отметил, что среди поляков появилось много тех, кто отказался от идеи борьбы за независимость (подразумевая Эстрейхера), и от них следует ждать лишь «коварных атак, подобных той, которую мы были вынуждены отражать в этой статье»²³⁵.

В первые годы правления Александра III польское общественное мнение проявляло умеренность в отношении к российскому правительству. Это было связано с надеждами на молодого императора и разочарованием в идеях польского мессианизма. Так, польские консерваторы Галиции смягчили свой взгляд на царские власти в контексте угрозы от революционно-террористических организаций, таких как «Народная воля». Однако либеральные круги, как, например, авторы газеты «Познанский дневник», сохраняли критицизм. В польском общественном мнении образ Александра III был значительно позитивнее, чем его предшественника: его воспринимали как правителя, стремившегося к переменам и обладавшего либеральными устремлениями. Однако этот позитивный образ не был распространен повсеместно — в обществе продолжали существовать разные точки зрения. Критика царских властей сохранялась, особенно среди эмигрантов, таких как Агатон Гиллер, который осуждал призывы к возвращению на родину, не видя возможности для сотрудничества с царскими властями и подчеркивая ущерб, нанесенный польской культуре и цивилизации царизмом.

В период правления Александра III усилилось преследование польской культуры: ужесточилась цензура, польский язык был исключен из госуправления, судебной системы и образования. Власти везде искали «польскую интригу»²³⁶, а российскую часть Польши стали называть Привислинским краем. Учебные программы по истории стали прорусскими, а русский язык был объявлен официальным языком обучения в народных школах. Этот несмягчаемый

²³⁴ Ibid. S. 28.

²³⁵ Ibid. S. 29.

²³⁶ *Brückner A.* Historja literatury rosyjskiej. Lwów, 1922. T. 1. S. 327.

курс негативно сказался на образе царских властей в польском общественном мнении.

Показательны в этом отношении публикации еще недавно лояльно настроенных галицийских консерваторов. В 1885 г. на страницах газеты «Время» был опубликован критический ответ на статью петербургской политической газеты «Свет». В газете под редакцией Виссариона Виссарионовича Комарова (1838—1907) высказывалось мнение о том, что Россия не имеет ничего против польского народа. Автор статьи в газете «Время» приводит одну из цитат «Света»: «Желателен не конфликт между русскими и поляками, а совместные действия русских и поляков против предателей государства»²³⁷. Автор считал, что поляки уже давно работают в этом направлении, о чем свидетельствовало принятие польским народом российского административного управления в Варшавском генерал-губернаторстве. Комментируя публикацию в «Свете», автор газеты «Время» высказал мнение, что «напыщенные фразы» Комарова вряд ли умерят ненависть «хотя бы одного поляка»²³⁸. Цинизм властей виделся автору в том, что они, с одной стороны, призывали к сотрудничеству, а с другой — продолжали политику культурного подавления в Царстве Польском. Образ администрации представал как двуличный: на словах — примирительный, на деле — неизменно репрессивный.

Негативную оценку царским властям в этот период дал и один из идеологов русофильства в Галиции, польский консервативный журналист и политик Теофил Мерунович (1846—1919). В статье «Русинский вопрос в Галиции перед лицом русского панславизма» публицист положительно оценил деятельность Александра II, признав в нем истинного освободителя народа, который вел борьбу против закостенелой российской бюрократии и стремился добиться всех поставленных перед собой целей. Обращаясь к личности Александра III, автор подчеркивал, что «молодой царь потерял землю под собой» перед лицом правящей элиты империи и бюрократами, впав в слабость и зависимость от

²³⁷ Czas. 1885. № 186.

²³⁸ Ibid.

них. Консервативную элиту Мерунович назвал «закоренелыми фанатиками» и включил в их число Константина Петровича Победоносцева (1827—1907): «Распространяя русские идеи и идеи панславизма они начали завоевание драгоценных польских земель»²³⁹. По мнению Меруновича, приближенные царя исказили идеи панславизма и православия, своими фанатичными взглядами выступив против «духа процесса и свободы». Мерунович в статье выступил и с критикой русской периодической печати, которая исказила смысл панславизма и усыпила русскую нацию «чепухой о непобедимой мощи России»²⁴⁰.

Теофил Мерунович был не единственным галицийским консерватором, обличавшим искажение царскими властями идей панславизма. Депутат сейма и публицист Антоний Вротновский (1823—1900), в своей работе, посвященной истории разделенной Польши, также подверг жесткой критике русский панславизм, который трансформировался в инструмент имперской экспансии — «панрусизм»: «знамя чисто славянское никогда не было знаменем России»²⁴¹.

Образ царских властей у Вротновского — это образ силы, паразитирующей на славянской идее и использующей ее лишь как прикрытие для великодержавных амбиций и подавления других народов. Критика панславизма здесь становится критикой циничной и репрессивной системы, подменившей идею братства политикой подчинения.

Однако, в отличие от многих современников, Вротновский не закрывал путь к диалогу с Россией. Он видел потенциал для изменений, предрекая, что «всю Россию охватит новый преобразовательный поток», и рано или поздно она будет вынуждена строить политику на подлинной славянской идее, а не на имперских амбициях, прикрытых ложными идеями панславизма²⁴².

На территории Царства Польского же в условиях территориальной разделенности страны польские мыслители задались вопросами возрождения

²³⁹ *Merunowicz T.* Op. cit. S. 2.

²⁴⁰ *Ibid.*

²⁴¹ *Wrotnowski A.* Porozbiorowe aspiracje polityczne narodu polskiego. Kraków, 1883. S. 417

²⁴² *Ibid.* S. 416.

нации и создания идеального государства-отечества, постепенно отходя от романтического образа «мученической» Польши, который был характерен для польского мессианизма времен Январского восстания²⁴³.

Именно в это время возникло общественно-идеологическое течение, получившее название «варшавский позитивизм» и приобретшее популярность не только в Царстве Польском, но и на других польских землях²⁴⁴. Приверженцы этого течения призывали все классы польского общества согласованно трудиться во благо нации, вместе с тем отрицая вооруженные методы борьбы за независимость Польши. Также они агитировали представителей польской шляхты оказывать помощь народу, просвещать его, строить в деревнях школы и больницы. Как вспоминала Элиза Ожешко (1841—1910), «необходимо было создать новый вид “патриотической идеи”, приспособленной к временам отчаяния и презрения...»²⁴⁵ Польский историк Ян Детко писал об этом: «Ожешко, живя и творя в “системе царских запретов”, вынуждена была постоянно играть в свои игры с цензурой и устанавливать взаимопонимание с читателями через головы русских литераторов. Так она понимала правила реализма и моральную обязанность свидетельствовать правду о 1863 г., его солдатах, героях и мучениках»²⁴⁶.

Несмотря на явно либеральную направленность варшавского позитивизма, приверженцы данного течения единогласно отрицали концепцию вооруженной и насильственной борьбы за независимость польских земель. Причиной тому может быть восприятие варшавскими позитивистами подавления Январского восстания в 1864 г.

Для варшавского позитивизма характерно отрицание вооруженных методов борьбы как инструмента национально-освободительного движения, основанное на убеждении, что вооруженное сопротивление поставит польский народ на грань выживания. Альтернативой восстанию польские позитивисты

²⁴³ *Myśliński J.* Ziemia polskie w dobie powstaniowej (1864—1915). Kielce, 1997. S. 32.

²⁴⁴ *Хорев В.А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями. С. 60.

²⁴⁵ *Orzeszkowa E.* Listy zebrane. Wrocław, 1958. T. 4. S. 146

²⁴⁶ *Detko J.* Op. cit. S. 216.

видели «органическую работу», сосредоточенную на деятельности «во благо народа»: развитии экономики и предпринимательства, просвещения, науки, сохранении польской культуры, традиций и языка. Подобные усилия в конечном счете привели бы, по их убеждению, к освобождению польского народа²⁴⁷.

Будучи людьми, объединенными общим болезненным опытом, варшавские позитивисты испытывали разочарование в польском освободительном движении. Они осознавали, что насильственное сопротивление лишь усугубляет и без того непростые условия существования польского народа. Элиза Ожешко, наблюдавшая публичные казни и массовую ссылку поляков в Сибирь, вспоминая подавление восстания, называла его «одной из самых ужасных катастроф, доступных смертному взору»²⁴⁸. Адам Аснык (1838—1897) с горечью писал: «Радужное состояние романтической Музы распалось на куски»²⁴⁹. Польские деятели, хорошо знакомые с идеями западноевропейского позитивизма, приходили к выводу о необходимости развивать в людях стремление к образованию, обращались к проблеме отсталости сел и деревень, придавали значение развитию экономики, просвещения и науки.

Образ царских властей в восприятии варшавских позитивистов, однако, оставался сложным: с одной стороны, они видели в царизме прежде всего бездушный репрессивный аппарат, ответственный за подавление восстаний и политику русификации. С другой — надеялись на возможность эволюции режима в сторону большей гибкости и готовности к компромиссам.

Однако встречались приверженцы варшавского позитивизма, не только отрицавшие насильственные методы борьбы за независимость, но и трактовавшие Россию как государство, на которое стоит равняться и к сближению с которым необходимо стремиться. Так, варшавский писатель и юрист Юлиуш

²⁴⁷ Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. С. 62.

²⁴⁸ Borkowska G. Jakie zagadki kryje w sobie jeszcze literatura polskiego pozytywizmu // Wiedza o literaturze i edukacja. Księga referatów Zjazdu Polonistów / red. T. Michałowska, Z. Goliński, Z. Jarosiński. Warszawa, 1996. S. 314.

²⁴⁹ Listy Adama Asnyka do Chłapowskich Oprac. Alicja Kędziora i Emil Orzechowski // Pamiętnik Literacki. Warszawa, 2020. S. 141.

Немирич (1822—1909), успешно практиковавший в Санкт-Петербурге, в 1888 г. опубликовал труд по истории польского народа, в котором выступил за сближение с Россией и сконструировал идеализированный образ царской власти, резко противоречивший критическим оценкам со стороны многих современников.

Через последовательный анализ правителей России Немирич выстроил образ русской монархии как движущей силы цивилизационного прогресса и исторического величия. Пётр I не просто реформатор, а проводник России в круг европейских держав, Екатерина II — воплощение силы и стратегической воли, заставившей мир считаться с империей. Александр I и Николай I и вовсе превращались под его пером в «спасителей Европы» — сначала от наполеоновской угрозы, затем от революционного хаоса²⁵⁰. Кроме того, Немирич намеренно противопоставил в своей работе Россию Польше: если первая — это «организация, дисциплина», олицетворявшие «завтрашний день», то вторая — «политика без программы», означавшая «жизнь без будущего».

Поскольку варшавские позитивисты-литераторы критиковали польский мессианизм, их творчество закономерно эволюционировало от романтической традиции к реализму. Восприятие же России и царских властей в общественном мнении Царства Польского отражалось в полном отсутствии русского элемента в произведениях варшавских позитивистов²⁵¹, что отмечал и бывший участник Январского восстания А. Гиллер: «У нового поколения может быть другое понимание того, как бороться с угнетателями, но оно столь же патриотично, как и наше»²⁵².

Возникла необычная форма взаимодействия между автором и читателем, похожая на тайнопись, которая стала неофициальным национальным языком польской литературы Царства Польского в 1880—1890-е гг. Значительная часть польской литературы того времени была написана на этом языке (термин

²⁵⁰ *Niemirycz J. Dzieje narodu polskiego. Kraków, 1888. S. 133.*

²⁵¹ *Giller A. W obronie prawdy i własności narodowej: odpowiedź p. Estreicherowi. S. 13.*

²⁵² *Ibid.*

«эзопов язык» обычно означает метод шифровки политического послания в тексте для обхода цензуры²⁵³). В Польше XIX в., находившейся в составе Российской империи, язык иносказаний превратился в сложную систему аллюзий, символов и аллегорий. Болеслав Прус писал: «Литература, отбросив так называемое мессианство и пастырство, является прежде всего видом человеческого труда, причем труда полезного»²⁵⁴.

Используя «эзопов язык», писатели-позитивисты смогли осветить множество насущных проблем польского общества, вместе с тем способствовал сохранению польской культуры, языка и традиций. Элиза Ожешко вспоминала: «Ни одна дата, ни что-либо иное, относящееся к теме национальной борьбы и восстаний, не названо своим настоящим именем. Можно сказать, что это своего рода тюремный язык: это слово означает это слово, то слово — другое, этот жест для этого понятия, этот жест для того. И все-таки мы — автор и читатель — превосходно понимаем друг друга»²⁵⁵. С одной стороны, сравнение языка польской литературы с тюремным жаргоном подразумевало, что первый выполнял функцию некоего арго для ограниченной социальной группы (патриотически настроенных польских читателей). Но можно сделать и другой вывод: ситуация в стране по ощущениям многих поляков в целом мало отличалась от жизни в тюрьме.

Польские писатели прекрасно осознавали, насколько цензура (и самоцензура) ограничивала и искажала их творчество. Представить, как могла бы выглядеть польская литература без цензуры, можно благодаря еще одной цитате из писем Ожешко: «Нужно сузиться, сдерживаться, стать маленьким — и тогда они будут обвинять наше поколение в узости и отсутствии размаха... О каких невероятных вещах мне пришлось бы писать, если бы писать о них было возможно»²⁵⁶.

²⁵³ Лосев Л. Эзопов язык в русской литературе (современный период). М., 2024. С. 6.

²⁵⁴ Listy Bolesława Prusa. Warszawa, 2018. S. 351.

²⁵⁵ Orzeszkowa E. Op. cit. S. 254.

²⁵⁶ Ibid.

Один из наиболее ярких примеров использования «эзопова языка» — «Кукла» Болеслава Пруса (1847—1912). Этот классический роман был опубликован в 1888 г., когда царская цензура действовала повсеместно. По этой причине примечательно, что в реалистическом романе, события которого разворачиваются в Варшаве в конце 1870-х гг., вообще не упоминаются царские власти. Протест Пруса в их адрес выражается в отсутствии в романе русского языка на улицах, русских чиновников, а также памятников российским деятелям в Варшаве. В других обстоятельствах такое игнорирование неотъемлемых атрибутов той эпохи было бы явным нарушением принципов реализма. Но в данном случае это стало ключевым аспектом неявного договора между автором и читателем. Согласно этому договору, ради публикации книги писатель был готов пожертвовать многими аспектами реальности, и читатель отлично понимал, что именно было умышленно опущено в произведении.

Тема Январского восстания затрагивалась в первых главах произведения, ведь главный герой, Станислав Вокульский, принимал в нем участие, после чего был сослан в Сибирь. Восстание и его последствия описаны все тем же «эзоповым языком». Так, один из героев романа, советник Венгрович, в негативном ключе характеризует повстанческий опыт Вокульского: «Вместе с другими заваривал кашу, которую мы и по нынешний день расхлебываем, и в конце концов очутился где-то под Иркутском»²⁵⁷.

Элиза Ожешко использовала «эзопов язык» в своем творчестве, описывая Январское восстание и его последствия. Например, вместо «Польши» можно встретить «родной край», а вместо «патриотизма» — слово «звезды». «Борьба за свободу» называется «штормом», а повстанцы становятся «детьми ночи». Январское восстание часто упоминается как «огонь» или «то время», а его участников она называет героями, которые вели ожесточенный бой за идею²⁵⁸. Даже в отношении упоминания сибирской ссылки, то есть весьма чувствительной темы, использовались поэтические перифразы. Так, характеризуя

²⁵⁷ Прус Б. Указ. соч. С. 5.

²⁵⁸ Ожешко Э. Указ. соч. С. 127.

главного героя «Над Неманом», писательница затрагивает тему Сибири, которая называется далеким краем, в который попадают надолго²⁵⁹. Несмотря на использование иносказательных форм, в романе Ожешко встречается и довольно явная критика царских властей. Так, по сюжету, один из героев, бывший участник восстания, воспитал своих детей «в атмосфере, свободной от гнилых испарений разврата и тирании»²⁶⁰.

В романе «Над Неманом» герои Ансельм Богатырович, Бенедикт и Доминик Корчинские участвовали в польском восстании, его подавление напрямую определило их дальнейшую жизнь. Российская империя и царская власть иносказательно изображены как подавляющая и ассимилирующая сила, чье присутствие трагически определяет судьбы польского народа.

Подавление восстания становится катализатором личных драм, напрямую демонстрируя жестокость и всеохватность имперского контроля. Судьба Доминика Корчинского служит ярким примером: после пленения он не только отказывается от своей национальной идентичности и родного языка, но и делает карьеру в царской администрации. Это не просто прагматичный выбор, а моральная капитуляция, показывающая, как система оккупационной власти может сломить дух и заставить человека предать свои корни ради выживания или продвижения. Через Доминика автор раскрывает один из методов царской власти — разрушение национальной самобытности.

Последствия царского подавления отражаются и на других героях. Ансельм Богатырович, чье здоровье подорвано поражением, погружается в меланхолию, символизируя сломленную волю нации под гнетом империи. Его личная трагедия, связанная с социальным неравенством, дополнительно подчеркивает безысходность положения польской аристократии в условиях иностранного господства, где даже личное счастье зависит от социального статуса, который, в свою очередь, подвержен имперскому влиянию. Бенедикт теряет двух братьев, и на него ложится тяжелое бремя сохранения семейного

²⁵⁹ Там же. С. 22.

²⁶⁰ Там же. С. 30.

достояния, что можно трактовать как непосильную ношу, возложенную на польское общество после поражения, понесенного от царских войск.

Трагичность польского освободительного движения, проходящая красной нитью через все произведение, напрямую связана с несокрушимой мощью Российской империи. Безымянная могила повстанцев в Неманском лесу, будучи свидетельством героизма и идеалов, одновременно олицетворяет тщетность и безнадежность вооруженной борьбы против столь могущественного и безжалостного противника, каким предстает царская Россия в романе. Она является не просто *местом памяти*, но и символом подавленного стремления к свободе, неспособного преодолеть силу имперской машины.

Известная «Трилогия», написанная во второй половине 1880-х гг. польским писателем Генриком Сенкевичем (1846—1917), включает три исторических романа. События в них разворачивались в XVII столетии, то есть в лучшие времена Речи Посполитой. Сенкевич написал эти произведения с целью «поднять национальный дух». Из-за ограничений на высказывание мнений о современной политической ситуации писатель вынужден был ограничиваться аллюзиями. Например, в одной из сцен упоминается загадочное племя, совершившее набег на родину главного героя; многие поляки увидели в древних обитателях Дальнего Севера именно русских.

В принесшем Сенкевичу мировую славу романе «*Quo Vadis*»²⁶¹, который рассказывал о временах Нерона и раннем христианстве, писатель вновь создал возможность многозначительного толкования. Многие его современники также воспринимали сюжет романа как отсылку к современной польской истории, где Рим Нерона ассоциировался с царской Россией, а судьба первых христианских мучеников символизировала участь поляков, вынужденных жить под гнетом царского деспотизма.

Завершающая сцена романа, в которой один из героев борется с быком, или «германским туром», считывалась как аллюзия на политическую

²⁶¹ Сенкевич Г. Камо грядеши: Роман из времен Нерона / пер. В. М. Лаврова. М., 1896.

ситуацию в Польше. В этой аллегорической интерпретации «германским туrom» была Пруссия, в которой на тот момент шла политика усиленной германизации польского населения, а христианка Лигия, связанная с его рогами, представляла собой польский народ.

Влияние варшавского позитивизма распространилось и за пределы Царства Польского. Так, эмигрант А. Гиллер, ранее поддерживавший идеи восстания, в 1886 г. одобрительно высказался относительно варшавского позитивизма и органической работы с целью сохранения польской культуры. Не будучи скованным требованиями цензуры, бывший повстанец в своих размышлениях о нынешнем состоянии польского народа обращается к личности русского публициста Михаила Никифоровича Каткова (1817—1887), который, по мнению автора, своими полонофобскими высказываниями и статьями лишь объединил польский народ перед лицом общего врага. Русская пропаганда, на взгляд Гиллера, выступала с такой страстью против польского народа, потому что осознавала свою неправоту и то, что царским властям никак не сломить поляков, несмотря на то что в тот момент они пребывали в угнетенном положении: «Отсюда растет и страх, что все средства истребления могут оказаться напрасными»²⁶².

Говоря о русификаторской политике царских властей, Гиллер с сожалением отмечал, что к полякам в Российской империи относятся как к изгоям, которые у себя на родине не могут говорить на родном языке. По мнению Гиллера, любые власти за двадцать лет спокойной жизни уже удовлетворили бы свое чувство мести и ослабили бы свою политику против угнетенного народа, но российское правительство олицетворяет собой «жестокий деспотизм и ниспровергающий нигилизм»²⁶³, побуждавшие его продолжать насильственную денационализацию польского народа: «Московское правительство никогда не думало о том, чтобы заложить основы прочного перемирия, завоевав его

²⁶² *Giller A. Wieczory Wielkopolanina: do charakterystyki naszych czasów. S. 3.*

²⁶³ *Ibid. S. 5.*

доверием, уважением и введением национального самоуправления»²⁶⁴. На фоне русификации и германизации польских земель в выгодном свете представлялась автору политика Австро-Венгрии в Галиции, где польскому народу было дано гораздо больше свобод. Германия и Россия же, проигнорировав царившее последние двадцать лет спокойствие на польских землях продолжили вести политику угнетения, оправдывая это с помощью пропаганды ложными аргументами из истории польских восстаний: «В своем злобном рвении навредить нам и опозорить в глазах мира, они ищут ошибки и пороки, которые наши предки в колыбели истории тысячи лет назад излили на землю»²⁶⁵.

Гиллер завершал свой текст призывом к объединению польского народа перед лицом общего врага, но не с целью вести насильственную борьбу против оккупантов, а с целью защитить свою веру, язык, права и национальность с помощью органической работы: «В такой борьбе проявить настойчивость и добиться успеха — это уже половина победы»²⁶⁶.

Агатон Гиллер был не единственным критиком лицемерия и лживости царских властей. На страницах консервативной познанской газеты «Познанский курьер» также звучали обличения в адрес царского режима. Издание высмеивало заявления о том, что нигилизм побежден «железной рукой»²⁶⁷ министра внутренних дел Дмитрия Андреевича Толстого (1823—1889). В действительности, вопреки усилиям многочисленных жандармов, революционной организации «Народная воля» удавалось совершать покушения — об этом свидетельствовало убийство подполковника Отдельного корпуса жандармов Георгия Порфирьевича Судейкина (1850—1883). Россия представляла колоссом на глиняных ногах: репрессивной системой, неспособной подавить сопротивление, лишенной моральных устоев и народной поддержки, которая лишь порождала террор собственными действиями.

²⁶⁴ Ibid. S. 7.

²⁶⁵ Ibid. S. 10.

²⁶⁶ Ibid. S. 32.

²⁶⁷ Kuryer Poznański. 1884. R. 13, nr 3 (4 stycznia). S. 2.

За пределами Царства Польского со второй половины 1880-х гг. польское национальное движение снова начало приобретать политический характер в противовес варшавскому позитивизму, который в среде галицийских консерваторов и вовсе наделялся чертами нигилизма²⁶⁸, молодое же поколение поляков не удовлетворялось концепцией «органической работы» и вновь выдвинуло требования о восстановлении независимости Царства Польского.

Основные принципы и цели польских радикалов, критиковавших варшавских позитивистов, были сформулированы в 1887 г. в памфлете «Об активной обороне и национальном достоянии» польского деятеля в эмиграции Зигмунта Милковского (1824—1915). Автор целенаправленно формировал крайне негативный и одновременно парадоксальный образ царских властей.

Прежде всего он изображал российское правительство как безжалостного и хищного угнетателя, характеризуя царскую политику по отношению к полякам как «политику волка» к «овце», нацеленную на «полное сокрушение польского элемента» и ассимиляцию, превращение поляков в русских. Он подчеркивал, что не только российские власти, но и правительства двух других держав (Австро-Венгрии и Германии) преследуют единую цель: уничтожить польскую идентичность, поскольку польский народ ассоциируется у них с идеей свободы, что противоречит природе этих автократических государств. Царские власти, по его мнению, безнаказанно «портят наши дома» и осуществляют политику русификации (закрытие польских детских домов, препятствование благотворительности и частному образованию) именно потому, что поляки не оказывают должного сопротивления²⁶⁹.

Наряду с этим Милковский разоблачал царское правительство как лживую и манипулятивную силу. Он утверждал, что империя использует «мошеничество» для подавления польского духа. Примером служило «освобождение» Болгарии, которое, по его словам, было лишь циничным маневром, призванным, среди прочего, обмануть поляков и заставить их поверить в добрые

²⁶⁸ Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России. С. 153.

²⁶⁹ *Miłkowski Z. Rzecz o obronie czynnej i o skarbie narodowym. Paryż, 1888. S. 10.*

намерения России, добровольно отдавая жизни за ее политические интересы. Милковский также акцентировал внимание на активном влиянии царских властей на общественное мнение через цензуру и подкуп зарубежной прессы, особенно во время Январского восстания, что, по его мнению, являлось частью длительной стратегии обмана²⁷⁰.

Однако Милковский вместе с тем представлял царское правительство как ослабленный и уязвимый режим, стоящий на пороге краха. Он утверждал, что внутреннее положение России «неизбежно близко к катастрофе» (подразумевая дворцовый переворот, а не революцию), поскольку анархисты и революционеры «загнали в подполье» самодержавие. Этим ослаблением, по его мнению, польский народ должен воспользоваться для достижения своих целей²⁷¹.

Милковский стремился убедить польское общество, что «пассивная оборона» (здесь он намекал на позитивистов) — это проявление паники, «крайнее унижение» для нации и «политика овцы», которая лишь способствует уничтожению польскости «захватчиками». Он дискредитировал ее сторонников как «защитников страха». Царская власть, по его убеждению, не имеет благих намерений и не изменит своей природы, любая лояльность к ней или надежда на «соглашение» — это наивность, ведущая к самоуничтожению: «Разве придет им в голову преследовать нас на каждом шагу, закрывать польские детские дома, мешать работе благотворительных учреждений, препятствовать частному образованию и ставить памятники о царской охоте, если мы будем встречать их пощечинами и палками?»²⁷² Единственный путь к сохранению идентичности и обретению независимости — это «активная оборона», включающая как легальные, так и нелегальные действия, поскольку угнетатель слаб и уязвим, и его можно и нужно «встречать пощечинами и палками».

В том же году Милковский создал в эмиграции Польскую лигу — политическую организацию, целью которой стала координация деятельности

²⁷⁰ Ibid. S. 40.

²⁷¹ Ibid.

²⁷² Ibid. S. 17.

патриотов из всех частей Польши с намерением убедить правительства России и Германии вернуть автономию польским землям. Содержание программы Милковский называл «ясной, демократической, известной каждому честному поляку, потому что каждый честный поляк носит ее в своей душе и держит в своем сердце»²⁷³.

Программа Польской лиги предусматривала организацию общенационального восстания для восстановления независимости. Для этого планировалось создавать организации и централизованно объединять поляков во всех частях разделенной Польши и по всему миру для достижения политического единства. Пока страна оставалась под иностранным правлением, лига стремилась усилить польский элемент и защитить его от внешнего влияния и преследований, прибегая при необходимости к силе и террору.

Польская лига с самого начала своей деятельности начала издавать политическую газету «Свободное польское слово», редактором которой выступал Милковский. На ее страницах наряду с политическими материалами публиковались и неподцензурные литературные произведения, многие из которых формировали негативный образ царских властей. Так, в 1890 г. к годовщине смерти Адама Мицкевича на страницах газеты были опубликованы его знаменитые стихотворения, такие как «Друзьям-москалям»²⁷⁴ и «Памятник Петру Великому».

Показателен тон освещения крушения царского поезда в 1888 г. Вместо сочувствия авторы газеты констатировали незначительность новости о выживании царской семьи. Их комментарии создавали образ власти, не только лишенной божественного покровительства, но и морально обесцененной: «Провидение свысока взглянуло на царскую семью и серьезно снизило ее и без того не слишком высокую моральную и интеллектуальную ценность»²⁷⁵.

²⁷³ Ibid.

²⁷⁴ См. о нем издание, содержащее все переводы на русский язык: *Белов И.Л.* Дорогие враги. О стихотворении Адама Мицкевича «Друзьям-москалям» и его русских переводах. СПб., 2024.

²⁷⁵ *Wolne Polskie Słowo*. 1888. № 30. S. 2.

Примечательно, что авторы поддерживали и спекуляции о здоровье цесаревича Николая после крушения поезда, а будущего императора называли «умственно отсталым», отмечая последствия происшествия: «Говорят, что он оглох <...> Ему кажется, будто пол проваливается под его ногам и потолок падает на голову <...> Галлюцинации такого рода преследует царя, царицу и остальных детей»²⁷⁶.

Кульминацией критики стал прямой исторический параллелизм. Утверждалось, что в случае смерти Александра III престол унаследует «немогущий человек наподобие Федора Ивановича»²⁷⁷, что прямо намекало на кризис престолонаследия и неизбежность появления узурпатора типа Годунова. Такая критика формировала устойчивый образ Романовых как вырождающейся и неспособной к управлению династии, чья власть держится не на праве или заслугах.

Взгляды молодых активистов лиги подробно изложил литературный критик Антоний Сыгетиньский (1850—1923), один из немногих, кто на тот момент проживал в Варшаве и не побоялся преследований царских властей. Он сделал это в брошюре «Что делать?», опубликованной в Париже²⁷⁸. Отвергая идею борьбы с оружием в руках и созданное романтиками видение мессианской Польши, автор выступал за национальную Польшу, «в которой все нации найдут место»²⁷⁹. Говоря о месте России в польском вопросе, автор называл ее государством, угнетающим польский дух: «они искусственно и намеренно искажают наши таланты и характеры». Затрагивая тему русификаторской политики, польский деятель, критиковал реформы в польских школах, цензуру и провластные газетные издания, которые воспитывали в поляках враждебное отношение к собственному народу: «Это пресса не свободная, не независимая, а поддерживаемая и вдохновляемая русским правительством, всегда

²⁷⁶ Ibid.

²⁷⁷ Ibid.

²⁷⁸ *Sygietyński A. Co robić? Paryż, 1890. S. 32.*

²⁷⁹ Ibid.

находящаяся под контролем прокурора или цензуры»²⁸⁰. Царские власти, стремясь «задушить» свободу слова в Польше, закрыли все независимые газеты, оставив лишь «гадюк», верных своему правителю.

Сыгетиньский в своем тексте выступил и с критикой панславистских идей, которые продвигало российское правительство внутри своей страны и за ее пределами: «Любая страна, которая угнетает славян, является врагом славян»²⁸¹. Если Сибирь, по мнению Сыгетиньского, для русских «подлецов и преступников» служила наказанием, то Польшу они воспринимали как награду и как место, в котором можно творить беззаконие с подачи царя. Образ царской администрации персонифицируется на примере конкретных чиновников — управляющего канцелярией Варшавского генерал-губернатора Александра Александровича Корнилова (1862—1925) и попечителя Варшавского учебного округа Александра Львовича Апухтина (1822—1903), который пользовался особой нелюбовью поляков за меры в сфере образования, способствовавшие закрытию многих польских школ. Администрация предстает как сборище «подлецов и преступников», которые видят в Польше не территорию, а «награду», данную им царем для безнаказанного творения беззакония: «Они сидят за полной миской, как собаки, объясняя правительству, что никто, кроме них, есть не должен»²⁸². Враждебное отношение поляков к Апухтину выразил и польский прозаик Стефан Жеромский (1864—1925), записавший в дневнике: «Я бы повесил Апухтина на памятник Паскевичу»²⁸³.

При этом Сыгетиньский не призывает к открытому бунту, а предлагает стратегию «внутреннего иммунитета» — сопротивления законными средствами, сохранения национального духа и солидарности. Этот подход подразумевает не признание легитимности власти, а ее игнорирование и моральное обесценивание²⁸⁴.

²⁸⁰ Ibid. S. 34.

²⁸¹ Ibid.

²⁸² Ibid.

²⁸³ *Żeromski S. Dzienniki. Warszawa, 1887. T. 15. S. 118.*

²⁸⁴ *Sygietyński A. Op. cit. S. 34.*

Параллельно возникшие в 1870-е гг. польские социалистические организации стали проявлять особую активность в трех частях разделенной Польши на рубеже 1880—1890-х гг. Так, с начала 1870-х гг. в эмиграции действовал первый польский социалистический мыслитель, писатель и историк Болеслав Лимановский (1835—1935), который, несмотря на приверженность идеям социализма, не отказывался от патриотических стремлений к независимости польских земель. В 1881 г. в Женеве он основал политическое объединение «Народ Польши», которое по своей природе не было марксистским и воспринимало социализм как движение, выросшее из опыта Январского восстания и ставшее его наследием²⁸⁵.

В одной из работ, посвященных истории борьбы польского народа за независимость, Лимановский представил царское правительство не просто как угнетателя, но как жестокого, коварного и систематического оккупанта, стремящегося к полному уничтожению польской национальной идентичности. По его мнению, после подавления польских восстаний и оппозиции — слома «внутреннего врага» «виселицей и тюрьмой»²⁸⁶ — царские власти не просто продолжили, а с новой, еще более настойчивой жестокостью взялись за дело истребления угнетенной нации. Это было усиление ранее существовавшей, но, возможно, менее открытой агрессии.

Центральным элементом этой политики, по мнению автора, было системное истребление идентичности через русификацию. Как многие его современники, Лимановский охарактеризовал Апухтина как «рьяного русификатора»²⁸⁷, символизировавшего эту политику. Помимо репрессий в сфере культуры систематическое разрушение охватывало и польские институты: ликвидация правительственных комиссий, судебных комитетов, преобразование Банка Польши в «обычный инструмент эксплуатации», а также наводнение

²⁸⁵ Zieliński J. Nasza Szwajcaria. Przewodnik śladami Polaków, Oficyna Wydawnicza «Rytm», Muzeum Polskie w Rapperswilu. Warszawa, 1999. S. 84.

²⁸⁶ Limanowski B. Stuletnia walka narodu polskiego o niepodległość. Lwów, 1894. S. 388.

²⁸⁷ Ibid. S. 390.

польских городов «назначенцами-москалями»²⁸⁸ — все это демонстрировало целенаправленное разрушение основ польской государственности и самоуправления.

Лимановский также подчеркивал лицемерие, обман и систематическое нарушение обещаний со стороны царских властей. Он видел «враждебную хитрость» даже в кажущихся «благоденствиях» властей. Царские власти, по мнению социалиста, действовали «вопреки торжественным обещаниям монарха» и Венским соглашениям, российские министры издавали указы, противоречащие царским заявлениям. Указ о «равноправии всех языков» (польского, литовского, русского и даже русинского) назван «лишь уловкой», быстро утратившей силу, когда «петербургские министры вскоре распорядились обучать всех и всему только по-русски»²⁸⁹.

Наконец, Лимановский описал царскую власть как деспотичную и угнетающую, «исключительное правление жандармов и штыков». Осознание этих проблем должно было стать «директивой национальной политики» — Лимановский призывал к неустанной борьбе за независимость, ибо только так можно было противостоять этому всепроникающему деспотизму²⁹⁰.

Для противодействия процессу русификации на рубеже 1880—1890-х гг. в Царстве Польском начали появляться подпольные учебные заведения, где проводилось обучение на польском языке, а также изучались история и культура. Тайные школы быстро распространились по всей Польше, даже был организован подпольный «летучий университет» в Варшаве, периодически менявший место проведения занятий. В нем известные польские ученые преподавали историю, естественные науки, философию, филологию и другие дисциплины.

Поначалу лояльное отношение в польском общественном мнении к царскому правительству в период правления Александра III сменялось на

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ Ibid. S. 389.

²⁹⁰ Ibid. S. 388.

негативное по мере усиления русификаторской политики в Польше. Показательным примером перемен во взглядах служит реакция в польском обществе на кончину царя. Так, в анонимной листовке «Над могилой Александра III»²⁹¹, которая была опубликована в Кракове, образ императора наделяется сугубо негативными чертами: «Он был сплошная тьма в человеческом облики»²⁹². Царь описан как бессильный, полусонный, глупый и озлобленный человек, у которого «лопался череп, когда затрагивалось нечто большее, чем благо его семьи и православия», он превратил Россию в страну полного беззакония. Смерть Александра III была названа «праведным судом Немезиды». В тексте затрагивалась и личность консервативного деятеля Константина Петровича Победоносцева, который изображался человеком, совершившим величайшие злодеяния во имя самодержавия, «покровителем угнетения и насилия»²⁹³.

Затрагивая политику царских властей в Польше, автор также сугубо негативно оценивал итоги правления Александра III: при нем поляки были лишены всех прав, которые могли бы воспрепятствовать эгоизму государства, лишены работы и изгнаны из всех государственных учреждений: «На все эти действия он ставил печать своего имени, великодушного и благородного монарха»²⁹⁴.

В газете «Время» в связи со смертью императора также было высказано негативное отношение к проводимой им политике. Отдельного упоминания заслужил характер освещения факта смерти царя в российских газетах: «Пресса гремит скорбью после потери толстого царя-церковника»²⁹⁵.

Примечательно, что на фоне русификаторской политики Александра III имидж Александра II в глазах некоторых польских деятелей стал улучшаться. Так, в ноябре 1894 г., в связи со смертью императора, на страницах газеты «Познанский дневник» был опубликован текст, в котором авторы осмыслили и

²⁹¹ Nad grobem Aleksandra III. Kraków, 1894. S. 1.

²⁹² Ibid.

²⁹³ Ibid.

²⁹⁴ Ibid.

²⁹⁵ Czas. 1894. №59. S. 1.

сравнили наследие двух императоров. Александр II описан в тексте как деятель, благодаря которому Россия приобрела черты цивилизованного государства, в то время как правление Александра III охарактеризовано как «13 лет угнетения и регресса»²⁹⁶. Александр III в своем правлении позволил руководить страной своему окружению, которое фанатично истребляло все, «что не было русским или православным»²⁹⁷.

Годы царствования Александра III стал временем выработки новых стратегий национального существования и, как следствие, переосмысления польским обществом своего отношения к царским властям. Ключевым фактором, определившим это переосмысление, стало наследие подавления Январского восстания 1863—1864 гг. Его поражение не только похоронило для многих поляков романтические идеи вооруженной борьбы, но и заставило по-новому взглянуть на природу царской власти и свои возможности противостояния ей.

Образ царских властей в польском общественном мнении в большей степени был наделен негативными чертами репрессивного, циничного и чуждого оккупанта, движимого идеями «панрусизма» (объединения всех славян под властью Российской империи). Однако, несмотря на созданный во многом негативный образ царских властей, не все представители польского общественного мнения придерживались курса на прямую конфронтацию с ними. С одной стороны, часть общества, представленная варшавскими позитивистами, видела в имперской власти неизбежную данность. Они призывали к прагматичному сотрудничеству, «органической работе» и лояльности, надеясь на эволюцию режима и видя в экономическом и культурном развитии путь к сохранению национальной идентичности. Этот взгляд был лишен иллюзий, но стратегически ориентирован на выживание.

С другой стороны, усиление русификаторской политики при Александре III — исключение польского языка из публичной сферы Царства Польского, искоренение национальных институтов, репрессии в области культуры

²⁹⁶ Dziennik Poznański. 1894. № 262. S. 1.

²⁹⁷ Ibid.

— спровоцировало возникновение политико-идеологических течений, выступавших за конфронтацию с царскими властями — Польской лиги и польских социалистических движений, в авангарде которых стояли Б. Лимановский и З. Милковский, политические лидеры, создававшие негативный образ царских властей и стремившиеся к борьбе за независимость.

Однако, несмотря на доминирование негативного образа царских властей в годы правления Александра III, стремление к сближению с царскими властями не ограничивалось лишь варшавскими позитивистами. Важно подчеркнуть, что для многих польских деятелей, выступавших за подобное сближение, эта позиция была не только идеологическим выбором, но и вопросом прагматизма. И если в период царствования Александра II подобные настроения часто подкреплялись религиозными мессианскими идеями, то теперь они обуславливались в первую очередь практическими соображениями. Ключевые фигуры, транслировавшие идеи сотрудничества (несмотря на проживание на других частях разделенной Польши), вели активную деятельность на территории Российской империи, которая становилась для них источником стабильного дохода и социального статуса.

Так, польский юрист Ю. Немирич, создававший едва ли не единственный последовательно позитивный образ царской власти, вел успешную юридическую практику в Санкт-Петербурге, что делало его напрямую заинтересованным в демонстрации лояльности режиму; К. Эстрейхер, занимавший пост надворного советника Российской империи, интегрировался в имперскую бюрократическую систему; А. Вротновский был основателем лояльной к царским властям консервативной варшавской газеты «Слово». Таким образом, их деятельность могла быть во многом мотивирована стремлением к личной стабильности, материальному благополучию и социальному признанию, достижимому именно через сотрудничество с имперской властью.

2.2. «Другой» русский: образ русского общества сквозь призму польского сопротивления

Несмотря на отсутствие сопоставимых по масштабу Январскому восстанию потрясений, русско-польские отношения оставались сложными и наполненными противоречиями, как и прежде. Если во время правления Александра II наиболее негативное отношение было к русским офицерам, руками которых осуществлялась политика царских властей и, как следствие, подавление восстания, то при Александре III в глазах поляков появился новый объект, наделенный самыми неприглядными чертами, — чиновники, осуществлявшие политику русификации Царства Польского, которые в большом количестве хлынули в Варшаву после подавления Январского восстания²⁹⁸.

Варшавский историк Владислав Смоленьский (1851—1926) опубликовал брошюру, посвященную русско-польским отношениям. Несмотря на то что он был представителем Варшавской исторической школы, идеологи которой придерживались позитивистских воззрений и отстаивали ненасильственные методы борьбы за независимость Польши, историк выступал с критикой русского чиновничества, среди которого доминирует не личная мораль, а «государственная ориентация». Смоленьский рисует двойственный портрет: с одной стороны, это люди, «соблазненные льготами, орденами и чинами», открыто ненавидевшие поляков и глумившиеся над их несчастьями. С другой — те, кто в приватной обстановке лицемерно озвучивает либеральные идеи, сочувствует справедливости, но на деле совершает действия в пользу «царской казны или православия»²⁹⁹.

Историк подчеркивает, что этот цинизм обусловлен не бедностью, а удовольствием от власти и возможности «опробовать систему истребления на польских спинах»³⁰⁰. Образ русского чиновничества меняется: это

²⁹⁸ Горизонтов Л.Е. Выбор носителя «русского начала»... С. 113.

²⁹⁹ *Smoleński W. W sprawie ugody polsko-rosyjskiej. Paryż, 1891. S. 12.*

³⁰⁰ Ibid.

представитель образованного общества, знакомый с идеями свободы, но нравственно деформированный государственным механизмом, готовый пожертвовать идеалами ради карьеры и статуса.

При этом Смоленский не отрицает полностью возможность существования в русском обществе здоровых сил — «национальной совести», способной открыто осудить русификацию. Однако он выражает крайний скепсис: такие люди либо маргинализированы и не имеют влияния, либо, «войдя в государственный механизм», неизбежно продадут свои идеалы «за зарплату, ордена и звания»³⁰¹.

В качестве аргумента он приводит то, что большинство руководящих должностей в Польше заняли ненавидящие поляков русские, соблазненные правительственными льготами: «Русские открыто заявляют о своем намерении уничтожить наше национальное существование. Они постоянно оскорбляют нас и глумятся над нашими несчастьями»³⁰².

Единственную надежду на изменение этого образа общества историк возлагает на независимую прессу, которая должна воспитать в русских ненависть к собственной государственной системе, уважение к правам других народов и готовность бороться с деспотизмом. Только тогда, когда в русском обществе проснется политическое сознание, станет возможным диалог о будущем польских земель «без риска подвергнуться насмешкам»³⁰³.

Теофил Мерунович в брошюре, посвященной русинскому вопросу в Галиции, в качестве аргумента против сотрудничества с Россией обращается к положению дел в Царстве Польском. В своей аналитической брошюре о русинском вопросе в Галиции Мерунович создает резко критический образ Российской империи, ссылаясь на опыт Царства Польского как на предостерегающий пример. Российская администрация в польских землях предстает в его описании как сборище чиновников, но не просто как совокупность отдельных

³⁰¹ Ibid.

³⁰² *Smoleński W. W sprawie ugody polsko-rosyjskiej. Paryż, 1891. S. 3.*

³⁰³ Ibid. S. 30.

коррупционеров, а как системное воплощение разложения и безответственности. Мерунович рисует картину администрации, где главными занятиями являются «пьянство и систематическое воровство», а сами чиновники характеризуются как «глупые и пассивные» представители власти, лишённые не только компетентности, но и элементарного представления о будущем, довольствующиеся сиюминутными удовольствиями и практикующие хищения³⁰⁴.

Помимо чиновников польские деятели продолжали обращаться и к образу русских военных в своих работах, которые к этому моменту стали олицетворять не только прямое насилие, но и системную политику русификации, смыкаясь с образом чиновника-угнетателя.

Яркой иллюстрацией этого стал роман галицийского писателя Вацлава Кошчица «Избранники судьбы», где образ русских военных доводится до крайней степени дегуманизации и предстает как воплощение репрессивной государственной машины. В романе поручик Шемяков — не просто жестокий офицер, а «хозяин жизни и смерти»³⁰⁵, чья абсолютная власть основана на насилии и унижении. Его авторитарность проявляется не только в физической расправе (использование нагайки), но и в тотальном контроле над языком и идентичностью: он насильно навязывает русскую речь полякам, запрещая им говорить на родном языке, и обращается к ссыльному с уничижительным «панок проклятый»³⁰⁶.

Важным элементом образа является и системная коррумпированность: Шемяков рассматривает службу как источник личной выгоды, получая «дополнения», что стирает грань между военным и чиновником-бюрократом — оба служат не идее, а системе, построенной на страхе, личной выгоде и отрицании человеческого достоинства. Дегуманизация затрагивает всех участников системы: солдаты, реагирующие на команды с «животным страхом», и

³⁰⁴ *Merunowicz T.* Op. cit. S. 3.

³⁰⁵ *Wołodźko W.* Wybrańcy losu: powieść osnuta na tle wypadków r. 1863. Lwów, 1883. T. 1. S. 4.

³⁰⁶ Ibid.

заклученные, сводимые к безликим объектам в общей цепи, лишь подчеркивают полное отсутствие и эмпатии, и морали в этом механизме подавления³⁰⁷.

В то же время по-прежнему восприятие представителей русского общества в польском общественном мнении формировалось под влиянием деятельности русских революционеров, причем их образ претерпел заметную эволюцию со времен Александра II. Если Владислав Смоленский, обращаясь к русским революционерам, жившим в Европе и свободным от цензуры, с удивлением отмечал их благосклонность к польскому освободительному движению в традициях эпохи Александра II: «Поляк не привык к тому, чтобы русский голос выражал ему благосклонность и защищал его»³⁰⁸, — то на фоне новой волны польского освободительного движения ситуация изменилась. В анонимной статье, опубликованной в газете Польской лиги «Свободное польское слово», доминировал уже критический и даже пессимистический взгляд на русские революционные течения. Их представляли как пассивную и незрелую силу, неспособную стать реальным союзником в борьбе за свободу. Это свидетельствовало об определенном разочаровании в потенциале русской оппозиции, которое стало характерным для польского общественного мнения к концу XIX в.

С одной стороны, авторы признавали отдельные положительные примеры — таких деятелей, как революционера Николая Ивановича Жуковского и марксиста Георгия Валентиновича Плеханова, уважавших стремление польского народа к свободе: «Русские люди — это разумные и понимающие необходимость справедливости»³⁰⁹. Однако ключевым стал вывод об их маргинальности: эти люди представляли собой «группу неудачников», не имевших поддержки в народе и реального политического веса.

Главный акцент делался на образе русского общества в целом как «пассивной массы», которой царь управляет по своему произволу. Эта масса недостаточно развита политически и потому не способна осознать, что без

³⁰⁷ Ibid. S. 5.

³⁰⁸ Wolne Polskie Słowo. 1888. № 13. S. 2.

³⁰⁹ Ibid.

свободной Польши не может быть свободной России. Даже террористические акты революционеров не находят отклика в народе — более того, они производят обратный эффект, усиливая популярность монарха, как это произошло после покушения на Александра III в 1887 г.

Еще одним польским деятелем, с одной стороны, отмечавшим симпатии русских революционеров к полякам и к их стремлению к независимости, а с другой — подчеркивавшим невозможность создания союза, был краковский публицист, бывший повстанец и еще один представитель Польской лиги — Стефан Буциньский (1821—1892). Он признавал факт существования в русском обществе просвещенных революционеров, симпатизировавших стремлению Польши к независимости, в лице декабристов, которые Буциньским описывались как «свободные духом защитники свободы», «святые деятели, возвышающие достоинство целой нации». Этот образ прогрессивной русской интеллигенции наследовал традициям эпохи Александра II и давал формальные основания для надежды на солидарность.

Однако Буциньский категорически отвергал саму возможность равноправного союза, приводя в качестве главного аргумента позицию даже самых прогрессивных русских оппозиционеров, готовых признать свободу Польши лишь в урезанных границах 1815 г., а не в ее исторических пределах. Это, по его мнению, доказывало, что и лучшие представители русского общества не были готовы принять Польшу как полноценного и суверенного партнера.

Свою пессимистичную оценку Буциньский подкреплял резко негативным образом русских, которых он характеризовал как «невежественнейший народ... питаемый водкой и извращенными принципами»³¹⁰. Вопрос национального существования Польши, по мнению Буциньского, не может быть решен с помощью общества, которое само находится в состоянии глубокой политической и моральной деградации.

³¹⁰ *Buszczyński S. Okrucieństwa Moskali: chronologiczny rys prześladowania potomków Słowian przez carów i moskiewski naród, od dawnych wieków aż do dni dzisiejszych: przestroga historii dla południowej Słowiańszczyzny, i tak zwanych panslawistów. Lwów, 1890. S. 2.*

Польские критики сотрудничества с Россией, такие как Стефан Буциньский, создавали сложный и глубоко противоречивый образ русского общества, раскрывая его через призму истории как общества, разрывающегося между европейскими амбициями и азиатской деспотической сущностью. Историю России Буциньский представляет как непрерывную цепь кровавых предательств и жестокости: начиная со времен Ивана III русские целенаправленно уничтожали польскую государственность. Ключевым в брошюре с говорящим названием «Зверства москалей» становится образ «московской нации» как коллективного агрессора, сознательно взявшего курс на уничтожение Польши: «И все это для того, чтобы сказать Европе: поляков больше нет!»³¹¹

Автор дает уничижительную характеристику менталитету русского народа в массе, видя в нем воплощение лицемерия и двойственности, общество, лишенное морального стержня и готовое на любую измену идеалам ради достижения цели: «В Европе он славянский брат, в Азии брат-монгол, здесь ревностный христианин, а среди язычников — терпимый к чужим верованиям человек»³¹².

Вывод Буциньского заключается в непреодолимой культурной пропасти между двумя народами и невозможности сближения, которую не способна закрыть даже панславистская риторика: «Можно ли поставить рядом кролика с лисой и сказать: живите в гармонии?»³¹³

При этом Буциньский не считает русских неспособными к развитию. Он видит их главную проблему в «горделивости» и склонности к пустым умствованиям вместо действий, что делает их «слепыми к глубоким ранам, разъедающим их родину». Путь к исцелению для России, по его мнению, лежит через осознание внутреннего стыда. Однако до тех пор, пока это не произошло, любое сближение с Россией смертельно опасно для Польши, так как даже

³¹¹ Ibid. S. 5.

³¹² Ibid. S. 138.

³¹³ Ibid.

либеральный русский, получив власть, будет угнетать поляка, «как некогда римляне подавляли [другие] народы»³¹⁴.

Образ русского общества в польском общественном мнении времен царствования Александра III формировался не только в ходе политических и исторических дискуссий о взаимоотношениях двух славянских народов, но и благодаря личному опыту путешествия через империи, который находил отражение в путевых заметках. Так, делясь личным опытом пребывания в России, Буциньский дал описание страны, находящейся в состоянии тотальной запущенности и варварства: разбитые дороги, непроходимая грязь, разрушенные мосты, гибнущий скот от чумы, парализованная промышленность и торговля. Это образ не просто отсталости, а системного коллапса, где государственная власть не способна поддерживать элементарный порядок на собственной территории. Царство Польское здесь предстает как жертва целенаправленного вандализма — разграбленные музеи и библиотеки создают образ пространства, «пересеченного гуннами и древними царями»³¹⁵.

Важным элементом образа русского общества становится описание тщеславного, деморализованного и погрязшего в расколах духовенства. Упоминание «отвратительных сект хуже диких язычников»³¹⁶ подчеркивает, что вместо того чтобы наводить порядок в собственной стране и бороться с внутренним варварством, русское общество лицемерно претендует на роль лидера славянского мира.

Подобный взгляд со стороны чаще всего представляли польские путешественники из Галиции. Так, Москву посещал и краковский историк Станислав Тарновский (1837—1917), также имевший собственное представление о русском обществе, отчасти основанное на опыте путешествия по России. Свое желание побывать в стране он, как и Буциньский, обосновывал тем, что вне зависимости от отношения к России важно уметь составить впечатление о

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ Ibid. S. 141.

³¹⁶ Ibid. S. 145.

русских на основе личного контакта с ними: «Длительное пребывание в Москве позволило увидеть не только стены, но и людей, познакомиться с их жизнью, их мыслями и творчеством, их сочинениями и желаниями, слабостями и сильными сторонами»³¹⁷.

Его записи рисуют сложный и противоречивый образ, в котором величие имперских амбиций соседствует с удручающей повседневной реальностью. Центральное место в описаниях Тарновского занимает контраст между официальным образом России и тем, что он наблюдал лично. Особенно резкой критике подвергается русская деревня, предстающая в его записях как пространство тотального упадка: обветшалые избы без ограждений, брошенные посреди пустых полей, населенные «некрасивыми и неухоженными» крестьянами. Эти наблюдения перекликаются с описаниями Буциньского, также отмечавшего нищету, пьянство и антисанитарию русской сельской жизни³¹⁸.

Москва в восприятии Тарновского становится символом всей российской двойственности. С одной стороны, он признает ее значение как сакрального центра русской государственности, отмечая почти религиозное отношение местных жителей к Кремлю. С другой — столица поражает его своей архитектурной невыразительностью, представая безликим «океаном улиц»³¹⁹, где подавляется все индивидуальное.

Особое внимание Тарновский уделяет анализу русского национального характера. Его поражает слепая преданность простых людей монархии, проявляющаяся в ритуальных поклонах у стен Кремля. В то же время историк констатирует подавление индивидуальности в угоду коллективному, что, по его мнению, объясняет многие противоречия российской действительности.

Итоговый вывод Тарновского звучит безрадостно: при всех своих имперских амбициях и территориальных масштабах, Россия остается страной, где человеческая личность не имеет ценности, где величие замыслов не

³¹⁷ *Tarnowski S. Op. cit. S. 123.*

³¹⁸ *Buszczyński S. Przestroga historji. S. 140.*

³¹⁹ *Tarnowski S. Op. cit. S. 135.*

подкрепляется достойными условиями жизни, а богатая история существует отдельно от вызывающей уныние современности.

Еще один польский путешественник из Галиции, Витольд Бартошевский, в своих записках создал противоречивый образ России, в котором резко контрастировали две столицы. Санкт-Петербург, по его наблюдениям, представлял собой оазис европейской цивилизации на фоне «дикой Москвы»³²⁰ — всего двенадцать часов пути разделяли, по его выражению, варварство и просвещение.

Особое внимание Бартошевский, как и Тарновский, уделял анализу культа царской власти в русском обществе. Его поражала слепая преданность монархам, материализованная в своеобразной «реликвии» — окровавленной подушке Александра II, выставленной на всеобщее обозрение как символ мученической смерти правителя. Этот культ, по мнению путешественника, демонстрировал незрелость общества и его склонность к мифологизации власти.

Интеллектуальная жизнь России также получила неоднозначную оценку. Бартошевский с горечью отмечал, что богатство российских библиотек отчасти было сформировано за счет разграбленных польских книжных собраний, что служило напоминанием о подавленных восстаниях и культурных потерях³²¹.

С особой язвительностью автор описывал петербургскую ресторанный культуру, где, по его наблюдениям, европейские предприниматели ловко эксплуатировали комплекс неполноценности русской элиты. Французские и итальянские рестораторы, по словам Бартошевского, льстили «москалям», создавая иллюзию приобщения к европейской цивилизации, в то время как сами русские радовались этому мнимому равенству, будучи готовы платить за внешние атрибуты просвещения³²².

³²⁰ *Bartoszewski W.* Op. cit. S. 3.

³²¹ *Ibid.* S. 10.

³²² *Ibid.* S. 12.

Несмотря на то что образ представителей русского общества времен Александра III в общественном мнении населения Галиции зачастую был наделен негативными чертами, встречались и исключения. Прежде всего речь идет о восточнославянском населении Галиции — русинах. В борьбе за сохранение культурной идентичности многие русины выступали за сближение с Россией. В свою очередь, поляки, проживавшие в Галиции, в большинстве своем выступали против русофильства, что вело к конфронтации с русинами. Польские деятели старались поддерживать стремление русинов к сохранению своей культуры, языка и веры, но в отрыве от влияния Российской империи.

Так, Теофил Мерунович в своей статье особое место отвел анализу русского панславизма, который, по его мнению, претерпел опасную трансформацию. Мерунович рисовал целостный и тревожный образ русского общества как носителя агрессивного и экспансионистского сознания, маскировавшегося под идеи славянского единства. Панславизм, по мнению Меруновича, превратился в «искусственный продукт мошеннической бюрократии»³²³, инструмент национализма и имперской экспансии. Этот трансформированный панславизм был не народным движением, а тщательно сконструированным механизмом влияния, целенаправленно внедряемым через православную веру и сеть русофильских организаций (библиотеки, общества, общезития).

Через эту призму Мерунович рисовал образ русского общества не как пассивного объекта управления, а как активного участника имперского проекта, чьи культурные и религиозные институты систематически работают на подрыв стабильности в соседних регионах, таких как Галиция. Русское общество, по мнению Меруновича, руководствовалось общей идеей национального превосходства и мессианской миссии, что делало его угрозой не только для польских интересов, но и для целостности Австро-Венгрии.

Парадоксальным образом, выступая против российского влияния, Мерунович одновременно защищал право русинов на культурную самобытность.

³²³ Ibid. S. 28.

Он подчеркивал, что польская интеллигенция в Галиции, в отличие от русских шовинистов, никогда не высмеивала «мужицкую грубость»³²⁴ русинского языка, а, напротив, поддерживала его развитие. Такой подход, по мысли автора, позволял создать здоровую альтернативу московской пропаганде, сохраняя русинов в сфере польского культурного влияния, но без ущемления их национальных прав.

Таким образом, Мерунович видел в России двойную угрозу: с одной стороны — коррумпированную и некомпетентную административную систему, с другой — агрессивную идеологическую машину, маскирующую имперские амбиции под лозунгами славянского братства.

Валериан Калинка (1826—1886), представитель Краковской исторической школы, так же, как и Мерунович, высказался в отношении русинов в своей брошюре, написанной в 1884 г. Однако, в отличие от многих современников, Калинка проводил четкое различие между русским народом и российским государством. Если государство он характеризовал как пребывающее в «предсмертной агонии», то образ русского народа представлял как воплощение неистребимой жизненной силы, сумевшей сохранить себя, несмотря на многовековые бедствия и гнет национальной политической системы. Калинка отмечал «поразительные свидетельства жизнеспособности» русского народа, который даже в неблагоприятных условиях демонстрировал «признаки улучшения»³²⁵.

В период царствования Александра III образ русского общества в польском общественном мнении продолжал меняться. Важным элементом при конструировании русского общества стало уже не столько военное сословие, олицетворявшее насильственное подавление восстаний, а русское чиновничество, воспринимаемое как главный проводник политики системной русификации и культурного уничтожения Польши. Сам образ военных тоже прошел через

³²⁴ Ibid.

³²⁵ *Kalinka W. Sprawa ruska na Sejmie Czteroletnim. Lwów, 1884. S. 37.*

некоторые изменения и теперь тоже стал символизировать повседневный административный гнет и насильственную ассимиляцию.

Значительно изменилось и восприятие русских революционеров. Если в эпоху Александра II декабристы и народники могли вызывать симпатию как жертвы общего деспотизма, что побуждало польских революционеров к поиску путей сотрудничества с русскими революционерами, то теперь их образ лишился былого героизма и даже стал маргинальным. За исключением декабристов как исторического примера современные революционеры воспринимались как группа, не имевшая реальной поддержки в народе и политического веса. Идея союза с ними, актуальная в 1860-е гг., была полностью дискредитирована, а польские деятели единогласно отвергали такую возможность как наивную и опасную. Так, Ян Кухажевский отмечал, что за время накопленных исторических обид и недопониманий, у польского освободительного движения закономерно не сложилось достаточного доверия к русским революционерам³²⁶.

Важную роль в формировании негативного образа сыграл опыт галицийских путешественников и публицистов, которые, посещая Россию, смотрели на нее «извне», через призму австрийского гражданства и польской идентичности. Их путевые заметки закрепляли образ страны глубокого цивилизационного упадка: тотальная грязь, разруха, коррумпированное и пьяное чиновничество, фанатичное и невежественное духовенство.

Под влиянием русинского вопроса в Галиции образ русского общества в польском общественном мнении приобрел дополнительные грани. Хотя большинство польских деятелей времен Александра III воспринимали русское общество негативно, особенно в контексте русификации и панславизма, отношение к русинам и их стремлению сохранить свою идентичность было более положительным, несмотря на культурную близость к России.

³²⁶ *Kucharzewski J. Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk, 2000. S. 254.*

Важно отметить, что в рассматриваемый период на восприятие России польским обществом значительное влияние мог оказать и геополитический контекст. Многие польские публицисты, критиковавшие Россию, проживали на территории Австро-Венгрии — государства, отношения которого с Российской империей обострились в конце 1870-х гг. Это противостояние усилилось после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда рост российского влияния на Балканах начал вызывать у Вены значительные опасения.

**Глава 3. Накануне падения империи:
кризис власти и новые векторы в польском восприятии России
при Николае II (1894—1914)**

**3.1. Ослабление империи: от восшествия императора на престол
до последствий Русско-японской войны и революции 1905 года**

С начала 1890-х гг. в польской общественно-политической мысли доминировали два основных направления, во многом определявших образ царских властей в общественном мнении, — социалистическое и националистическое. То, каким эти два лагеря видели будущее Польши, во многом детерминировало и отношение их представителей к российскому правительству и императору.

Среди польских социалистов наиболее значимой и влиятельной была образованная в 1893 г. Польская социалистическая партия (ППС), в которой в первые годы царствования Николая II еще не наблюдалось единообразия мнений относительно будущего Польши: одни представители выступали за независимость Польши, другие же поддерживали интернационалистические идеи и боролись за свободу всех рабочих, вне зависимости от их национальной принадлежности. Для национал-ориентированных сторонников независимости Польши царские власти оставались классическим образом колониального угнетателя — реакционной абсолютистской силой, главные цели которой состояли в удушении польской национальной идентичности и эксплуатации польских земель. Их критика была направлена на имперскую сущность царизма, а образ власти строился на антиколониальной риторике.

В то же время сторонники интернационалистического крыла формировали принципиально иной образ. Для них царская власть была в первую очередь олицетворением классового угнетения, общим врагом всех рабочих — и русских, и польских. В этом нарративе образ царских властей как национального угнетателя отходил на второй план, уступая место образу реакционного

самодержавия, которое необходимо свергнуть в рамках общей с русским пролетариатом революционной борьбы.

Главным политическим противовесом же ППС была польская Национально-демократическая партия, которая возникла на основе Национальной лиги — организации, основанной, как и ППС, в 1893 г. Партия появилась, когда радикальные активисты Польской лиги — Роман Дмовский (1864—1939), Теофил Валигурский (1859—1913), Кароль Рачковский (1869—1959), Ян Людвик Поплавский (1854—1908) и Зигмунт Балицкий (1858—1916) — пришли к власти в организации путем переворота. Они сформулировали политическую программу организации, основанную на принципах прагматизма, эффективной организации политической работы и идеологии национализма, затем, в 1897 г., возникла Национально-демократическая партия, которая действовала на всех частях разделенной Польши.

Для первого периода царствования Николая II (до Русско-японской войны и революционных событий) было свойственно смягчение образа властей в глазах поляков. Неожиданная смерть Александра III и восшествие на императорский престол в России его более мягкого и либерального сына Николая II, а также настроения, сопровождавшие новое царствование, породили большие надежды среди поляков относительно смягчения политики царских властей в Царстве Польском.

В польском обществе уже сложилась своеобразная традиция периодически «смягчать» образ царских властей, что каждый раз было связано с ожиданием перемен к лучшему и надеждой на облегчение тяжелой судьбы нации по случаю прихода нового самодержца. Однако стоит отметить, что лояльное отношение к Николаю II в первые годы его царствования было более оправданным, чем к его предшественнику, поскольку со стороны нового императора проявлялись некоторые, хоть и не вполне ясные, симпатии к польскому народу. Символом этих симпатий служил, в частности, его роман с Матильдой Кшесинской, о котором было известно и в Варшаве.

Несмотря на стремление освободить народ из-под царского ига, восшествие нового императора на престол с некоторым оптимизмом встретили даже представители польского социалистического движения. Так, находившийся в эмиграции Болеслав Лимановский писал: «В ноябре того же года [1894] умер царь Александр III, на престол взошел Николай II. О новом царе отзывались доброжелательно и с ним связывали надежды на изменение системы правления и отношения к польскому народу. Я вспоминаю разговор, который у меня был в этом отношении с [Адольфом] Варшавским, также в некоторой степени разделявшим оптимистичную оценку нового царя»³²⁷.

Представители отколовшейся практически сразу от ППС и придерживавшейся интернационалистической концепции Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), к которой в то время принадлежал и упомянутый в воспоминаниях Лимановского революционер Адольф Ежи Варский (1868—1937), также подтверждали надежды, испытываемые населением Царства Польского в отношении Николая II в первые годы его царствования: «Когда он взошел на престол, сердца сотен, миллионов людей забились громче, и были услышаны втайне лелеемые надежды на лучшее будущее»³²⁸

Родившиеся надежды на новый курс царских властей в польском вопросе стали предметом оживленных дискуссий среди жителей Царства Польского. Польский марксист Людвик Крживицкий (1859—1941), описывая одну из состоявшихся в салоне дискуссий, вспоминал, что участники беседы пришли к мнению, что «после восшествия на престол Николая II, оковы, лежавшие на польском обществе, несколько ослабли». Вместе с тем кто-то из участников той беседы иронично заметил, что «он царствует с двумя дубинами в своем титуле, вместо трех, которые были у его отца!»³²⁹

Варшавский поэт, литературный и театральный критик Игнаций Балиньский (1862—1951) следующим образом характеризовал настроения польского

³²⁷ *Limanowski B.* Pamiętniki (1870—1907). Warszawa, 1958. S. 484.

³²⁸ *Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty.* Warszawa, 1957. T. 1: 1893—1903. Cz. 1: 1893—1897 / wyd. H. Buczek i F. Tych. S. 414—417.

³²⁹ *Krzywicki L.* Wspomnienia. Warszawa, 1959. T. 3. S. 178—179.

народа в отношении российского правительства в первые годы правления Николая II: «Конечно, мы не ожидали каких-либо принципиальных изменений в системе. “Никаких мечтаний” [знаменитые слова Александра II, произнесенные 23 мая 1856 г. в Варшаве] — всё еще висели над поляками, но мы испытали момент облегчения, как заключенные в душной, непроветриваемой камере, когда им неожиданно открывают окно, через которое врывается немного более свежий воздух, и когда меняют самых ненавистных стражников»³³⁰.

Конечно, встречались и поляки, которым были чужды подобные иллюзии и надежды. Александр Свентоховский (1849—1938), один из ярких представителей варшавского позитивизма, уже в первые дни правления Николая II воинственно заявил, что поляки, несмотря на смену правителя, останутся верны своим идеалам, языку и прошлому: «Мы не откажемся ни от чего из того, что составляет нашу сущность и что нам дорого, что мы будем работать изо всех сил»³³¹.

В декабре 1894 г. Николай II неожиданно для многих отправил в отставку по состоянию здоровья с поста варшавского генерал-губернатора Иосифа Владимировича Гурко (1829—1901), что было позитивно воспринято населением Царства Польского и стало еще одним подтверждением либеральных настроений императора³³². На отставку Гурко отреагировали многие современники, в том числе и в газете «Познанский дневник», в которой он представлен как жестокий, коррумпированный и тщеславный каратель, главной целью которого было подавление польского духа и культуры. Помимо Гурко авторы обращаются к упомянутому ранее А.Л. Апухтину и председателю Варшавского цензурного комитета Ивану Константиновичу Янкулио (1847—1912), характеризуя их как троих порочных и «дорого обходящихся казне существ», пожелания в адрес которых в газете формулировались кратко: «скатертью дорога»³³³.

³³⁰ *Baliński I.* Wspomnienia o Warszawie. Edynburgh, 1946. S. 133.

³³¹ *Brykalska M.* Aleksander Świętochowski: Biografia. Warszawa, 1987. T. 1. S. 451.

³³² *Beylin K.* Warszawy dni powszednie 1800-1914, wyboru dokonał i wstępem poprzedził J.W. Gomułicki. Warszawa, 1985. S. 388.

³³³ *Dziennik Poznański.* 1894. № 283. S. 1.

В самом Царстве Польском, по воспоминаниям польского политика Станислава Стемповского (1870—1952), в связи с отставкой Гурко сразу же появилось сатирическое стихотворение:

Старый Гурко покидает надвисленский трон
Вместе с подлой дочерью,
Едут пить теплые воды,
Ибо молодой император сказал: «Убирайтесь вон!»³³⁴

Наравне с отставкой Гурко по своему политическому значению для польского народа стало смещение с должности попечителя Варшавского учебного округа в 1897 г. А.Л. Апухтина (занимал должность с 1879 г.), который для многих поляков олицетворял антинародную русификаторскую политику³³⁵. После ухода Апухтина в Царстве Польском приобрела популярность шутивная песня:

Польша еще не погибла
Потому что Николай жив,
Кто не любит Николая,
Этого в морду бьют!³³⁶

Еще одним показательным примером отношения польского общества к Апухтину стала отчеканенная (за пределами Царства Польского) и разосланная польским эмигрантам бронзовая медаль с изображением бюста попечителя и надписью на русском языке на обороте, которая гласила: «Вечное проклятие

³³⁴ *Stempowski S. Pamiętniki (1870—1914) / wstęp M. Dąbrowskiej. Wrocław, 1953. S. 188.*

³³⁵ *Корнилов А.А. Указ. соч. С. 90.*

³³⁶ [*Dąbrowski J.] Grabiec J. Czerwona Warszawa przed ćwierć wiekiem. Moje wspomnienia. Poznań, 1925. S. 142.*

его имени, вечный позор его гнусной деятельности в Царстве Польском 1879—1897»³³⁷.

С приходом в 1894 г. нового варшавского генерал-губернатора — графа Павла Андреевича Шувалова (1830—1908) — польское общество заметило смягчение политики царских властей. В отличие от своего предшественника Гурко, Шувалов, бывший посол в Берлине и человек проевропейских взглядов, сознательно демонстрировал уважение к польской элите. Он заводил личные знакомства с аристократами и интеллектуалами, общался на французском языке и избегал резких действий, особенно в отношении католического духовенства.

Даже на страницах галицийской демократической «Национальной газеты», редактором которой на тот момент был бывший участник Январского восстания Либерат Зайончковский (1843—1901), звучали одобрительные слова в адрес нового генерал-губернатора, который демонстрировал «изысканную вежливость». Так, в январе 1895 г. на страницах газеты отмечали, что действия нового генерал-губернатора были восприняты в польской армии с одобрением, поскольку они выгодно оттеняли деспотичный и бесчеловечный курс его предшественника — тот проводил зимние учения, результатом которых были лишь «сотни больных, наполнявших госпитали»³³⁸.

Такая политика была воспринята как «оттепель» в отношениях с имперской администрацией. Как отмечал французский консул, русских чиновников впервые стали принимать в польских аристократических салонах, куда раньше их не допускали. Показательно, что все десять делегатов от Царства Польского, приглашенные на коронацию Николая II, согласились поехать, тогда как при Александре III большинство отказалось от участия под предлогом болезни.

³³⁷ *Kraushar A. Czasy szkolne za Apuchtina. Kartka z pamiętnika (1879—1897). Warszawa, 1916. S. 3-6.*

³³⁸ *Gazeta Narodowa. 1895. №30. S. 1.*

Это говорило о том, что часть польского общества увидела в новом режиме возможность для диалога, пусть и ограниченного³³⁹.

Политика нового монарха, которую при желании можно было принять за либеральную, стала одной из причин укрепления польского консервативного течения «соглашателей» — деятелей, проявлявших лояльность по отношению к царским властям, среди них были знаменитый юрист Влодзимеж Спасович (1829—1906), литератор и публицист Мариан Здзеховский (1861—1938), журналист и основатель газеты «Страна» Эразм Пильц (1851—1929) и граф Юзеф Островский (1850—1923), которые в 1905 г. учредили консервативную Партию реальной политики.

Пильц выступал за признание национального и культурного своеобразия поляков, уравнивание их прав с правами других подданных Российской империи и предоставление Царству Польскому тех же учреждений, что и другим губерниям, в обмен на лояльность монарху и правительству. Своей риторикой, и, в частности, словами о «нравственных узах» и «светлой эре» Пильц стремился создать привлекательный образ царской власти — не как оккупационной силы, а как законного и уважаемого суверена, который ценит верность и вознаграждает ее реформами, а не карательными мерами. Таким образом, он пытался перевести отношения между центром и периферией из плоскости принуждения в плоскость договора, основанного на взаимном уважении и интересе³⁴⁰.

Однако чаще звучали менее смелые требования — например, разрешить полякам занимать официальные должности в Царстве Польском и о расширении обучения польскому языку в школах. Впрочем, это не всегда были прямые требования, а скорее аргументы о полезности реформ для государства.

³³⁹ *Beylin K. Warszawy dni powszednie 1800—1914 / wyboru dokonał i wstępem poprzedził J.W. Gomulicki. Warszawa, 1985. S. 389.*

³⁴⁰ *Варта П. (Пильц Э.) Поворотный момент в русско-польских отношениях. СПб., 1897. С. 12.*

В конце 1896 г. тяжелобольной Шувалов ушел в отставку, и в январе 1897 г. генерал-губернатором был назначен князь Александр Константинович Имеретинский (1837—1900). Смена генерал-губернатора укрепила среди поляков представление о возможной эволюции царской политики от жесткого контроля к более гибкому управлению. Имеретинский, воспринимавшийся как человек благородный и тактичный, сознательно демонстрировал уважение к польским традициям: посещал католические костелы, не смущался, когда польское духовенство обращалось к нему на польском языке, и даже включал поляков в аппарат управления³⁴¹.

Польская элита, уставшая от конфронтации, видела в нем проводника умеренного курса. Как отмечал французский консул Персан, многие поляки начали рассматривать компромисс с Россией как неизбежность — как из-за экономических изменений, так и в силу отсутствия внешней поддержки для восстановления независимости³⁴².

Однако реальное положение дел оставалось противоречивым. При всей доброжелательности Имеретинского системные ограничения (русификация, цензура, политическое бесправие) сохранялись. Как писал Персан, генерал-губернатор сталкивался с сопротивлением консервативных кругов в русской администрации, которые саботировали любые послабления³⁴³.

Николай II демонстрировал и более снисходительное отношение (на фоне Александра III) в уголовных делах, касавшихся поляков. Уже в первые недели своего правления Николай II оправдал и смягчил приговоры многим из осужденных за участие в выступлениях против закрытия католической церкви в Крожи в 1893 г. Изменения в политике царских властей отмечались, среди прочего, и в «Львовских ведомостях», газете, первоначально являвшейся печатным органом австрийских властей. Так, в январе 1896 г. в одной из заметок отмечалось, что царская власть стала более прагматичной и гибкой,

³⁴¹ *Chimiak L.* Op. cit. S. 54.

³⁴² *Borejsza J.W.* Piękny wiek XIX. Warszawa, 1990. S. 283.

³⁴³ *Ibid.* S. 283—284.

осознающей злоупотребления и недостатки существующей системы и что в политике России начало «преобладать несколько более либеральное течение»³⁴⁴.

В этот период в Царстве Польском начали выходить статьи и брошюры, посвященные необходимости сближения двух народов. Показательными в этом отношении были газеты «Страна» и «Слово». Главным редактором первой был один из лидеров соглашателей — Эразм Пильц, а вторая представляла интересы консервативной помещичьей шляхты, также ориентированной на сближение с Россией. Общая платформа соглашателей, несмотря на внутренние разногласия, заключалась в активной поддержке политики царских властей и стремлении укрепить связи с империей для облегчения экономических контактов и выхода польской продукции на русский рынок³⁴⁵.

Еще одним заметным представителем соглашателей был пошедший по стопам своего отца Александра Велёпольского маркграф Зигмунт Велёпольский (1863—1919). Он с большим опасением относился к социалистическому движению и к последствиям возможного краха царизма, официальной церкви, полиции и администрации в России, по сравнению с которыми все войны Французской революции были бы, как он писал, «пушистыми»: «Вот почему я остаюсь при монархическом правительстве, всегда в надежде, что оно раскаты»³⁴⁶.

Соглашатели, отказываясь от политических амбиций и насильственных методов, сосредоточились на обеспечении равных прав для поляков и минимальных гарантиях национального и культурного своеобразия. Они призывали к активной «органической работе» в экономической, культурной и образовательной сферах, ориентируясь на позитивистские традиции. По этой причине

³⁴⁴ *Gazeta Lwowska*. 1896. №3. S. 1.

³⁴⁵ *Historia Polski / pod red. Ż. Kormanowej i I. Pietrzak-Pałowskiej*. T. 3: 1850/1864—1918. Warszawa, 1967. Cz. 1: 1850/1864—1900. S. 614—616; *Pustula Z. Początki kapitału monopolistycznego w przemyśle hutniczo-metalowym Królestwa Polskiego (1882—1900)*. Warszawa, 1968. S. 285.

³⁴⁶ *Szwarc A. Od Wielopolskiego do Stronnictwa Polityki Realnej. Zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próba działalności politycznej (1864—1905)*. Warszawa, 1990. S. 232.

кажется неудивительным тот факт, что идеи соглашателей были поддержаны Болеславом Прусом, бывшим участником Январского восстания. Так, 21 марта 1897 г. он высказывал мнение на страницах варшавской газеты «Ежедневный курьер», что Российской империю ждет большое будущее сверхгосударства, «огромного социального организма, в котором нации могут разместиться так же комфортно, как семьи в коммуне и коммуны в графстве. Перед лицом этого славного будущего не грех, а заслуга возвращать индивидуальные и национальные черты, и ошибкой было бы разрушать их»³⁴⁷.

Определенную роль в улучшении положения польского народа в России, особенно в 1896—1897 гг., сыграло и кратковременное сближение России и Австро-Венгрии после официального визита Николая II в Вену в конце августа 1896 г. и после визита в Петербург в апреле следующего года императора Австрии Франца Иосифа I (1830—1916) в сопровождении графа польского происхождения и министра иностранных дел Австро-Венгрии Агенора Голуховского (1812—1875). По итогам поездок начали распространяться слухи о сложившихся у Голуховского благоприятных впечатлениях о новом русском царе. Так, польский историк Бронислав Лозинский (1849—1911) сообщал в письме от 6 мая 1897 г., вскоре после возвращения министра, одному из своих друзей о том, что не только Николай II произвел положительное впечатление на Голуховского, но и новый генерал-губернатор Имеретинский: «Он дворянин, его отправили в Варшаву “pour faire cesser l'inique persécution des Polonais” [фр. чтобы прекратить несправедливое преследование поляков]»³⁴⁸.

Для соглашателей пример автономии Галиции в составе Австро-Венгерской империи стал еще более привлекательным и в то же время более реальным, чем это было раньше. Изменение тона по отношению к России можно было заметить и в познанской прессе: «Момент желанного примирения тем и

³⁴⁷ Prus B. Kroniki. Warszawa, 1965. S. 72.

³⁴⁸ Szwarc A. Op. cit. S. 265—266.

знаменателен, что в настоящее время существует принцип, позволяющий восстановить и спасти хотя бы частицу того, что было безвозвратно утрачено»³⁴⁹.

Положительный образ Николая II укреплялся в польском общественном мнении по мере ослабления прежних надежд, которые почти весь польский народ возлагал на Францию. Союз России с Францией, вновь проявившийся с полной силой, особенно в первые два года нового царствования, — поездка императорской четы во Францию и тот энтузиазм, с которым Париж принял Николая II, — изменили отношение Франции к Польше. Ранее считавшаяся спасительницей Польши Франция теперь уже делала ставку на укрепление отношений с Россией, что означало отказ не только от поддержки, но и от всякого интереса к польским делам. Важным для Парижа теперь стало не раздражать сначала потенциального, а затем и реального военного и политического союзника и политического подрядчика.

Визит Николая II в Варшаву осенью 1897 г. стал важным моментом в формировании образа русского монарха в польском общественном сознании. Этот визит породил волну примирительных настроений, что особенно ярко проявилось в речи аристократа Зигмунта Велёпольского, который, обращаясь на русском языке, подчеркивал надежды, царившие среди части польской элиты на возможность сохранения национальной идентичности в рамках Российской империи: «Мы надеемся, что благодаря Вашему беспристрастному правительству настало время, чтобы мы стали еще более полезным фактором в органически связанном целом»³⁵⁰.

Образ Николая II как «дружественного» правителя находил отклик у многих польских деятелей. Иполит Корвин-Милевский (1848—1932), известный общественный деятель, утверждал: «Если во всем Русском государстве был хотя бы один человек, который действительно дружественно к нам относился, то этот человек — Николай II»³⁵¹.

³⁴⁹ Dziennik Poznański. 1897. № 211. S. 1.

³⁵⁰ Pobyt Najjaśniejszych Państwa w Warszawie // Kraj. 1897. № 34. S. 2.

³⁵¹ *Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855—1925) / wstęp A. Szwarc, P. Wiczorkiewicz. Warszawa, 1993. S. 139.*

Польская пресса активно способствовала формированию этого образа. «Педагогический обзор» под редакцией Яна Владислава Давида (1859—1914) поместил на титульном листе фотографию императорской семьи, сопроводив ее текстом, способствующим поддержанию образа царя как источника положительных перемен: «Со вступлением на престол молодого монарха атмосфера нашей жизни стала сиять все более яркими лучами доброты, справедливости и правды»³⁵².

Петербургская газета «Страна», редактируемая Э. Пильцем, в специальном приложении писала: «Мы убеждены, что нынешнее пребывание Его Императорского Величества еще больше укрепит эти нравственные связи». Подчеркивалось, что лояльность поляков исходит из «потребности сердца», а не политического расчета³⁵³.

Однако известие о предстоящем визите императорской четы было встречено не всеми жителями Варшавы позитивно. Так, свое непримиримое отношение к русскому царизму проявили представители Польской социалистической партии (ППС), которые писали, что истинным патриотам нельзя участвовать в церемониях в честь угнетателя польского народа, что в этой «комедии лояльности», в этой «комедии примирения» будет участвовать «та часть нации, которая давно уже утратила свое моральное и умственное значение и является теперь только парадным представителем», что в этом будут помогать только «любопытные зеваки» и «полуинтеллигентная буржуазия»³⁵⁴, что существование нации надо защищать иначе.

Такие непримиримые взгляды в отношении царских властей во многом разделял и один из лидеров ППС Юзеф Пилсудский (1867—1935), который с 1894 г. был редактором издаваемой в Лондоне партийной газеты «Рабочий». Пилсудский с ранних лет вел борьбу с русским царизмом и даже принимал участие в подготовке к покушению на Александра III, за что был в 1887 г.

³⁵² Przegląd Pedagogiczny. 1897. № 17. S. 286.

³⁵³ Kraj. 1897. № 33. S. 7.

³⁵⁴ Odezwa z powodu przyjazdu cara // Przedświt. 1897. № 7. S. 20—21.

отправлен в ссылку в Восточную Сибирь, в которой провел несколько лет³⁵⁵. Польский публицист Владислав Студницкий (1867—1953), вспоминая встречу с Пилсудским в 1899 г. упоминал, что именно в Сибири у польского революционера возникло непримиримое отношение к русскому царизму. Впрочем, корни этого отношения современные исследователи (в частности, Г.Ф. Матвеев) усматривают в семейной истории Пилсудского: «Политика русификации, последовательно проводившаяся после разгрома восстания 1863—1864 годов в Западном крае... не могла не вызывать несогласия и внутреннего протеста в душе мальчика, воспитанного матерью в духе глубокого патриотизма, любви к польской истории и культуре и неприязни ко всему русскому. Известно, что родители при всем своем гостеприимстве никогда не приглашали домой русских и не водили с ними близкого знакомства»³⁵⁶.

Стоит отметить, что Пилсудский был не единственным поляком, находившимся в ссылке, который продолжал выступать за борьбу польского освободительного движения против царизма. Так, в 1906 г. небольшой сибирский город Ялуторовск посетил юрист, писатель и политический деятель Сергей Сергеевич Анисимов (1876—1948). В своих путевых записках он отмечал, что этот город «после каждого сильного порыва к свободе в России непременно приобретался к истории революции, принимая в свои недра часть ее жертв»³⁵⁷. Здесь Анисимов познакомился с отставным ялуторовским казначеем, который и рассказал писателю о ссылке поляков. Участники польского освободительного движения не брались за какую-либо работу в Сибири и жили одной только идеей об освобождении Польши. Так, старый казначей вспоминал некоего пана Ревусского, который только и говорил о революции и освобождении Польши³⁵⁸.

Для Пилсудского и его сторонников царская власть была воплощением угнетения, а визиты монарха в Варшаву — не повод для примирения, а символ

³⁵⁵ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008. С. 18.

³⁵⁶ Там же. С. 17.

³⁵⁷ Анисимов С.С. Исторический город [Ялуторовск Тобольской губернии]. М., 1930. С. 153.

³⁵⁸ Там же. С. 154.

продолжающегося господства России над Польшей. В листовке ППС от 30 августа 1897 г. Пилсудский с возмущением писал о подготовке к встрече Николая II, которую он воспринял как визит чужеземного захватчика, чье присутствие на польской земле — акт унижения: «Уже не в первый раз нога московских царей топчет булыжники Варшавы»³⁵⁹.

Особое презрение у Пилсудского вызывала лояльность польской аристократии. Он с сарказмом отзывался о речи Зигмунта Велёпольского и других «соглашателей», которые, по его мнению, демонстрировали раболепие перед оккупантами: «Прибытие царя в Варшаву наконец дало польским панам возможность публично засвидетельствовать перед миром свои чувства преданности»³⁶⁰. В его глазах эта преданность была не искренней верноподданнической позицией, а проявлением политического оппортунизма элит, готовых ради сохранения привилегий идти на сделку с поработителями.

Критика Пилсудского распространялась и на экономическую верхушку Польши — банкиров и промышленников, которые, по его мнению, участвовали в этом «торжественном исповедании верности» лишь для защиты своих интересов. «Неудивительно, что это признание удовлетворило самые далеко идущие требования захватчиков»³⁶¹ — писал он, намекая на то, что царская власть охотно принимала подобные демонстрации покорности, используя их для легитимации своего господства.

Визит Николая II в Варшаву был встречен национал-демократами с осторожными надеждами, что контрастировало с позицией ППС. Роман Дмовский, редактор партийного издания «Польский обзор», еще с 1895 г. формировал образ царской власти как потенциального партнера в решении польского вопроса. В 1896 году газета писала: «подавляющее большинство польского общества, несмотря на различие взглядов, искренне желает изменений, которые позволят направить наши силы на созидательную работу. Даже самые

³⁵⁹ *Śliwowska W.* Op. cit. S. 76.

³⁶⁰ *Robotnik.* 1897. № 24. S. 1.

³⁶¹ *Ibid.*

радикальные круги, оставаясь верными своим принципам, признают: улучшение положения поляков в составе Российской империи принесло бы очевидную пользу»³⁶².

В работе «Мысли современного поляка» (1903) Роман Дмовский сформулировал принципы отношения польских национал-демократов к царской власти, изначально публиковавшиеся в «Польском обзоре». Его позиция представляла собой сложный баланс между национальными интересами и политической реальностью. Дмовский утверждал, что при всех недостатках российского правления, социалистическая альтернатива несет куда большую угрозу польской идентичности: «В национально организованной Польше наше будущее выглядит предпочтительнее, чем в социалистическом государстве, где трудящиеся, освобожденные от буржуазного гнета, потеряют подлинную свободу, традиции и право собственности»³⁶³.

Этот подход отражал прагматичное восприятие царской власти как «меньшего зла» по сравнению с революционными потрясениями. Дмовский подчеркивал: «Патриотизм требует не только определенной позиции по отношению к оккупационным правительствам, но и защиты национальных ценностей от тех, кто ставит классовые, кастовые или религиозные интересы выше общенациональных»³⁶⁴. Национал-демократы видели в царской администрации не только однозначного угнетателя, но и партнера в сохранении польской национальной идентичности перед лицом более радикальных угроз. Однако эта умеренность не означала безоговорочного принятия русского господства — скорее, она демонстрировала готовность к временному компромиссу в ожидании более благоприятных условий для реализации польских устремлений.

³⁶² Nowe nadzieje polityki ugodowej w zaborze rosyjskim // Przegląd Wszechpolski. 1896. № 21. S. 111.

³⁶³ *Dmowski R.* O programie narodowców // *Wiek XIX w źródłach. Wybór tekstów źródłowych z propozycjami metodycznymi dla nauczycieli historii, studentów i uczniów / oprac. M. Sobańska-Bondaruk, S.B. Lenard.* Warszawa, 2001. S. 306.

³⁶⁴ Ibid.

Образ царских властей в России, уже переживавший изменения, значительно ухудшился после неудачной для империи Русско-японской войны, которая стала одной из причин потери доверия со стороны поляков к новому императору, что было заметно даже по высказываниям пророссийских польских деятелей. Так, действительный статский советник из знаменитого польского рода Владислав Иосифович Велёпольский (1860—1928) в переписке с министром внутренних дел Петром Дмитриевичем Святополк-Мирским (1857—1914) неодобрительно высказывался о военном конфликте, в котором приняли участие не только русские военные, но и поляки. Это казалось несправедливым Велёпольскому по отношению к польскому народу, который, с одной стороны, был вынужден принять участие в кровопролитной войне, а с другой — продолжал терпеть притеснения и нападки со стороны властей, которые не отказывались от проведения русификаторской политики в Царстве Польском: «Главным же образом со стороны представителей правительства в крае этот период ознаменован все более ужесточающимися ограничениями, имеющими характер уже не только репрессий, но и неоднократной русификации и денационализации»³⁶⁵.

Велёпольский в своем верноподданническом письме характеризовал Январское восстание как преступное явление, которое давно осталось позади, а царские репрессии принесли свои плоды и «поспособствовали отрезвлению большинства поляков под русской властью и примирению более или менее сознательному с мыслью об утрате независимости, с мыслью о неразрывном единении с империей»³⁶⁶. Велёпольский называл диким и несправедливым то, что поляки не занимают равное положение с другими гражданами Российской империи, что способствовало росту революционных настроений среди польской молодежи: «Среди юношества, например, которому на первых порах жизни приходится убеждаться, что сам факт рождения поляком, сама родная его речь и вера делают его в государстве на всю жизнь элементом подозрительным,

³⁶⁵ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 508. Л. 1.

³⁶⁶ Там же.

лишенным в родном крае гражданской полноправности... соблазняются нашептываниям крайних элементов»³⁶⁷. В связи с этим Велёпольский в согласии с традицией польских соглашателей призывал царское правительство опереться на «лояльные и консервативные элементы края»³⁶⁸, способные поддерживать стабильность и порядок в регионе.

Русско-японская война привела к тому, что представители двух важнейших польских политических лагерей — социалистов и националистов — решили завоевать доверие Японии и использовать ее поддержку в своих интересах в будущей борьбе за власть. Данный визит хорошо характеризовал политические взгляды двух польских лидеров и то, как они воспринимали российское правительство. Так, целью Пилсудского было получение финансовой и военной помощи в будущем столкновении с Россией в период ее ослабления в результате военных столкновений с Японией. Роман Дмовский же, наоборот, не хотел допускать конфронтации, считая Германию главным врагом польского дела. В результате растерянных японцев фактически не смогла убедить ни одна из делегаций, в то время как социалисты получили символическую материальную помощь³⁶⁹.

Различие в подходах демонстрирует и агитационная листовка, изданная в годы Русско-японской войны Национальной лигой, в которой состоял и Дмовский. С одной стороны, образ царских властей доведен до крайней степени негативности — это «враг цивилизации», ненавистная государственная машина» и олицетворение «варварства и азиатчины», которому противостоит «доблестный японский народ». Логичным продолжением такой риторики должен быть призыв к немедленной и бескомпромиссной борьбе, к активной поддержке врага России (Японии) с целью нанесения ей максимального урона. Однако, с другой стороны, текст решительно отвергает эту логику и призывает к стратегической паузе и внутренней консолидации, что является формой

³⁶⁷ Там же. Л. 2.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 345.

вынужденного компромисса с реальностью российской власти: «Мы не можем также выступать как активные союзники действующих врагов России». Ключевой тезис текста состоял в том, что война вынудит саму Россию изменить свою политику. Автор листовки, таким образом, совмещает два подхода: это поддержка ненависти к России как к системе, но одновременно призыв к сдержанности и прагматизму в отношениях с ней³⁷⁰.

Экономические трудности войны больше всего ударили по промышленным центрам Царства Польского. Рост цен, снижение зарплат и массовые призывы в армию спровоцировали волну протестов, кульминацией которых стала вооруженная демонстрация ППС 31 октября (13 ноября) 1904 г. на варшавской площади Гжибовского.

Для социалистов во главе с Пилсудским эти выступления были не просто экономическим протестом, а сознательной «тактикой действий» против царской власти. Они рассчитывали, что даже кроваво подавленные акции подорвут авторитет империи, демонстрируя ее неспособность обеспечить порядок. Как отмечал Пилсудский, цель заключалась в том, чтобы «создать общенациональные инциденты»³⁷¹ и показать обществу, что сопротивление России возможно — даже ценой жестоких репрессий.

Эти события отражали радикализацию образа царской власти в глазах части польского общества: из «подавляющей силы» она превращалась в уязвимого противника, чье могущество можно пошатнуть. Однако такой подход также демонстрировал глубокий раскол в польском обществе — в то время как одни группы еще надеялись на диалог с Петербургом, другие уже избрали путь открытой конфронтации. Так, в одной из листовок, распространяемых во время Русско-японской войны, подчеркивалось, что независимо от исхода власть в России будет ослаблена и в таком случае правительство будет «вынуждено пойти на уступки», и полякам «будет легче бороться за свои права».

³⁷⁰ Rodacy! [Inc.: Jeden z dwóch odwiecznych naszych wrogów - Rosya znalazła dziś na Wschodzie azyatyckim groźnego przeciwnika...]. Warszawa, w lutym 1904 r. Warszawa, 1904.

³⁷¹ Świątek R. Lodowa ściana: Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego 1904—1918. Kraków, 1998. S. 255—257.

Образ царских властей — это образ глубоко ослабленного, находящегося в кризисе режима, чья военная и экономическая мощь оказывается мифом перед лицом внешнеполитических вызовов³⁷².

Поражение на Дальнем Востоке лишь усилило убеждение, что империя уязвима и что ее власть над Польшей не незыблема. На площади скандировали: «Тот, кто разбит японцами, не имеет права ограничивать права польского народа!»³⁷³ В декабре 1904 г. по всей Варшаве началось активное распространение агитационных листовок и брошюр, которые представляли российское правительство в неблагоприятном свете. Одна из таких брошюр, озаглавленная «Взгляд на поступки правительства в покоренной Россией Польше»³⁷⁴, затрагивала вопрос о намерениях царского правительства в отношении Польши, утверждая, что «Россия поставила своей задачей уничтожить Польшу»³⁷⁵ и нанесла ей значительный ущерб как в материальном, так и в моральном плане. Польша по вине России столкнулась с глубокими экономическими трудностями. Правительство, по мнению автора брошюры, использует доходы, которые могло бы направить на благо народа, для строительства церквей вместо костелов и финансирования полиции и армии, которые «отнимают у них последний кусок хлеба»³⁷⁶. Кроме того, подвергаются преследованию польские культура и язык: «Правительство запрещает употреблять польский язык в судах, школах, управлениях, на железных дорогах»³⁷⁷.

Наиболее крупные беспорядки и забастовки на польской земле произошли в Варшаве, Лодзи, Островце и Люблинском воеводстве. В Варшаве в январе 1905 г. в столкновениях демонстрантов с армией погибло около ста

³⁷² Co myśleć o wojnie [Inc.:] Dla nas Polaków niedawno rozpoczęta wojna Japonii z Rosją jest wypadkiem bardzo korzystnym [...]. 1904.

³⁷³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 3190. Л. 3.

³⁷⁴ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 977.

³⁷⁵ Там же. Л. 4.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же.

человек. Подавление выступления демонстрантов социалисты характеризовали как попытки «потопить рабочее движение в крови, задушить его террором»³⁷⁸.

Со 2 (15) августа 1905 г. новым варшавским генерал-губернатором был назначен русский военачальник Георгий Антонович Скалон (1847—1914), который вскоре обратился к Николаю II с просьбой ввести военное положение в Привислинском крае, что и произошло 28 октября (10 ноября) 1905 г.

Начались жесткие подавления действий демонстрантов в Царстве Польском, встретившие бурную реакцию со стороны социалистов, которые характеризовали нового генерал-губернатора, как «высшее лицо вторжения»³⁷⁹ и одного из «самых кровавых палачей польского народа, царского наместника, принесшего траур сотням семей и замучившего тысячи жертв в тюрьмах и ссылках»³⁸⁰. Скалона сравнивали с Гурко, подчеркивая преемственность репрессивной политики царских властей, которая подменяет свободу диктатом, где любое неподконтрольное выражение мнения объявляется «анархией». Скалон, по мнению польских социалистов, «не знает, что воля большинства населения во всех свободных странах — это право, а не насилие; насилием же являются наглые действия полицейской и военной банды»³⁸¹.

Польские промышленники, католическая церковь и консервативные круги, в отличие от польских социалистов, сотрудничали с царем в подавлении демонстраций рабочих. Демонстрации рабочих были осуждены национал-демократами: «Вакханалия политических забастовок разгоралась все сильнее, угрожая экономической жизни страны большими разрушениями»³⁸². Польские социалисты считали, что Дмовский заключил тайное соглашение с царем с целью борьбы с рабочим движением: «Организованная банда из национал-

³⁷⁸ Robotnik. 1905. №62. S. 1.

³⁷⁹ Robotnik. 1908. № 227. S. 1.

³⁸⁰ *Chimiak L.* Op. cit. S. 218.

³⁸¹ Towarzysze Robotnicy! [Inc.: Carski satrapa Skąlon ogłosił bezczelne i prowokacyjne zawiadomienie. Językiem godnym swoich poprzedników, językiem Hurków i Maksimowiczów...] : Warszawa 7 Listopada 1905 r. Warszawa, 1905.

³⁸² *Kułakowski M.* Roman Dmowski w świetle listów i wspomnień. Warszawa, 1990. S. 436.

демократии готовит свою помощь жестокому, преступному правительству. <...> Национал-демократические хулиганы уже спешат убивать революционеров»³⁸³.

Не только варшавские представители консервативного лагеря осудили революционные события: галицийские консерваторы на страницах газеты «Время» разделили их позицию, с одной стороны, представив революционеров олицетворением бездумного хаоса и террора, а с другой — в невыгодном ключе показав и царские власти, которые, обладая всей полнотой власти, оказались не в состоянии выполнить свои базовые обязанности: защитить жизнь и имущество подданных и навести элементарный порядок. Царская полиция в Царстве Польском, по мнению автора заметки, «недостаточна по численности и притом совершенно деморализована»³⁸⁴.

В апреле 1905 г. вступил в силу указ о веротерпимости, что способствовало прекращению репрессий против униатского меньшинства. В польские школы вернулся польский язык, были легализованы профсоюзы. Наконец, 17 (30) октября 1905 г. был выпущен царский манифест, который гарантировал введение конституции и учреждение парламента.

Однако польские социалисты критически отнеслись к ограничению абсолютной монархии в России, о чем, в частности, говорит сатирическая листовка от Социал-демократической партии Королевства Польского и Литовского, которая отражала непримиримое отношение к царским властям и в которой Николая II называли «палачом и убийцей Всея Руси» и «мясником Одессы»³⁸⁵. ППС, в свою очередь, также отреагировала в агрессивной форме на царский манифест, назвав его «новым актом насилия» и призвав

³⁸³ Do walki z czarnemi secinami Narodowej Demokracji! [Inc.:] Robotnicy! W chwili, gdy powstania wojskowe w Rosji zapowiadają zbliżanie się zbrojnej rewolucji ludowej dla ostatecznego zduszenia caratu <...>. Warszawa, 1906.

³⁸⁴ Czas. 1905. № 185. S. 1.

³⁸⁵ Manifest Najwyższy. [Inc.:] Z Bożej łaski My Mikołaj II-gi Kat i Zabójca Wszechrosyjski, Zwycięzca Iwanowo — Woznisienski i Łódzki. Pogromca Kaukazki, Warszawski i Białostocki, Rzeźnik Odeski, Główny Ataman Czatnych Sotni i t.d, i t.d. Ogłaszamy wszystkim naszym wiernym a płupim poddanym, że ukazem złodziejskim powołujemy do wegetacji Radę Państwową <...>. Piotrków Trybunalski, 1905.

продолжить выступления против царских властей, попутно в характерной для ППС манере акцентировав внимание на противостоянии не только двух классов, но и двух народов: «В рабочем населении Варшавы царь видит не верноподданных, а врагов». Самого Николая II же в агитационной листовке называли «кровавым царем», развязавшим «бессмысленную и кровопролитную войну в Маньчжурии»³⁸⁶.

В Царстве Польском после царского манифеста были разрешены мирные демонстрации жителей Варшавы, но 1 ноября 1905 г. демонстрация на Театральной площади была жестоко разогнана. Несколько десятков человек погибли, несколько сотен получили ранения, и социалистическая пресса возложила всю вину на генерал-губернатора. В газете «Рабочий» писалось, что Скалон «натравил казаков на народ и приказал им стрелять в людей, праздновавших конституцию»³⁸⁷.

Революция 1905 г. привела к ограниченным свободам в Царстве Польском: было разрешено создавать польские научные и культурные общества, а также появилось представительство поляков в Государственной думе (Польский кружок). Многие поляки надеялись на автономию, но Николай II и его правительство не предприняли значительных шагов в этом направлении, продолжая подавлять попытки самоуправления. Участие поляков в Государственной думе было ограничено национал-демократами и не приносило реальных результатов, а военное положение в Царстве Польском сохранялось до 1915 г. Тем не менее революция принесла позитивные изменения — появилась возможность создания польских учреждений и организаций, была смягчена цензура, введена свобода вероисповедания и разрешено использование польского языка в муниципальных учреждениях.

Революция расколола польских социалистов: сторонники Пилсудского выступали за независимость, тогда как левая фракция ППС во главе с Коном

³⁸⁶ Towarzysze Robotnicy! [Inc.:] Mikołaj II tyran i kat wszerchosyjski, polski, finlandzki, kaukazki, sybirski i t.d. i t.d. uroczystym manifestem ogłosił swym poddanym "nową łaskę monarszą" ...: Warszawa w sierpniu 1905 roku. Warszawa, 1905.

³⁸⁷ *Chimiak L.* Op. cit. S. 213.

делала ставку на классовую борьбу. Этот опыт позже лег в основу созданного Пилсудским Союза активной борьбы.

После революционных событий Роман Дмовский в 1909 г. опубликовал программную работу «Германия, Россия и польский вопрос», в которой, среди прочего, ясно отражалось отношение Дмовского к российскому правительству. Его восприятие царских властей стало более негативным после поражения России в Русско-японской войне и революционных событий 1905 г., однако Дмовский не отказался от свойственного ему прагматизма и стремления найти пути для компромисса и сотрудничества.

С одной стороны, он рассматривал царские власти как репрессивный механизм, подавляющий польское национальное самосознание и стремление к автономии. Дмовский критиковал антипольскую политику России, которая, по его мнению, была не только несправедливой, но и неэффективной. По мнению Дмовского, история Российской империи в XIX в. представляла собой череду кризисов. В начале XX в. новые кризисы уже становились очевидными, предвещающая скорую катастрофу: «Абсолютизм, однажды потрясенный в своих основах, не может вернуться к прежней мощи. Такое потрясение мгновенно уничтожает весь тот капитал, который накапливался в сознании народа на протяжении столетий деспотического правления»³⁸⁸.

Он подчеркивал, что, поглощая новые территории, Россия фактически игнорировала собственное внутреннее развитие. Этот подход привел к накоплению социальных и политических конфликтов внутри страны. По мнению Дмовского, ни одно европейское государство не сталкивалось с таким низким престижем и значимостью власти, как это происходило в России и даже официальные представители русского патриотизма, «истинно русские люди», относятся к правительству с откровенным презрением...»³⁸⁹ В результате Россия оказалась на грани масштабного кризиса — политического, экономического, финансового. Дмовский характеризует царские власти как людей,

³⁸⁸ *Dmowski R. Niemcy, Rosya i kwestya polska. Lwów, 1908. S. 217.*

³⁸⁹ *Ibid. S. 218.*

неспособных навести порядок среди собственного народа, не говоря уже о жизни поляков³⁹⁰.

С другой же стороны, несмотря на упомянутые выше негативные явления, Дмовский выражал надежду на возможность изменений в российской политике. Он верил, что со временем «польские симпатии» могут одержать верх в правительстве, что могло бы привести к улучшению отношений между Польшей и Россией, а также к расширению польской автономии. В его представлении Россия могла бы стать защитником интересов всего славянского мира, если бы царское правительство отказалось от притеснения польского народа. Дмовский призывал поляков к компромиссу с российскими властями, считая это более реалистичным подходом, чем союз с Германией, которую он воспринимал как непримиримого врага всего польского.

Дмовский выступал за необходимость реформ в российском государственном устройстве и отстаивал права польского народа, подчеркивая, что для сохранения единой империи необходимо учитывать интересы всех народов, включая поляков. Дмовский также настойчиво утверждал, что польский народ «и не сможет согласиться с режимом, который отводит ему такое положение»³⁹¹. Он считал, что, если российские власти признают этот факт и учтут его в своей политике, внутренний мир в империи может быть установлен быстрее.

Ян Людвик Поплавский, как и Дмовский, приходил к выводу о том, что поиск компромисса с царскими властями был вынужденной необходимостью для тех, кто выступал против революционных методов борьбы за независимость польской нации, которые понимались Поплавским, как «провокация военного движения» со стороны российского правительства.

Иной взгляд после революции 1905 г. в отношении царских властей предлагал Юзеф Пилсудский. Он не верил, что российские власти могут

³⁹⁰ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 252. Л. 2.

³⁹¹ *Соловьев К.А.* Дмовский. Роман о России // Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 2017. С. 17.

предоставить полякам какие-либо реальные уступки без давления и борьбы. Государственную думу Пилсудский характеризовал как «псевдопарламент», который приспособлен к нуждам царизма³⁹². Подобные воззрения на Российскую империю были небезосновательными со стороны политического деятеля, выступавшего за свободу польского народа, ведь даже после революции оставался в силе идеологический постулат, провозглашавший Царство Польское исконно русским краем³⁹³.

Пилсудский и его сторонники видели в российской власти основного врага польской независимости. Они не верили, что российское правительство сможет или захочет сделать какие-либо значительные уступки польскому народу. Это недоверие и враждебность к царским властям определяли стратегию ППС, которая включала в себя и насильственные методы борьбы за независимость Польши, в том числе и террористические акты против представителей царских властей, которые позиционировались, как истребление «бешеных собак», а те, кто занимались этим истреблением, были «героями, которым человечество обязано честью и должно быть благодарным»³⁹⁴.

Так, уже в 1910 г. Пилсудский делился мыслями о том, как следует польским революционерам действовать во время войны, называя столкновение с армией царизма политической необходимостью: «Мы все понимаем, что мы должны бороться за свои цели, как политические, так и социальные. И не языками, не печатной папиросной бумагой, а с пистолетом в руках»³⁹⁵.

У возникшей в 1912 г. польской политической партии Национальный крестьянский союз был схожий с ППС взгляд на Николая II и на характер его правления в Царстве Польском. Александр Завадский, возглавлявший эту партию, обвинял царские власти в угнетении польских крестьян, на подати которых были созданы репрессивные институты: «Царь берет ежегодно из Польши

³⁹² Robotnik. 1913. № 258. S. 1.

³⁹³ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 344.

³⁹⁴ Robotnik. 1908. № 227. S. 1.

³⁹⁵ *Pilsudski J.* Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. T. 2. S. 337.

подать и на нее создает армию — оплот своего деспотизма. Железной рукой держит он нас за горло»³⁹⁶. Николая II Завадский характеризует как деспота, превращающего польских крестьян «в несчастное, стонущее стадо животных»³⁹⁷.

Явно пророссийская политическая ориентация Романа Дмовского стала одной из причин ряда расколов среди национал-демократов в 1907—1911 гг., что закономерно высмеял Юзеф Пилсудский — главный оппонент Дмовского: «Дмовский и ему подобные продолжают нести свою собачью службу в интересах царского правительства»³⁹⁸. В 1913 г. Дмовский выступал с докладами на съездах Главного совета Национальной лиги в Берлине, а год спустя — в Вене, где рассказывал о том, что будет означать для Польши победа германских государств, а также о том, в чем состоит суть возможного объединения разделенных территорий. В то же время Дмовский выпустил книгу «Упадок консервативной мысли в Польше», в которой обратился к польскому консервативному течению начала XX в., которое, по его мнению, не соответствовало требованиям времени и не было способно эффективно справляться с вызовами, стоящими перед Польшей. Дмовский характеризовал консервативное течение Царства Польского как маргинализованную и несостоятельную группу, с одной стороны, ссылавшуюся на опыт галицийских консерваторов, а с другой — на политику Александра I, суть которой понимали лишь поверхностно, видя в ней искренние порывы помочь полякам и романтизируя образ императора³⁹⁹.

Таким образом, накануне Первой мировой войны образ царских властей в польском общественном мнении был тесно связан с тем, каких методов придерживались те или иные политико-идеологические течения в стремлении достичь независимости Польши.

Так, национал-демократы во главе с Романом Дмовским создавали негативный образ царских властей, наделенный уже традиционно стереотипными

³⁹⁶ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Robotnik. 1910. № 243. S. 1.

³⁹⁹ *Dmowski R. Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. Warszawa, 1914. S. 34.*

для польского общественного мнения чертами угнетателя и азиатского варвара, но в то же время стремились к сближению и поиску компромиссов с имперской с ними. Эта двойственность была обусловлена прагматичным расчетом: видя главную угрозу в германизации, национал-демократы рассматривали Россию как меньшее зло и потенциального союзника в будущей войне. Их критика царских властей и поддерживаемый негативный образ не ставили под сомнение возможность сотрудничества, так как они не хотели терять поддержку широких слоев общества, для которых резкая антироссийская риторика оставалась популярной. Дмовский, критикуя репрессивную политику, одновременно выражал надежду на эволюцию российской позиции, веря, что только через компромисс можно достичь уступок и сохранить польскую культуру.

В радикальной оппозиции к ним находились социалисты во главе с Юзефом Пилсудским, которые формировали последовательно негативный и бескомпромиссный образ царской власти как «символа тирании и неравенства», главной преграды на пути к независимости. Для них царизм был врагом, с которым невозможны никакие договоренности, а единственным путем к освобождению была вооруженная борьба и союз с противниками России. Их риторика была направлена на полную дискредитацию имперского режима, а конституционные уступки 1905 г. объявлялись фикцией, принесшей лишь «разрушение и военное положение, виселицу, каторгу и ссылку»⁴⁰⁰. По мнению В.С. Парсадановой, Пилсудский перенял от идеологии польского мессианизма как идеи о России — извечном враге Польши, так и мысли о том, что у Польши было «высокое прошлое» на фоне отсталой России⁴⁰¹.

Однако среди представителей польского общественного мнения находились и те, кто выступали не просто за сближение с царскими властями, но и те, кто поддерживал их позитивный образ. Это были соглашатели, объединившиеся после 1905 г. в Партию реальной политики. Их подход был основан на вере

⁴⁰⁰ Robotnik. 1913. № 258. S. 1.

⁴⁰¹ Парсаданова В. С. Образ России в произведениях Пилсудского. Пилсудский и Россия // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 163.

в эволюцию империи и возможность постепенного достижения автономии легальными средствами. Они создавали в целом позитивный образ царских властей как потенциального партнера, с которым необходимо строить конструктивный диалог. Ярким примером является философ Феликс Конечный (1862—1949), подчеркивавший в своих текстах непреложную связь между Царством Польским и Россией, целостность государства и важность нормализации взаимоотношений не только как исправления исторических несправедливостей, но прежде всего как фактора, стимулирующего дальнейшие процессы развития России и укрепляющего ее позиции на международной арене⁴⁰².

Таким образом, образ царских властей в польском общественном мнении в годы царствования Николая II стал наиболее неоднородным и во многом определялся политическими убеждениями и подходами к борьбе за независимость Польши.

3.2. Трансформация образа русского общества: польские социалисты, национал-демократы и представители «Молодой Польши»

На фоне укрепления политических течений в польской культуре возникло движение «Молодая Польша» — ответ на кризис ценностей и приход новых идеологий конца века. Деятели «Молодой Польши» считали, что западная цивилизация утратила свою ценность и движется к катастрофе. Настроения беспомощности и упадка среди художников были вызваны экономической и политической ситуацией в Европе, в то время как социалистические идеи становились все более актуальными. Представители движения ополчились против буржуазии, которую критиковали как «мещанство», и занимали обвинительную позицию по отношению к позитивистам, упрекая их в примирении с разделенным положением Польши. Деятели «Молодой Польши» выступали в некотором смысле продолжателями идей польского романтизма, что

⁴⁰² *Koneczny F. Propaganda zgody z Rosją // Świat Słowiański. 1905. R. 1, t. 2, X. S. 272—273.*

выражалось в их творчестве, в частности, в акценте на сопротивлении захватчикам и возвращении к национальным ценностям. Так, знаменитый польский художник и писатель Станислав Выспяньский (1869—1907) обратился в своем творчестве к Ноябрьскому восстанию, посвятив ему три пьесы («Лелевель», «Варшавянка» и «Ноябрьская ночь»), в которых восстание изображалось как инстинктивный и героический импульс польского народа к независимости⁴⁰³.

Несмотря на то что большая часть представителей «Молодой Польши» была нацелена на конфронтацию с Россией и в годы Первой мировой войны многие из них вступили в легионы Пилсудского, сами писатели, обращаясь к образу русского общества, создавали сложные, противоречивые и объемные образы.

Известный варшавский прозаик Стефан Жеромский неоднократно обращался к Январскому восстанию в своем творчестве. В 1897 г. он выпустил отчасти автобиографический роман «Сизифов труд», в котором осмысливал последствия восстания и русификаторскую политику, реализуемую в данном случае школьными учителями. Роман рассказывал о детстве и взрослении шляхетского сына Марцина Боровича в российской образовательной системе. Его обучение начинается в сельской школе, где некомпетентный польский наставник обучает детей методом бездумной зубрежки, подавляя всякое проявление самостоятельного мышления. Так в одном из эпизодов обучения, в котором класс пел русскую песню, автор оценивает его не как полезный для учеников урок, а как способ «вдолбить, вколотить им [польским ученикам] в голову русское церковное песнопение»⁴⁰⁴. Пан Веховский изображался в романе не только как некомпетентный учитель, стремящийся русифицировать польских детей, но как и трусливый, опасавшийся постоянных проверок со стороны начальства человек, который, узнав о скором приезде инспектора, «бегал с вытаращенными глазами и самые обыкновенные дела выполнял в невыразимом

⁴⁰³ Хорев В.А. Польская литература XX века. 1890—1990. С. 47.

⁴⁰⁴ Жеромский С. Сизифов труд // Избранные произведения. М., 1958. Т. 2. С. 9.

напряжении нервов»⁴⁰⁵. Таким образом Жеромский продолжил и тему, заложенную польскими писателями прошлых десятилетий, обратившись к полякам на службе у царских властей. И если в произведениях других писателей подобные персонажи искупали свою вину перед народом возвратом к польским корням, к истокам, то здесь обратная ситуация, пан Веховский изначально изображается нелицеприятным и продажным героем, не стремившимся к искуплению.

Русский инспектор Ячменев — символ русификаторской политики в Царстве Польском — представал как манипулятор, стремившийся оценить не уровень образования детей, а уровень их владения русским языком. Выяснив, что все ученики гораздо лучше владеют польским, он обвинил Веховского в некомпетентности и проведении «польской пропаганды» в школе и отметил, что это повторялось почти в каждой школе и «смертельно надоело»⁴⁰⁶. Однако некоторое время спустя он, пользуясь методом кнута и пряника, пообещал Веховскому повысить жалованье и попросил проявить больше усердия в обучении польских детей русскому языку.

Между тем Жеромский не просто давал однозначную характеристику инспектору Ячменеву как чиновнику, безоговорочно действовавшему по указке вышестоящих чинов, а описал его как идейного человека, с ранних лет желавшего просвещать крестьянские массы. Однако, чтобы просветить польский народ, по мнению Ячменева, его нужно для начала обучить русским традициям, «чтобы здешний крестьянин полюбил Россию, ее православную веру, язык, обычаи, чтобы готов был погибать за нее на войне и работать на нее в мирное время». Ячменев приходил к выводу, что это «просвещение» достижимо лишь через уничтожение польской культуры: «Сжечь на костре верования, предрассудки, обычаи и построить свои, новые, с такой быстротой, с какой строят города в Северной Америке»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁵ Там же. С. 12.

⁴⁰⁶ Там же. С. 14.

⁴⁰⁷ Там же. С. 16.

С другой стороны, Жеромский избегает одномерных трактовок, показывая, что русское общество не монолитно, в книге присутствует и обратный пример наделенного положительными чертами русского персонажа. Речь о вышедшей замуж за польского доктора Стокговского дочери русского чиновника, которая после переезда в Царство Польское прониклась историей польского народа, и, испытывая острое чувство справедливости, выступила против русификаторской политики царских властей, став «полькой по чистой совести»: «Ни один из русских чиновников, занимавших посты в городе, не имел доступа в ее дом. Больше того, она порвала все связи со своей семьей, сожгла за собой все мосты и объявила скифскую войну собственной нации»⁴⁰⁸.

В романе «Верная река» (1912) Стефан Жеромский создает глубокий и противоречивый образ русского общества, проводя четкую границу между ним и царской властью. Это разделение воплощено в фигуре русского офицера Весницына, чья внутренняя драма раскрывает раскол внутри самого русского сознания. В романе Жеромский обратился к сюжету «запретной» и неодобряемой как поляками, так и русскими (в том числе и большинством представителей царских властей) любви⁴⁰⁹ между представителями двух народов. Весницын, безответно влюбленный в польскую дворянку Саломею, несмотря на участие в подавлении польского восстания, показывается в первую очередь как человек, а не как элемент разрушительной системы.

Любовь к Саломее заставляет русского офицера задуматься о смысле участия в «бесполезном бою», в котором не хватает «храбрости, силы характера, военного разума и сознательных действий»⁴¹⁰, что побуждает его испытать отвращение к самому себе, когда он слышит обвинение в трусости со стороны восставших. Однако противоречия, возникшие в душе русского офицера, вызваны не только «дикой любовью и страстью» к польской дворянке, но и болезненным осознанием факта измены собственным принципам. Если

⁴⁰⁸ Там же. С. 224.

⁴⁰⁹ *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики. С. 95.

⁴¹⁰ *Żeromski S.* Wierna rzeka. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/wierna-rzeka.html> (дата обращения 18.02.2025).

Весницын раньше был почитателем «гениального эмигранта» Герцена и поддерживал его демократические идеи, то теперь он стал «продолжателем грехов петербургского царизма»⁴¹¹. Весницын описывается как сложный и противоречивый персонаж, который в одни моменты проявляет великодушие и благородство, когда воздерживается от убийства раненого повстанца и отказывается видеть в поляках рабов, а в другие моменты он демонстрирует свирепость и даже жестокость в бою с восставшими.

Стефан Жеромский обратился к образу русских военных и в своем рассказе «Нас расклюют вороны», посвященном последним дням Январского восстания. В произведении описывается судьба одного из участников восстания — Шимона Винриха, который перевозит припасы для некоторых из последних сражающихся повстанцев. По пути он сталкивается с русскими солдатами, которые изображены не как дисциплинированная армия, а как «обычные грабители», для которых характерна крайняя жестокость. Их действия лишены какой-либо военной необходимости или моральных ограничений, они убивают повстанца, затем проверяют его карманы и телегу, и, обнаружив, что вся водка была выпита Винрихом «разбивают бутылку об его череп и разрывают ему щеки шпорами»⁴¹².

После убийства неподалеку от тела появляется крестьянин, который «так боялся москалей, что чуть ли не ползал на четвереньках»⁴¹³. Подбравшись к телу повстанца, он грабит его, забирая ценные вещи, поступок крестьянина характеризуется автором как акт мести за века рабства, «за распространение невежества, за эксплуатацию, за позор и страдания народа»⁴¹⁴, причиненные русскими полякам. Русские военные выступают здесь источником абсолютной власти и террора, парализующего местное население. Однако далее автор показывает последствия этого страха и угнетения: сам крестьянин, став жертвой системы, перенимает ее методы — он грабит тело убитого повстанца.

⁴¹¹ Ibid.

⁴¹² *Żeromski S. Rozdzióbia nas kruki, wrony. Lwów, 1901. 10 S.*

⁴¹³ Ibid. S. 12.

⁴¹⁴ Ibid. S. 13.

Жеромский проводит мысль, что длительное русское господство («века рабства») не только угнетает, но и морально разлагает самих угнетенных, заставляя их перенимать худшие черты своих угнетателей — жестокость, корысть и беспринципность.

Еще один представитель «Молодой Польши» — варшавский писатель Станислав Бжозовский (1878—1911) — предлагал интересное рассмотрение русско-польских отношений, обращая внимание на то, что русофобские настроения в Польше пагубно влияли на развитие польской культуры, тормозя ее, поскольку видение в России исконного врага идеализировало поляков в собственных глазах. Так, в знаковом для польской литературы романе «Пламя» (1908) описывалась польская супружеская пара сибирских переселенцев, бывших участников восстания, которые воспринимали русских не как народ со своей сложной историей и культурой, а как воплощение зла: «Это был враг, и это слово объясняло, оправдывало все»⁴¹⁵.

В интерпретации Бжозовского образ России сознательно разделяется: с одной стороны — репрессивная государственная машина, с другой — прогрессивная и этически чуткая русская интеллектуальная элита. Бжозовский критиковал польскую консервативную элиту за закостенелость и нежелание развиваться, вместе с тем с большим почтением относился к представителям российской интеллектуальной элиты. Речь идет в первую очередь о русском идеологе народничества Петре Лавровиче Лаврове (1823—1900), идеализированный образ которого Бжозовский воссоздал все в том же «Пламени». Он характеризовал Лаврова как «великого русского философа», верно понимавшего необходимость принятия участия индивидуума в историческом процессе и отстаивавшего «принципы человеческой независимости»⁴¹⁶.

В своем произведении «Один среди людей» (1911) Бжозовский продолжал сравнивать польскую аристократию с представителями российской интеллектуальной элиты, упрекая первых в закостенелости взглядов. Устами своего

⁴¹⁵ *Brzozowski S. Płomienie. Warszawa, 2011. S. 365.*

⁴¹⁶ *Ibid. S. 248.*

персонажа, офицера Рейтера, Бжозовский обвинял польскую аристократию в «духовном аристократизме» — замкнутости, сословной спеси и неспособности понять «подлого человека» (простой народ) и увидеть в нем человечность⁴¹⁷. Бжозовский создал интеллектуально привлекательный и морально авторитетный образ русского общества, представленного его лучшими мыслителями и проницательными критиками. Этот образ послужил «зеркалом», в котором он показал недостатки польского общественного мнения. Такой неортодоксальный подход, ломавший стереотипы о «врожденном варварстве» русских, вызвал резкое отторжение у многих современников и даже привел к обвинениям писателя, а в 1908 г. русский публицист и революционер Владимир Львович Бурцев (1862—1942) и вовсе обвинил Бжозовского в сотрудничестве с Департаментом полиции.

Еще один варшавский писатель и представитель «Молодой Польши» Вацлав Берент (1837—1940) также поднимал тему заикленности поляков на ненависти ко всему русскому в своем экспериментальном, насыщенном диалогами романе «Озимые» (1911). В одной из сцен действие происходит на карнавальном вечере в варшавском салоне за год до революционных событий 1905 г. Одним из участников действия выступил русской полковник, и здесь автор изобразил его, как и Жеромский, не как винтик репрессивной машины царских властей, а как обычного, добродушного и простого человека, оказавшегося в атмосфере напускного дружелюбия и лицемерия. Его раздражение вызывает не вражда, а фальшь окружающих: он видит в поляках «роящуюся в толпе змею», легко надевающую «маску лицемерия»⁴¹⁸.

В другой сцене русский полковник с немалым презрением высказывается о представителях польской интеллектуальной элиты, которые, на его взгляд, испытывают нескончаемую неприязнь к русским и, питаясь этими чувствами, превращают всё в своей душе в «желчь ненависти». Поляки, по мнению полковника, ведут себя как рыбы, которые не понимают, куда плыть, и не

⁴¹⁷ *Wyka M. Brzozowski i jego powieści. Kraków, 1981. S. 93.*

⁴¹⁸ *Berent W. Ozimina. Warszawa, 1995. S. 27.*

стремятся расширить свой кругозор и понять, что они являются народом, родственным русским: «Пройдет время, и всякая рыба не увидит даже, как сама себя вынесет в море. Ибо море для всех нас славянское». Наиболее парадоксальным становится его предложение: он видит в войне не инструмент угнетения, а способ достичь катарсиса и найти выход из тупика взаимной ненависти. Призыв к поляку отправиться на Русско-японскую войну — это не жест агрессии, а искренняя (хотя и наивная) попытка найти общую цель, выйти за пределы мелких обид и объединиться в рамках имперской идентичности⁴¹⁹. Русский человек здесь — не просто носитель государственной воли, а мыслитель, способный видеть проблемы обеих сторон и ищущий пути выхода, даже если они кажутся утопичными. Этот образ служит укором польскому обществу, показывая, что заикленность на ненависти мешает увидеть в русских не только угнетателей, но и потенциальных союзников в общеславянском будущем.

Интересный взгляд на русское общество предлагает О. Еленский — один из немногих поляков, находившихся на русской службе внутри империи на протяжении большей части жизни. В воспоминаниях он предложил уникальный и позитивный образ русского общества. Его взгляд, основанный на личном опыте, предусматривал принципиальное разделение вины царского правительства и ответственности собственно русского общества. Еленский настаивал на том, что рядовые русские и образованное общество не были сознательными виновниками польских страданий. Он утверждал: «Я вышел из корпуса с полным сознанием того, что в несчастьях польского народа ни русское образованное общество, ни даже русский народ никакой активной и сознательной роли не принимали. Они были в полном неведении того, из-за чего существует вражда, кто прав, кто виноват... Не только злобы, но даже особой неприязни не имели»⁴²⁰. Этот тезис он подкреплял наблюдением об отсутствии в русской культуре бытовой ненависти к полякам: «В сознании русских озлобления к полякам не привито. В народных русских песнях, в разного рода анекдотах, в

⁴¹⁹ Ibid. S. 53.

⁴²⁰ *Еленский О.* Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. № 9. С. 674.

сценических представлениях высмеиваются жид, немец, англичанин, даже француз — но поляк никогда, или очень редко»⁴²¹.

Особенно ярко его позитивный взгляд проявляется в характеристике русских офицеров нового поколения, которых он противопоставлял николаевской эпохе: «Куда бы их судьба не заносила... везде их любили, всюду они были желанными гостями, своими людьми, всегда вежливые деликатные, умеющие оберегать и свою честь, и честь своего мундира. <...> Это молодое поколение офицеров радикально разнилось от офицеров николаевской эпохи»⁴²².

Однако Еленский проводил четкую грань между обществом и властью. Он с горечью констатировал, что либеральные настроения части русского общества были непрочны и легко были куплены имперской машиной. Он обличал нравственную измену тех русских либералов, которые, будучи сначала друзьями Польши, «поющими революционные гимны», под давлением правительства и ради «доходных мест» превращались в ярых врагов и сторонников карателей Муравьева и Берга: «В моей памяти таких... я могу насчитать не десятками, а сотнями»⁴²³.

Польский поэт и критик Виктор Гомулицкий (1848—1919), один из представителей варшавского позитивизма, направления, продолжавшего развитие параллельно с «Молодой Польшей», также обращался к образу русского человека в своей поэзии в своем примирительном стихотворении «Россиянам, признающим братство с поляками». Гомулицкий разводит образы царских властей и народа, поднимая извечную тему «славянского спора». Поэт обращается к общности славянской крови и крещения, опуская различия в религии. В то же время он подчеркивает, что «разделительная линия» проходит иначе: с одной стороны, русские, стремящиеся к братству с поляками, а с другой — те, кто не хочет этого братства и выступают, по сути, орудием царских властей (чиновники, военные), которых автор называет «плесенью России». Гомулицкий не

⁴²¹ Там же. С. 674.

⁴²² Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. № 10. С. 237.

⁴²³ Там же.

винит русских и поляков во взаимной неприязни, призывая народы к примирению:

Давайте сольем наши песни и наши дела в один хор.

Разве в нас не течет братская кровь? <...>

Дай мне руку, русский, — я люблю тебя!⁴²⁴

Начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война вновь актуализировала в польском общественном сознании образ русского военного, вынужденного стать временным соратником поляков на поле боя. Распространенный в варшавских кругах анекдот того времени обыгрывал эту вынужденную близость, раскрывая сложившийся стереотипный образ русского общества через призму его офицерского корпуса. По сюжету анекдота, русские военные собрались после учений в казино, где развернули карту железных дорог с отмеченными станциями от Варшавы до Порт-Артура. Один из военных начинает зачитывать названия станций и когда выясняется, что на какой-то из перечисленных станций нет буфета, то с каждым «открытием» офицеры выпивают по рюмке водки. Поскольку расстояние до поля боя было огромным, а количество станций — большим, «дальше Москвы еще никому не удавалось уехать»⁴²⁵. В этом сюжете русские офицеры предстают не как дисциплинированные стратеги, а как импульсивные и склонные к излишествам персонажи, чьи решения определяются не военной необходимостью, а сиюминутными желаниями и чья военная организация скрывает под собой хаотичную и недалекую натуру.

В то же время галицийский еженедельник «Иллюстрация Польша» опубликовал стихотворение Артура Цвиковского под названием «В память о поляках, погибших в Маньчжурии». В нем русские военные, с которыми поляки

⁴²⁴ *Gomulicki W.* Rosjanom, którzy przyznają się do braterstwa z Polakami // *Antologia poezji głupich i mądrych Polaków* / red. L. Stomma. Gdańsk, 2000. S. 179—180.

⁴²⁵ *Wiek Nowy.* 1904, № 886 S. 3.

бок о бок проходили службу, описываются как враги, ради которых приходится проливать кровь:

Ты пришел сюда в компании врагов,
Чтобы отдать сокровище жизни за чужое дело —
И вот ты лежишь на проклятой тропе,
В смертном поту, среди собственной крови и грязи,
В агонии удушающей и темной боли,
С тупым отчаянием напрасной жертвы⁴²⁶.

Однако встречаются и обратные примеры польской поэзии, в которых присутствует и сострадательное отношение к русским военным, участникам военных действий в Русско-японской войне. Так, польская поэтесса Элиза Босницкая (1837—1904) написала стихотворение «Русский солдат», повествование в котором ведется как бы от лица самого солдата, жалующегося на свою участь человека, вынужденного нести службу и принимать участие войнах, затеянных царскими властями и на то, что из-за такого ремесла у него не осталось ничего, «кроме боли и утраты»:

Умер мой отец, поле одичало,
И сам я уничтожаю чужие поля⁴²⁷.

Революция 1905 г. поляризовала польскую литературу. В это время начали вспоминаться и цитироваться стихи Мицкевича: «Москаль — это москаль, то есть разбойник, вор, зверь жестокий»⁴²⁸. Создавались произведения,

⁴²⁶ *Ćwikowski A.* Pamięci Polaków poległych w Mandżurii // *Ilustracja Polska*. 1904. № 24-26. S. 360.

⁴²⁷ *Sucharski T.* «Rosja wchodzi w polskie wierze» — obraz Rosjanina w literaturze polskiej // *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan* / red. A de Lazari. Warszawa, 2006. S. 130.

⁴²⁸ *Piłsudski J.* Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. T. 2. S. 15.

либо восхвалявшие ее и романтизируя ее участников, либо обвинявшие идею революции и осуждавшие мятежников. Так, среди участников рабочих демонстраций было популярно стихотворение «Настал последний час москалей, кто хочет, кто не хочет, тот бьет их по голове», в котором автор также обращался к популярному и стереотипному образу «русского-татарина»:

Когда москаль против нас что-то новое замышляет,
Через два часа все бастуют,
Голову хорошо держит казак-татарин!⁴²⁹

Еще одним из заметных авторов сатирических стихов был польский драматург Бруно Винавер (1883—1944), который в «Рабочей Марсельезе» называет русских «гнусными угнетателями», «дикими, разбойничьими ордами», которые ответят перед польским народом⁴³⁰.

В то же время Стефан Жеромский, выступая за общую борьбу двух народов против царизма, в своем «Ноктюрне» сравнил революционные события с Январским восстанием и выступил за совместную борьбу поляков и русских против общественного и политического беззакония, за «святую жертву народа России»⁴³¹.

В польском общественном мнении эпохи Николая II сложился глубоко противоречивый образ русского общества, особенно ярко проявившийся в работах таких лидеров национального движения, как Юзеф Пилсудский. В его трактовке, представленной в газетной публикации, русское общество предстает не просто пассивным фоном для действий царизма, а активным соучастником и даже творцом деспотической системы.

Пилсудский рисует образ расколотого и больного общества, продуктом которого и является царизм. Он подчеркивает, что Россия — это «крестьянское

⁴²⁹ Hej kołęda! Ostatnia godzina przyszła na Moskali, kto chce, kto niechce to ich po łbie wali. Warszawa, 1905. S. 1.

⁴³⁰ Winawer B. Marsyljanka. Toruń, 1920.

⁴³¹ Żeromski S. Nokturn. Warszawa, 1923. S. 6.

государство»⁴³², где 90% населения составляют угнетенные крестьяне, живущие в условиях «нищеты, невежества, угнетения и унижения». Бедность и бесправие большинства создают питательную среду для деспотизма по мнению Пилсудского: «Без денег — нет власти». Помещики же, представлявшие угнетающий класс, всячески злоупотребляют своей властью, жестоко карая крестьян за любую провинность: «Нищета и рабство — вот суть жизни русского крестьянина в двух словах». Чиновников Пилсудский характеризует не иначе, как «пиявок», сосущих кровь у крестьянского населения.

Подробнее останавливаясь на крестьянских массах, Пилсудский характеризует их как наивных и недалеких людей, видящих «лишь кончик своего носа» и верующих в благодетель и власть царя, который желает им лишь хорошего, в отличие от помещиков-угнетателей: «Во всех крестьянских восстаниях они выступают против дворянства, против чиновников, они готовы их убивать и жечь, но никогда не против царя»⁴³³.

В одной из последующих статей Пилсудский, используя традиционный для польского общественного мнения стереотип об определяющем культурное и политическое развитие влиянии татарского нашествия на Россию, пришел к выводу о том, что, находясь под татарским игом русский крестьянин «сошел с ума» и «впитал» в себя «восточные представления о божественном происхождении верховной власти»⁴³⁴. Татарское владычество, по мнению Пилсудского «привило дух рабства, это благоговение перед лицом власти, это принятие судьбы, которая характеризует русский народ». И, следовательно, бессознательная крестьянская масса воспринимается Пилсудским не иначе, как враг.

Следующий класс, к которому обращался Пилсудский, — пролетариат, который, по его мнению, занял самое угнетенное положение именно в России, где рабочее движение слабо и задавлено царскими властями: «Рабочий класс в

⁴³² *Pilsudski J. Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych.* Warszawa, 1931. Т. 6. S. 292.

⁴³³ *Ibid.* S. 296.

⁴³⁴ *Ibid.* Warszawa, 1931. Т. 2. S. 18.

России не является классом пролетариев в строгом смысле этого слова»⁴³⁵. Причину слабости рабочего движения Пилсудский видел не только в том, что оно задавлено царизмом, но и в том, что в России гораздо больше сел и деревень, чем городов, в которых и работали пролетарии. По мнению Пилсудского, среди других народов, живущих на территории Российской империи, гораздо сильнее развито пролетарское движение, речь о поляках, латышах, литовцах и русинах: «Отсюда мы видим, что чем дальше мы продвигаемся на восток, тем труднее участь рабочего»⁴³⁶.

Чиновников и дворян Пилсудский охарактеризовал как погрязших в коррупции людей, которые решают все вопросы с помощью взяточничества: «Подкуп чиновников и невежество эксплуатируемых дают возможность быстро приумножить богатство с помощью грязных шахматных трюков»⁴³⁷. Обращаясь же к представителям буржуазии, среди которых сильны либеральные веяния, Пилсудский назвал их «агнцами, невинными и бессильными против царизма», поскольку они находились в хорошем положении, чтобы вступать в реальную борьбу с деспотизмом.

Пилсудский подчеркивал, что уровень развития русского общества весьма низок, все классы весьма нечетко разграничены, имеют «рабское прошлое», у них нет традиции политической борьбы (в отличие от поляков). Единственной же организованной силой в России является масса чиновников — «армия царизма». По этим причинам революционные силы России плохо развиты, в отличие от европейских стран, но спасение Пилсудский видит в более развитых народах, проживающих на территории империи, — поляках, литовцах, латышах и русинах, ведь у них совершенно другое историческое прошлое, другие традиции, у них «пробужденное» политическое сознание, она олицетворяют собой прогресс, который так пугает и отталкивает русских, погрязших

⁴³⁵ Ibid. Warszawa, 1931. Т. 6. S. 301.

⁴³⁶ Ibid. S. 300.

⁴³⁷ Ibid. S. 306.

в предательстве, восстаниях и «мнимых обидах»⁴³⁸. Именно они, а не русские, являются, по Пилсудскому, «источником силы, которая сокрушит царизм».

Пилсудский в своих статьях регулярно обращался к образу России-азиатского, а не европейского государства. Он видел причину отсталости России от других европейских стран в том, что она замкнулась в себе — как государство, отделенное «от всех чужеземцев китайской стеной», не дающей цивилизации и прогрессу проникнуть внутрь.

В противовес польскому «здоровому национализму» Пилсудский противопоставлял русский национализм, который характеризовал как шовинистическое течение, умело подхваченное всеми необразованными русскими и положившее начало русификаторской политике в Царстве Польском⁴³⁹.

Реагируя на современные ему события, Пилсудский в традиционной для себя манере сравнивал поражение русской армии в Русско-японской войне с подавлением восстаний в колониях, в которых «десятки европейцев избивали тысячи полуголых дикарей». Во время революции 1905 г. критика Российской империи со стороны Юзефа Пилсудского распространялась не только на правительственные круги, но и на военных. Создавая образ врага, польский социалист называл солдат, участвовавших в подавлении рабочих демонстраций «бандитами в форме», которые «проливали кровь просто ради удовольствия» и в «животной ярости»⁴⁴⁰. И сам Пилсудский, вспоминая свой опыт пребывания в ссылке, характеризовал солдат, как «разъяренных волков», бросавшихся на всех, кто пытался дать им отпор⁴⁴¹. После ссылки Пилсудский долго не мог без страха смотреть на русских офицеров, вспоминая избиения и издевательства, которым он подвергался в Иркутске: «Некоторое время я не мог

⁴³⁸ *Pilsudski J. Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych.* Warszawa, 1931. Т. 2. S. 20.

⁴³⁹ *Ibid.* S. 23.

⁴⁴⁰ *Robotnik.* 1905. R. 12. № 62 (5 sierpnia). S. 1.

⁴⁴¹ *Pilsudski J. Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych.* Warszawa, 1931. Т. 3. S. 66.

равнодушно смотреть на солдата, на мундир, — я чувствовал, что в меня летят кулаки»⁴⁴².

Однако, несмотря на встречающиеся во многих статьях, мемуарах и лекциях за авторством Юзефа Пилсудского негативные описания представителей русского общества вне зависимости от класса, чиновников, военных, дворян и крестьян, в его воспоминаниях можно обнаружить и обратный пример положительного описания капитана жандармерии Варшавской цитадели — немца Фармунда, к которому после Сибири на допрос попал юный революционер. Фармунд описывался Пилсудским как хороший, обходительный и учтивый человек, обладавший «приятными манерами», который с большим вниманием отнесся к заключенному⁴⁴³. Этот позитивный портрет может быть обусловлен стратегическими политическими целями Пилсудского, который в тот период активно стремился к сближению с Германией и Австро-Венгрией как с противовесами Российской империи.

В интерпретации Юзефа Пилсудского образ русского общества предстает как монолитный и враждебный блок, сознательно поддерживающий имперскую политику угнетения. Его критика направлена не только на царский режим, но и на широкие слои русского народа, что радикально отличает его позицию от тех, кто разделял общество и власть. По этой причине Юзеф Пилсудский избегал союза и с русскими социалистами, аргументируя это глубоким непониманием с их стороны в отношении польских социалистов. Русские революционеры не осознавали, что польские социалисты преследовались не только за идеи, но и «за то, что они являлись поляками, а не русскими». Это непонимание, по его мнению, делало «тесное единство с ними невыносимым»⁴⁴⁴.

На фоне жесткой позиции Пилсудского, отказывавшегося от союза с русскими революционерами, другие течения польского социалистического

⁴⁴² Ibid. S. 71.

⁴⁴³ *Piłsudski J. Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych.* Warszawa, 1931. T. 2. S. 38.

⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

движения предлагали иной, позитивный и солидарный образ русских революционеров. В отличие от ППС, которая видела в русских социалистах носителей имперского сознания, интернациональное крыло польского социализма целенаправленно стирало национальные границы в борьбе. Их лозунг: «Мы, рабочие Польши, должны встать плечом к плечу с русскими товарищами!»⁴⁴⁵

Роман Дмовский, несмотря на то что выступал политическим оппонентом Пилсудского и придерживался курса на сближение с царскими властями, создавал схожий негативный образ русского общества. В его интерпретации русское общество предстает как глубоко отсталое и неуправляемое пространство, порождающее хаос и разрушение. Чиновники-русификаторы, насильно навязывающие польским детям русскую культуру, изображаются как бездарные и разрушительные элементы, которые своей неумелой политикой добиваются обратного результата: вместо лояльных граждан бюрократизированная школа порождает революционеров, то есть самых радикальных и непримиримых противников режима⁴⁴⁶.

Серьезное обвинение против русского общества содержится в брошюре 1906 г.: Польскому колу приходилось бороться не только с правительством, но и с русским народом, так как «между ними лежит огромная пропасть», указывающая на глубокое, фундаментальное недопонимание между народами, что рисует образ русского общества участника конфликта, сознательно или бессознательно поддерживающего имперскую политику угнетения⁴⁴⁷.

Образ русского общества в польском общественном мнении в годы царствования Николая II формировался, как и прежде, во многом под влиянием хода изучения истории русско-польских отношений. Так, в интерпретации варшавского историка Казимира Валишевского (1849—1934), одного из представителей соглашательского движения, формируется сложный и многогранный

⁴⁴⁵ Там же. Л. 7.

⁴⁴⁶ *Dmowski R.* Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. Warszawa, 1914. S. 41.

⁴⁴⁷ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 252. Л. 2.

образ русского общества. В его работах Россия предстает не как враждебная сила, а как сложный цивилизационный феномен с уникальным путем развития.

Во-первых, он обратил внимание на русское славянство, увидев в этом шанс на соглашение с поляками. В одном из писем он отмечал: «Мое русофильство состояло в том, что из двух зол, выбирая меньшее, я все же предпочитаю москальское немецкому, как менее опасному»⁴⁴⁸. Во-вторых, он был далек от того, чтобы относиться к русской истории как к исторической аномалии, как ее воспринимали многие польские исследователи. Вместо этого он предлагал образ русского общества как органичного продукта особого развития, минимизируя роль византийского и татарского влияния и подчеркивая «поверхностную, но все же европеизацию», начавшуюся со времен Ивана Грозного. А в заключении к своей самой известной работе, посвященной царствованию Екатерины II, Валишевский писал: «Россия сегодня не более европейская, чем она была двести лет назад. Это ни Европа и ни Азия, — справедливо сказано — это шестая часть мира. Россия, кажущаяся чем-то совершенно обособленным, сохраняя свою причастность к комплексу великих европейских вопросов, как бы идет своим путем и подчиняется законам собственного развития, и, перенимая западную культуру, не проявляет ни малейшей склонности раствориться в ней»⁴⁴⁹.

Мариан Здзеховский (1861—1938) — краковский философ и историк, до революционных событий 1905 г. питавший открытые симпатии к России, пересмотрел свое отношение к ней, во многом отказавшись от своих русофильских воззрений. Так, в лекции «Русское влияние на польскую душу»⁴⁵⁰ (1913) (позднее включенной в одноименную книгу, изданную в 1920 г.) Здзеховский перечислил характерные черты русских, среди которых он особенно выделил «рабскую жажду самоуничтожения. Он подчеркивал «мистицизм смирения и

⁴⁴⁸ *Waliszewski K.* Katarzyna II. Warszawa, 1995. S. 355.

⁴⁴⁹ *Ibid.* S. 337.

⁴⁵⁰ *Zdziechowski M.* Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków, 1920. S. 4.

рабства», размышляя о том, что природа русских такова, «что они не могут и не должны жить иначе, как в рабстве».

Развивая свою мысль, Здзеховский называл ключевой особенностью русской души максимализм, который мог привлечь поляков своим размахом⁴⁵¹. Однако этот максимализм приводит к противоречиям в образе жизни и склонности к крайностям: сочетанию анархии и деспотического государства, мечте о братстве всех людей и неуважению к другим нациям. Максимализм сводит любые вопросы к дилемме «всё или ничего». Поскольку достижение абсолютного идеала невозможно, максимализм превращается в отрицание реальности и в слепое, жестокое разрушение всех сфер морали, социальной и государственной жизни. По мнению Здзеховского, именно максимализм порождал характерные для России противоречия, такие как стремление к святости и увлечение грехом, искренняя вера и безбожие: «Некоторые из лучших сынов России, как Чаадаев или Владимир Соловьев, искали убежища в западном христианстве, другие, как Герцен или Бакунин, — в западном безбожии, и оба были охвачены одним и тем же более или менее скрытым отчаянием»⁴⁵².

В той же лекции Здзеховский обращался к очередному, распространенному среди польской интеллектуальной элиты стереотипу о том, что Россия является государством «монгольского типа», населенное варварами и для которого свойственна активная завоевательская политика в отношении других народов: «Россия жила своей собственной, отдельной от Европы исторической жизнью, благодаря чему она не имела ничего общего с идеалами и стремлениями Запада». Захваченные же территории, по мнению Здзеховского, отдавали «голодным ордам бюрократов», которые лишали завоеванные народы культуры путем русификаторской политики, «ограничивая и парализуя все факторы, являвшиеся основой общественного здоровья и гарантией порядка»⁴⁵³.

⁴⁵¹ *Лыкошина Л. С.* Образ России в польской общественной мысли (Исторический аспект) // *Россия и современный мир.* 2008. № 1 (58). С. 61.

⁴⁵² *Zdziechowski M.* Op. cit. S. 70.

⁴⁵³ *Ibid.* S. 4.

Важным элементом русификации, помимо деятельности чиновников и военных на польских землях, Здзеховский называл влияние русской художественной литературы и культуры на поляков, которое философ оценивал как опасное явление: «Со второй половины прошлого века в литературе начинают проявляться специфически русские черты, и чем ближе мы к ним, тем они становятся отчетливее и сильнее»⁴⁵⁴. Здзеховский в своей лекции затрагивал тему критики польской культуры, якобы заикленной на «национальной идее» борьбы и свободы, не видя ничего за их пределами, и игнорирующую множество других актуальных проблем. Подобные мысли он называл «типичным примером суждения поляка, ослепленного русской литературой». Причины таких тенденций в польском общественном мнении Здзеховский видел в последствиях подавления Январского восстания, которое затормозило развитие польского народа, в то время как в России бурным темпом шло развитие всевозможных политических течений и последовавшей за ними революцией 1905 г.: «Этот дух веры в безграничную силу русского народа и возрождение мира через него витал в произведениях Чернышевского, Писарева, Добролюбова и многих других, и они были приняты как Евангелие <...> Я тоже был подвержен этому очарованию, несмотря на культ наших бардов и несмотря на патриотическую традицию, принесенную с родины»⁴⁵⁵.

Однако революция, по мнению Здзеховского, разрушила в польском общественном мнении иллюзорное видение России как прогрессивного государства, обнажив в русских жестокость и дикость, а также показав их «недостаток творческой энергии», поскольку не нашлось людей, способных взять в свои руки судьбу страны. Опыт революции 1905 г. изменил отношение Здзеховского к русским, сформировав в его глазах образ русского человека как прямолинейного, но поверхностного, наделенного гордыней и внутренней пустотой максималиста, не желающего «считаться с реальностью». Здзеховский иронично отмечает, что русский человек продолжает тщетную борьбу, стремясь

⁴⁵⁴ Ibid. S. 60.

⁴⁵⁵ Ibid. S. 61.

освободиться от оков, в числе которых парадоксальным образом оказывается и истина. Он называет русского «сибаритом боли» (*sybarytą bólu*), для которого «жажду решения загадки бытия вытесняет и уничтожает наслаждение от самой боли поиска, без надежды на обретение [свободы]»⁴⁵⁶. Мысль В.А. Хорева о том, что Россия для Польши всегда была одновременно полем притяжения и отталкивания, прекрасно характеризует трансформацию взглядов Здзеховского на Россию и русских⁴⁵⁷.

Таким образом, Здзеховский создал образ русского общества как исторически обреченного на деспотизм и рабство, внутренне противоречивого и представлявшего угрозу для польской культуры. Этот образ служил ему идеологическим обоснованием необходимости полного культурного и политического размежевания с Россией, предостерегая против любых форм русофильства и иллюзий по поводу возможности конструктивного диалога.

Для еще одного краковского историка, Вацлава Собеского (1872—1935), поводом для акцентирования польско-русского антагонизма стали размышления об отношениях между Речью Посполитой и Россией во второй половине XVI в. Комментируя планы избрания Ивана IV Грозного на польский престол, он писал, что «просто невозможно (было) объединить эти два общества, столь враждебные и противоречивые, каждое из которых неизменно стоит на страже своих догм и не желает ни в коей мере отклоняться от них»⁴⁵⁸.

Схожую с рассуждением Здзеховским мысль об отдаленности русской от европейской, а следовательно, и польской культуры высказывал и польский историк, работавший в Варшавском университете, — Владислав Смоленский (1851—1926), который подчеркивал, что «русские никогда не любили поляков как чуждых их культуре»⁴⁵⁹.

В целом образ русского общества в польском общественном мнении в годы царствования Николая II был в наибольшей степени разносторонним и

⁴⁵⁶ Ibid. S. 76.

⁴⁵⁷ Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. С. 6.

⁴⁵⁸ *Sobieski W.* Studya historyczne: Król a car. Lwów, 1912. S. 22.

⁴⁵⁹ *Grabieński W.* Dzieje narodu polskiego. Kraków, 1906. S. 146.

противоречивым на фоне эпох царствования предыдущих монархов: от восприятия русских как потенциальных друзей польского народа до представления о них как о варварах с жестокими традициями. Этот образ отражал, с одной стороны, симпатию к русскому народу, а с другой — антагонизм, обусловленный сложным характером культурных и исторических связей между двумя народами.

Так, представители «Молодой Польши» предлагали наиболее многослойный образ русского общества. С одной стороны, они разделяли стремление к независимости, критиковали репрессивную политику царизма, а будущие многие из них присоединились к легионам Пилсудского. С другой — их художественные произведения избегали упрощенных стереотипов, создавая сложные и многогранные образы русских, зачастую показываемых как трагические, противоречивые фигуры, заложники системы, а не ее монолитные воплощения, что было в особенности заметно по образам русских военных в работах Стефана Жеромского, Вацлава Берента и других писателей «Молодой Польши».

Несмотря на растущее разнообразие образов русских в польском общественном сознании того периода, политические события неизменно оказывали на них влияние. Так, Русско-японская война и революция 1905 г. способствовали возрождению негативных представлений о русском обществе в польском общественном сознании. Особенно это было характерно для политических деятелей, принимавших непосредственное участие в упомянутых событиях. Например, Юзеф Пилсудский видел во всех русских (даже в революционерах) неизменных носителей имперского сознания, в связи с чем отвергал практически любую возможности сотрудничества и компромиссов с ними. Несмотря на фундаментальные политические разногласия и различия в понимании стратегических целей, Роман Дмовский неожиданно сходил с Пилсудским в оценке русского общества как глубоко враждебной и чуждой для Польши силы, а России — как отсталого и забюрократизированного пространства, практиковавшего русификацию и порождавшего хаос. Оба лидера, хотя и с разных

позиций, формировали, по сути, негативный образ русских. Этот образ резко контрастировал с подходом соглашателей (Эразм Пильц, Казимир Валишевский), которые, напротив, целенаправленно конструировали позитивный образ русских как потенциальных партнеров, апеллируя к славянскому родству и отсутствию «врожденной ненависти».

Польские историки также занимали различные позиции в отношении русского общества. Одни, как Вацлав Собеский, подчеркивали цивилизационный антагонизм и историческую невозможность примирения между двумя обществами. Другие, как Мариан Здзеховский, развивали образ России как «монгольского» государства с рабской душой, неспособного к прогрессу. Третьи, как Казимир Валишевский, видели в русском обществе уникальный цивилизационный организм с собственным путем развития.

Таким образом, образ России в польском общественном мнении того периода был сложным и противоречивым, отражая многогранность отношений в условиях менявшейся политической ситуации.

Заключение

Во второй половине XIX — начале XX в. образ России занимал важное место в польском общественном мнении. Это было обусловлено тем, что около 70% польских земель находились под российской властью в составе Царства Польского. Понимание России помогало полякам осмыслить свою культурную идентичность и историческую судьбу, а непосредственное взаимодействие между народами на протяжении десятилетий обостряло интерес к образу России как значимому элементу в понимании собственной истории и культуры.

В период правления Александра II образ царских властей формировался преимущественно как негативный и репрессивный, особенно после жестокого подавления Январского восстания 1863—1864 гг., когда они воспринимались как «кровавые палачи и узурпаторы». Этот образ активно использовался польской эмиграцией и жителями Галиции и Познани для поиска поддержки у враждебных России европейских держав. В то же время образ русского общества оказался более сложным и многослойным. С одной стороны, под влиянием «туранской теории» русский народ ассоциировался с «безвольным рабом» царизма, что подчеркивало фундаментальные различия между двумя народами. С другой — существовал иной взгляд, представленный, в частности, Генриком Каменьским, который, признавая различия, отмечал возможность сближения. Важную роль в формировании этого многомерного образа играла художественная литература (Ю. Крашевский, В. Кошчиц), которая, избегая тривиальной демонизации, показывала русских персонажей (офицеров, купцов) как сложных и многогранных личностей. Кроме того, опыт польских ссыльных, включавший позитивное взаимодействие с русским и сибирским обществом, а также сотрудничество польских демократов с русскими оппозиционерами против общего врага — царизма, способствовал формированию представления о том, что отрицательные черты русского народа не являются врожденными, а, скорее, навязаны тиранией режима.

Кроме того, правление Александра II было отмечено значительными колебаниями в настроениях общества: от робких надежд на сближение в первые годы царствования через радикально-негативный образ в годы восстания к новым попыткам примирения после его подавления, выразившимся, в том числе, в форме религиозно окрашенной трактовки политики самодержавия. С 1870-х гг. на смягчение образа царских властей повлиял комплекс факторов, прежде всего идеологического (парадоксальная роль польского мессианизма, с одной стороны, побуждавшего поляков вести героическую борьбу за независимость, а с другой — интерпретировавшего страдания как божественную кару и открывавшего путь к примирению) и внешнеполитического (усиление германизации в Познани, заставившее искать союзника в лице России, и снижение поддержки со стороны Второй империи).

В годы царствования Александра II присутствовала и сложная взаимосвязь между складывающимся образом России в польском общественном мнении и предлагаемыми политическими стратегиями. Налицо было отсутствие прямой корреляции между риторикой и реальными политическими намерениями. Радикально-негативный образ, доминировавший после восстаний, мог использоваться для мобилизации международной поддержки, но при этом не исключал в дальнейшем прагматичного курса на поиск компромисса с имперской властью. И наоборот, более позитивный образ русского общества, формируемый через литературу и личные контакты, сочетался с непримиримой борьбой против царского режима, который воспринимался как общий враг.

В годы царствования Александра III образ царских властей в польском общественном мнении носил резко негативный характер и обладал чертами репрессивного аппарата, движимого идеями «панрусизма». В то же время образ русского общества в данный период стал в большей степени восприниматься в связи с царскими властями: ключевым элементом стало чиновничество, воспринимаемое как главный проводник русификации, в то время как образ военных трансформировался от символа прямого подавления к воплощению повседневного административного гнета.

Осознание поражения Январского восстания 1863—1864 гг. стало моментом, похоронившим романтические идеи вооруженной борьбы и заставившим пересмотреть стратегии национального существования. Усиление русификаторской политики при Александре III (исключение польского языка из публичной сферы, культурные репрессии) стало катализатором радикализации образа России. Важную роль играл геополитический контекст: обострение отношений между Россией и Австро-Венгрией после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. влияло на восприятие России польскими публицистами, проживавшими на территории Габсбургской империи. Путевые заметки галицийских интеллектуалов, смотревших на Россию «извне», закрепляли образ страны, находившейся в цивилизационном упадке.

Доминирование негативного образа царских властей в польском общественном мнении не означало единства в выборе политического курса. В годы царствования Александра III в польском общественном мнении сформировались три основных подхода: один из них продвигал стратегию прагматичного сотрудничества (варшавские позитивисты, видевшие в имперской власти неизбежную данность и делавшие ставку на «органическую работу» и лояльность для сохранения национальной идентичности); другой заключался в открытой конфронтации (Польская лига, социалистические движения), на которую были ориентированы в большинстве своем польские эмигранты, нацелившиеся на борьбу за независимость и активно формировавшие негативный образ царской власти; третий, наименее ярко выраженный подход заключался в личной заинтересованности в сотрудничестве (Ю. Немирич, К. Эстрейхер, А. Вротновский), когда лояльность режиму была обусловлена прагматическими соображениями — стремлением сделать успешную карьеру в имперской бюрократической системе.

Важным показателем изменения восприятия стало отношение к русским революционерам: если в эпоху Александра II декабристы и народники вызвали симпатию как жертвы общего деспотизма, то теперь их образ стал маргинальным, а идея союза была дискредитирована как наивная и опасная.

В годы царствования Николая II (до Первой мировой войны) обращает на себя внимание принципиальная неоднородность образов царских властей и русского общества, которая была обусловлена разнообразием политико-идеологических течений. Образ царских властей варьировался от абсолютно негативного, наделенного чертами «азиатского варвара» и «угнетателя» (среди социалистов из ППС и национал-демократов), до условно позитивного, исходившего из понимания имперской власти как потенциального партнера для диалога (у соглашателей из Партии реальной политики). Образ русского общества отличался еще большей сложностью: представители «Молодой Польши» (С. Жеромский, В. Берент) создавали многогранные образы русских как трагических жертв системы, в то время как историки (В. Соболевский, М. Здзеховский) акцентировали цивилизационный антагонизм.

Политические события начала столетия — Русско-японская война и революция 1905 г. — способствовали радикализации восприятия и реанимации негативных стереотипов. Идеологические установки различных течений определяли избирательность восприятия: для Ю. Пилсудского все русские без исключения были носителями имперского сознания, в то время как соглашатели апеллировали к славянскому родству и отсутствию «врожденной ненависти».

В годы царствования Николая II сложилась сложная взаимосвязь между образом России и политическими стратегиями. Так, национал-демократы парадоксальным образом сочетали негативный образ России с курсом на прагматичное сближение, усматривая в ней потенциального союзника против Германии, что объяснялось необходимостью учитывать как внешнеполитические реалии (угроза с Запада), так и внутривнутриполитическую конъюнктуру — необходимость сохранять поддержку широких слоев общества, для которых антиросийская риторика оставалась популярной.

Социалисты во главе с Пилсудским использовали последовательно негативный образ для обоснования вооруженной борьбы и поиска союзников среди противников России, соглашатели же, напротив, сознательно конструировали позитивный образ царских властей для обоснования стратегии легального

достижения автономии. Накануне Первой мировой войны образ России в польском общественном мнении достиг максимальной сложности и противоречивости, отражая многовариантность политических стратегий в условиях нарастания международной напряженности. Этот образ в большей степени не был статичным отражением реальности, а выступал инструментом идеологической борьбы и обоснования конкретных политических курсов — от вооруженной конфронтации до вынужденного сотрудничества.

Анализ эволюции образа России в польском общественном мнении на протяжении правления трех императоров выявил его динамичный, многогранный и зачастую противоречивый характер, тесно связанный с политическими и культурными процессами как в Польше, так и в целом в Российской империи.

К образу царской власти как репрессивного аппарата, проводящего политику русификации, в наибольшей степени обращались представители различных политико-идеологических течений — политические деятели, эмигрантские круги и публицисты. Для них этот образ нередко был инструментом мобилизации и идеологической борьбы, выполнявшим конкретные политические функции.

В то же время более сложный образ русского общества, который характеризовался множеством формул — от архаичного «варвара-татарина» до «брата-славянина» и «жертвы собственной тирании», — в большей степени конструировали польские писатели и другие представители интеллигенции. Именно в художественной литературе, мемуарах и интеллектуальной эссеистике предлагался более тонкий и разносторонний взгляд. Они, в отличие от политиков, чаще стремились показать дистанцию между государством и русским обществом, разделяя образ «империи» и образ «народа». Этот взгляд позволял видеть в русских не только угнетателей, но и потенциальных союзников в борьбе за свободу или, по крайней мере, таких же жертв самодержавия.

Наиболее негативный и целостно-критический образ царских властей России формировался в двух основных центрах польской политической мысли — среди эмигрантских кругов и среди населения австрийской Галиции.

Польская эмиграция, в которой сосредоточились наиболее радикальные и непримиримые по отношению к самодержавию силы, зачастую видела в Российской империи исключительно «тюрьму народов», деспотическую машину, систематически уничтожавшую польскую национальную идентичность.

Схожий, но имевший иную природу негативный образ создавался в Галиции. Здесь критика царизма определялась сложным переплетением внешне-политических и внутренних факторов. С одной стороны, Австро-Венгрия и Россия стали геополитическими соперниками на Балканах, а затем и в рамках противостояния Тройственного союза и Антанты. Антироссийская позиция стала для Галиции выражением лояльности австрийским властям. С другой стороны, негативный образ России был необходим для борьбы с развивавшимся внутри Галиции русофильским движением, которое выступало за культурное и политическое сближение с Россией. Чтобы обосновать преимущества пребывания в составе Австро-Венгрии, требовалось последовательно доказывать порочность российского самодержавия и его враждебность интересам славянских народов. Существенным фактором, способствовавшим формированию именно негативного образа России в Галиции, было отсутствие цензурных ограничений, характерных для Российской империи. Эта относительная свобода печати в Австро-Венгрии создавала уникальное пространство для дискуссии по самым острым политическим вопросам. Именно благодаря этой свободе Галиция стала важным издательским центром и «убежищем» для вольнодумной мысли. Здесь публиковались не только местные авторы, но и поляки из Царства Польского, для которых Галиция стала платформой, позволяющей открыто говорить о проблемах русификации, политических репрессиях и отсутствии национальных прав в российской части польских земель.

Иначе складывалось восприятие России среди поляков, живших в пределах самой Российской империи — в Царстве Польском, а также среди ссыльных, интегрированных в русское общество. За исключением периодов восстания и революции, когда доминировал образ врага, их взгляд отличался большей сложностью и неоднозначностью. С одной стороны, цензура и

репрессивный аппарат ограничивали возможность открытой критики. С другой — повседневный опыт личного взаимодействия с русскими (интеллигенцией, чиновниками, соседями) разрушал упрощенные стереотипы. Многие поляки видели не только репрессивную машину государства, но и другое «лицо» России — оппозиционную интеллигенцию, сочувствующих чиновников, культурные и научные достижения. Еще одной причиной были прагматичные соображения, поскольку жизнь в России нередко приносила и финансовые выгоды полякам: для многих империя открывала карьерные возможности — на государственной службе, в армии, в науке и периодической печати. Это создавало более дифференцированный образ, в котором негативное отношение к царскому режиму не обязательно распространялось на весь русский народ.

Факторами, влиявшими на динамику образа, выступали политика самих царских властей (от либеральных надежд начала царствования Александра II до реакционного курса Александра III и попытками либерализации при Николае II), травматичный опыт восстания и их подавления, революционные события, внешнеполитический контекст (угроза германизации, отношения между Россией и Австро-Венгрией) и идейная эволюция внутри польского общества.

При анализе образа России в польском общественном мнении была выявлена парадоксальная взаимосвязь между образом России и политическими стратегиями польских движений. Радикально-негативный образ царской власти мог сочетаться с прагматичным курсом на сближение, в то время как более позитивный или сложный образ русского общества сочетался с непримиримой борьбой против. Это противоречие демонстрирует, что образ России нередко был не отражением объективной реальности, а гибким инструментом, подчиненным задачам выживания нации и поиска оптимальной стратегии развития.

Таким образом, образ России в польском общественном мнении рассматриваемого периода был своего рода зеркалом, в котором отражались внутренние поиски польского общества в условиях отсутствия собственной государственности, его травмы, надежды и стратегические расчеты.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации

1. Ф. 109: Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826—1880.
2. Ф. 110: Штаб Отдельного корпуса жандармов. 1827—1917.
3. Ф. 124: Уголовные отделения Первого Департамента юстиции. 1892—1917.
4. Ф. 215: Канцелярия Варшавского генерал-губернатора. 1874—1917.
5. Ф. 217: Варшавское губернское жандармское управление. 1867—1917.
6. Ф. 547: Берг Федор Федорович, наместник в Царстве Польском (1853—1861 гг.), генерал-фельдмаршал (с 1863 г.). 1793—1874.
7. Ф. 722: Константин Николаевич, Великий князь, сын императора Николая I, Генерал-адмирал. 1827—1892.
8. Ф. 945: Князь Василий Андреевич Долгоруков, военный министр, член Государственного совета, шеф корпуса жандармов и начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, генерал от кавалерии, обер-камергер.
9. Ф. 1463: Коллекция отдельных документов личного происхождения.
10. Ф. 1729: Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, князь, министр внутренних дел. 1857—1914.

Опубликованные источники

Художественная литература

11. Жеромский С. Избранные произведения. М., 1958. Т. 2 / сост. В. В. Витт; под ред. Е. М. Егоровой.
12. Крашевский Ю. Красная пара / пер. А. Боброва. М., 2017. 350 с.
13. Ожешко Э. Над Неманом / пер. В. М. Лаврова. М., 1988. 448 с.
14. Прус Б. Кукла / пер. Н. Модзелевской. М., 1985. 464 с.
15. Сенкевич Г. Камо грядеши: Роман из времен Нерона / пер. В. М. Лаврова. М., 1896. 516 с.
16. Сенкевич Г. Огнем и мечом. М., 2019. 896 с.
17. Сенкевич Г. Пан Володыёвский. Огнем и мечом. Кн. 3 / пер. Г. Языковой, К. Старосельской, С. Тонконоговой. М., 2020. 800 с.
18. Сенкевич Г. Потоп. Огнем и мечом. Кн. 2 / аер. Е. Егоровой, И. Матецкой, Л. Петрушевской, К. Старосельской. М., 2019. 1200 с.
19. Asnyk A. Pod stopy krzyża. 1869. URL: <https://wiersze.co/podstopy.htm> (дата обращения: 23.11.2023).
20. Bałucki M. Przebudzeni. Przebudzeni: powieść z naszych czasów. Bruxella, 1864. 195 s.
21. Berent W. Ozimina. Warszawa, 1995. 238 s.
22. Brzozowski S. Płomienie. Warszawa, 2011. 365 s.
23. Ćwikowski A. Pamięci Polaków poległych w Mandżurii // Ilustracja Polska. 1904. № 24—26. 28 VII. S. 360.
24. Gomulicki W. Rosjanom, którzy przyznają się do braterstwa z Polakami // Antologia poezji głupich i mądrych Polaków / pod red. L. Stommy. Gdańsk, 2000. S. 179—180.
25. Hej kolęda! Ostatnia godzina przyszła na Moskali, kto chce, kto niechce to ich po łbie wali. Kraków, 1905. 1 s.
26. Koszczyz W. Praca Syzyfa : powieść. Lwów, 1877. 206 s.

27. Kraszewski J. Moskal. Łomża, 1938. 257 s.
28. Kraszewski J. My i Oni. Poznań, 1865. 319 s.
29. Kraszewski J. Szpieg. Poznań, 1864. 324 s.
30. Lenartowicz T. Poezje Teofila Lenartowicza. Poznań, 1863. T. 1. 207 s.
31. Limanowski B. Pamiętniki (1870—1907). Warszawa, 1958. 845 s.
32. Modlitwy za ojczyznę. Warszawa, 1916. 138 s.
33. Narzyski J. Ojczym. Wrocław, 1958. 341 s.
34. Ostrowski K. Dwa przekleństwa: Murawiew II, Aleksander II. Paris, 1867. 24 s.
35. Piesni narodowe 1863 r. Lwów, 1913. 45 s.
36. Wołodźko W. Wybrańcy losu: powieść osnuta na tle wypadków r. 1863. Lwów, 1883. T. 1. 594 s.
37. Żeromski S. Rozdzióbią nas kruki, wrony. Lwów, 1901. 14 s.
38. Żeromski S. Nokturn. Warszawa, 1923.
39. Żeromski S. Wierna rzeka. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/wierna-rzeka.html> (дата обращения: 18.02.2025).

Периодическая печать

40. Московские ведомости.
41. Czas.
42. Gazeta Lwowska.
43. Gazeta Narodowa.
44. Demokrata Polski.
45. Dziennik Narodowy: wydawany z upoważnienia Rządu Narodowego.
46. Dziennik Poznański.
47. Dziennik Warszawski.
48. Kurjer Paryzki.
49. Kuryer Poznański.
50. Kraj.

51. Ojczyzna.
52. Prawda.
53. Przedświt.
54. Przegląd Lwowski.
55. Przegląd Pedagogiczny.
56. Przegląd rzeczy polskich.
57. Przegląd Wszechpolski.
58. Robotnik.
59. Ruch.
60. Słowo.
61. Wiadomości Polskie.
62. Wiek Nowy.
63. Wolne Polskie Słowo.

Публицистика

64. Варта П. (Пильц Э.) Поворотный момент в русско-польских отношениях. СПб., 1897. 15 с.

65. Польша и Россия в 1872 г. Сочинение бывшего члена Государственного Совета Царства Польского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн. 4. М., 1874. С. 1—28.

66. Co myśleć o wojnie [Inc.:] Dla nas Polaków niedawno rozpoczęta wojna Japonii z Rosją jest wypadkiem bardzo korzystnym... S.l., 1904.

67. Czartoryski W. Mowa miana na posiedzeniu Towarzystwa Literacko-Historycznego w Paryżu dnia 29 Listopada 1862 r. Paryż, 1862. 16 s.

68. Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Lwów, 1904. 217 s.

69. Dmowski R. Niemcy, Rosya i kwestya polska. Lwów, 1908. 271 s.

70. Dmowski R. O programie narodowców // Wiek XIX w źródłach. Wybór tekstów źródłowych z propozycjami metodycznymi dla nauczycieli historii,

studentów i uczniów / oprac. M. Sobańska-Bondaruk, S.B. Lenard. Warszawa, 2001. S. 306—309.

71. Dmowski R. Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. Warszawa, 1914. 58 s.

72. Do walki z czarnymi secinami Narodowej Demokracji! Robotnicy! W chwili, gdy powstania wojskowe w Rosji zapowiadają zbliżanie się zbrojnej rewolucji ludowej dla ostatecznego zdużenia caratu <...>. Warszawa, 1906. 2 s.

73. Estreicher K. O. Rapperswyłu: głos drugi i ostatni. Kraków, 1883. 21 s.

74. Giller A. W obronie prawdy i własności narodowej: odpowiedź p. Estreicherowi. Paryż, 1883. 29 s.

75. Giller A. Wieczory Wielkopolanina: do charakterystyki naszych czasów, Lwów. 1886. 144 s.

76. Kalinka W. Sprawa ruska na Sejmie Czteroletnim. Lwów, 1884. 39 s.

77. Kamiński H. Rosja i Europa. Polska. Paryż, 1857. 487 s.

78. Kraszewski J. Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym. Poznań, 1872. 63 s.

79. Langiewicz M. Manifest skierowany do Narodu. URL: <https://ank.gov.pl/powstaniestyczniowe/original/046.html> (дата обращения: 23.11.2023).

80. Manifest Najwyższy. [Inc.:] Z Bożej łaski My Mikołaj II-gi Kat i Zabójca Wszechrosyjski, Zwycięzca Iwanowo - Woznisienski i Łódzki. Pogromca Kaukazki, Warszawski i Białostocki, Rzeźnik Odeski, Główny Ataman Czatnych Sotni i t.d, i t.d. Ogłaszamy wszystkim naszym wiernym a płupim poddanym, że ukazem złodziejskim powołujemy do wegetacji Radę Państwową <...>. Piotrków Trybunalski, 1905.

81. Merunowicz T. Kwestja ruska w Galicji wobec rosyjskiego panslawizmu. Lwów, 1889. 56 s.

82. Mickiewicz A. Les Slaves: Cours du Collège de France (1842) / éd. dirigée par Ph.-J. Salazar, avec une présentation de J. Axer. Paris, 2005. 248 p.

83. Mikoszewski K. Polska i Rosyja w słowiańszczyźnie: mowa miana w Genewie, na zebraniu Polaków, dnia 22 stycznia 1872 roku w rocznicę Powstania Narodowego przez K. Mikoszewskiego, byłego członka Komitetu Centralnego i Tymczasowego Rządu Narodowego. Genewa, 1872. 12 s.
84. Miłkowski Z. Rzecz o obronie czynnej i o skarbie narodowym. Paryż. 1888. 46 s.
85. Mowa księcia Władysława Czartoryskiego miana na posiedzeniu Towarzystwa Literacko-Historycznego w Paryżu dnia 29 Listopada 1862 r. Paryż, 1862.
86. Nad grobem Aleksandra III. Kraków, 1894. 2 s.
87. Piltz E. O chwili obecnej. Rozmowa polityczna spisana przez... Petersburg, 1898. 161 s.
88. Popiel P. Kilka słów z powodu odezwy x. Adama Sapiehy. URL: <https://www.omp.org.pl/stareomp/index4fae.html?module=subjects&func=viewpage&pageid=140> (data обращения: 15.12.2023).
89. Popławski J. L. Pisma polityczne: wydanie pośmiertne. Warszawa, 1910. T. 2. 276 s.
90. Rodacy! [Inc.: Jeden z dwóch odwiecznych naszych wrogów - Rosya znalazła dziś na Wschodzie azyatyckim groźnego przeciwnika...] : Warszawa, w lutym 1904 r. Warszawa, 1904. 2 s.
91. Towarzysze Robotnicy! [Inc.: Carski satrapa Skalon ogłosił bezczelne i prowokacyjne zawiadomienie. Językiem godnym swoich poprzedników, językiem Hurków i Maksimowiczów...] : Warszawa 7 Listopada 1905 r. Warszawa, 1905. 1 s.
92. Smoleński W. W sprawie ugody polsko-rosyjskiej. Paryż, 1891. 34 s.
93. Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty. Warszawa, 1957. T. 1: 1893—1903. Cz. 1. 514 s.
94. Spasowicz W. Mickiewicz i Puszkina przed pomnikiem Piotra Wielkiego: dwa odczyty wygł. w Krakowie w dn. 14 i 15 marca 1886 roku. Lwów, 52 s.
95. Sygietyński A. Co robić? Paryż, 1890. 32 s.

96. Towarzysze Robotnicy! [Inc:] Mikołaj II tyran i kat wszerchosyjski, polski, finlandzki, kaukazki, sybirski i t.d. i t.d. uroczystym manifestem ogłosił swym poddanym “nową łaskę monarszą”... Warszawa w sierpniu 1905 roku. Warszawa, 1905. 2 s.

Деловая переписка

97. Переписка наместников Королевства Польского. 1861—1863. М., 1973. Т. 2. 366 с.

Источники личного происхождения

98. Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. СПб., 1906. № 9. С. 670—714.

99. Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. СПб., 1906. № 10. С. 200—243.

100. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с фр. под ред. В.А. Мильчиной. М., 1996. Т. 1. 528 с.

101. Стахевич С.Г. Среди политических преступников (Из моих воспоминаний) // Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Kielce, 2019. Ч. 2: Мемуары, письма, публицистика. Истоки российских исследований судеб сосланных в Сибирь участников Январского восстания. С. 79—91.

102. Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Kielce, 2019. Ч. 2: Мемуары, письма, публицистика. Истоки российских исследований судеб сосланных в Сибирь участников Январского восстания / сост. Я. Легеч, Кш. Лятавец, Т. Мосунова, В. Цабан; ред. Я. Легеч. 418 с.

103. Baliński I. Wspomnienia o Warszawie. Edynburgh, 1946. 186 s.

104. Bartoszewski W. Z Petersburga. Kraków, 1890. 16 s.

105. Bażyński F. Rusin Moskal i Polak czyli Kościół unicki a schizma. Poznań, 1873. 43 s.
106. Giller A. Podróż etapami do Syberyi w roku. Warszawa, 1854. T. 2. 254 s.
107. Grabiec J. Czerwona Warszawa przed ćwierć wiekiem. Moje wspomnienia. Poznań, 1925. 213 s.
108. Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855—1925) / wstęp A. Szwarc, P. Wieczorkiewicz. Warszawa, 1993. 608 s.
109. Kraushar A. Czasy szkolne za Apuchtina. Kartka z pamiętnika (1879—1897). Warszawa, 1916. 70 s.
110. Krzywicki L. Wspomnienia. Warszawa, 1959. T. 3. 588 s.
111. Listy Adama Asnyka do Chłapowskich Oprac. Alicja Kędziora i Emil Orzechowski // Pamiętnik Literacki. Warszawa, 2020. S. 129—160.
112. Listy Bolesława Prusa. Warszawa, 2018. 760 s.
113. Matraś S. Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku // Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Kielce, 2019. Ч. 2. S. 303—310.
114. Orzeszkowa E. Listy zebrane. Wrocław, 1958. T. 4. 419 s.
115. Piłsudski J. Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. T. 2. 377 s.
116. Piłsudski J. Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. T. 3. 367 s.
117. Piłsudski J. Pisma, mowy, rozkazy: wydanie zbiorowe prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1931. T. 6. 382 s.
118. Prus B. Kroniki / oprac. Z. Szweykowski. Warszawa, 1965. T. 15. 417 s.
119. Stempowski S. Pamiętniki (1870—1914) / wstęp M. Dąbrowskiej. Wrocław, 1953. 428 s.

120. Tarnowski S. Z wakacyj. Kraków, 1888. T. 1: Kijów — Moskwa — Wilno. 318 s.
121. Zapałowski W. Pamiętniki z roku 1863—1870 // Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Kielce, 2019. Ч. 2. S. 311—319.
122. Żeromski S. Dzienniki. Warszawa, 1887. T. 15. 133 s.

Исторические и историософские сочинения

123. Берви-Флеровский В.В. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. М., 1897. 543 с.
124. Мицкевич А. Из курса славянских литератур, читанных в «Collège de France» // Соч.: в 5 т. / под ред. Н. А. Полевого; пер. с фр. Р. Сементковского. СПб., 1882. Т. 3. С. 155—396.
125. Buszczyński S. Cierpliwość czy rewolucja. Paryż, 1862. 16 s.
126. Buszczyński S. Okrucieństwa Moskali: chronologiczny rys prześladowania potomków Słowian przez carów i moskiewski naród, od dawnych wieków aż do dni dzisiejszych: przestroga historii dla południowej Słowiańszczyzny, i tak zwanych panslawistów. Lwów, 1890. 144 s.
127. Buszczyński S. Przestroga historii: chronologiczny rys prześladowania Słowian przez Moskali od dawnych wieków do dni dzisiejszych: dla południowych Słowian i panslawistów. Lwów, 1882. 129 s.
128. Duchński F. H. Odpowiedź dziennikowi *Czas* profesora F. H. Duchńskiego konserwatora Muzeum Narodowego w Rapperswyl. Zurych, 1872. 14 s.
129. Duchński F. Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Paryż, 1858. T. 1. 51 s.
130. Koneczny F. Propaganda zgody z Rosją // Świat Słowiański. 1905. R. 1, t. 2, X. S. 272—273.
131. Limanowski B. Stuletnia walka narodu polskiego o niepodległość. Lwów, 1894. 452 s.

132. Niemirycz J. Dzieje narodu polskiego. Kraków, 1888. 829 s.
133. Sobieski W. Studya historyczne: Król a car. Lwów, 1912. 244 s.
134. Waliszewski K. Katarzyna II, drugie wyd. Krajowe. Warszawa, 1995. 365 s.
135. Wrotnowski A. Porozbiorowe aspiracye polityczne narodu polskiego. Kraków, 1883. 526 s.
136. Zakrzewski S. Wschód i Zachód w historii Polski. Lwów, 1908. 294 s.
137. Zdziechowski M. Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków, 1920. 155 s.

Нормативные акты

138. Manifest Mariana Langiewicza skierowany do Narodu. URL: <https://ank.gov.pl/powstaniestyczniowe/original/046.html> (дата обращения 23.11.2023)
139. Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu narodowego 1862 1864 / red. E. Halicz, S. Kieniewicz, I. Miller, Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.
140. Ustawa Ligi Polskiej z sierpnia 1888 // Liga Narodowa 1887—1906. Sprawozdania, odezwy, dokumenty / oprac. M. Werner. Kraków, 2015.

ЛИТЕРАТУРА

141. Аржакова Л. М. Опыт польско-российского диалога: Н. И. Кареев, Н. А. Попов и М. Бобжиньский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 3. С. 9—17.
142. Белов И.Л. Дорогие враги. О стихотворении Адама Мицкевича «Друзьям-москалям» и его русских переводах. СПб., 2024. 104 с.
143. Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях. Познань, 1883. Т. 1. 399 с.

144. Горизонтов Л.Е. Выбор носителя «русского начала» в польской политике Российской империи. 1831—1917 // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 107—116.

145. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. 272 с.

146. Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 143—167.

147. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. 1000 с.

148. Долбилов М. Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840—1873. Вильнюс, 2010. 274 с.

149. Дубровский П. П. Адам Мицкевич: Из очерков новейшей польской литературы. СПб., 1858. 174 с.

150. Западные окраины Российской империи / науч. ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М., 2006. 608 с.

151. Иванова А. Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. №11. С. 74—78.

152. Каушпала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сб. ст. / отв. ред. В. В. Лапин. СПб., 2012. С. 195—213.

153. Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. 93 с.

154. Лескинен М. В. Туранская теория Фр. Г. Духиньского и ее критика в контексте складывания концепции «великорусскости» в российской науке // Славянский альманах. М., 2016. С. 164—181.

155. Липатов А.В. Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 17—29.
156. Лосев Л. Эзопов язык в русской литературе (современный период). М., 2024. 256 с.
157. Лыкошина Л. С. Образ России в польской общественной мысли (Исторический аспект) // Россия и современный мир. 2008. № 1 (58). С. 61—77.
158. Малютин Г.А. Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. СПб., 2013. 206 с.
159. Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008. 474 с.
160. Миф Европы в литературе и культуре Польши и России / ред. М.В. Лескинен, В.А. Хорев. М., 2004. С. 161—182.
161. Неведенский С. [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. СПб., 1888. 570 с.
162. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939. Т. 1. 385 с.
163. Павлищев Н.И. Седмицы польского мятежа // Сочинения. СПб., 1887. Т. 4. 257 с.
164. Парсаданова В. С. Образ России в произведениях Пилсудского. Пилсудский и Россия // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 160—169.
165. Погодин А. Л. Главные течения польской политической мысли (1863—1907). СПб., 1907. 662 с.
166. Подвысоцкий А. Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 гг. СПб., 1869. 152 с.
167. Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание / сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. М., 2000. 240 с.
168. Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В.А. Хорев. М., 2000. 272 с.

169. Прохоренков И.А. Подпольная печать на охваченных восстанием землях. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_rare/Polish_uprising/leaflets.php (дата обращения 23.11.2023).
170. Радун А. А. Образ России и русской культуры в польской прессе 1863-1905 гг.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2011. 19 с.
171. Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831-1863 г. Вильна, 1866. 412 с.
172. Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой / пер. К. Левинсона. М., 2020. 576 с.
173. Солдатов А.А. Стефан Кеневич и польская историческая наука: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2019. 173 с.
174. Соловьев К.А. Дмовский. Роман о России // Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 2017. С. 11—21.
175. Травкина А.А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. 2008. № 3-4. С. 56—64.
176. Фалькович С.М. Польская демократическая эмиграция 60—70-х гг. XIX века о проблеме «забранных земель» и взаимоотношениях польского и российского освободительного движения // Проблемы славяноведения. 2006. Вып. 8. С. 220—232.
177. Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30—60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. 320 с.
178. Фалькович С.М. Сотрудничество русских и польских революционных демократов накануне восстания 1863—1864 гг. в Королевстве Польском // // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2014. С. 134 — 142.
179. Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М., 2012. 240 с.
180. Хорев В.А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 22—31.

181. Хорев В.А. Польская литература XX века. 1890—1990. М., 2009. 352 с.
182. Цабан В. Польские ссыльные межповстанческого периода и Январское восстание. Люди — взгляды — идеи / пер. С. А. Мулина. СПб., 2025.
183. Цабан В., Михальска-Браха Л. Агатон Гиллер (1831—1887) — первый историк Январского восстания // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н.А. Макаров; М., 2014. С. 25—40.
184. Цыбенко Е.З. Образы русских в польской литературе второй половины XIX век // Россия — Польша образы и стереотипы в литературе и культуре, М., 2002. С. 225—240.
185. Beylin K. Warszawy dni powszednie 1800-1914, wyboru dokonał i wstępem poprzedził J.W. Gomulicki. Warszawa, 1985. 543 s.
186. Borejsza J.W. Piękny wiek XIX, wyd. II uzup. Warszawa, 1990. 512 s.
187. Borkowska G. Jakie zagadki kryje w sobie jeszcze literatura polskiego pozytywizmu // Wiedza o literaturze i edukacja. Księga referatów Zjazdu Polonistów / red. T. Michałowska, Z. Goliński, Z. Jarosiński. Warszawa, 1996. S. 314—324.
188. Brückner A. Historia literatury rosyjskiej. Lwów, 1922. T. 1. 572 s.
189. Brykalska M. Aleksander Świętochowski: Biografia. Warszawa, 1987. T. 1. 1072 s.
190. Caban W. Rosjanie i sybiracy o zesłańcach postyczniowych // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: сб. науч. тр. Омск, 2015. S. 31—39.
191. Chamot M. Entuzjizm i zwątpienie. Obraz własny Polaków w wybranej publicystyce prasowej trzech zaborów w latach 1864—1914. Toruń, 2003. 284 s.
192. Chimiak L. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863—1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999. 356 s.
193. Danek W. Józef Ignacy Kraszewski: Zarys biograficzny. Warszawa, 1976. 515 s.

194. Filipowicz M. Wobec Rosji: studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową. Warszawa, 2000. 222 s.
195. Giza A. Polaczkowie i Moskale: Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800—1917). Szczecin, 1993. 164 s.
196. Grabiński W. Dzieje narodu polskiego. Kraków, 1906. 595 s.
197. Historia dyplomacji polskiej. Warszawa, 1982. T. 3: 1795—1918. 1015 s.
198. Historia Polski / pod red. Ż. Kormanowej i I. Pietrzak-Pałowskiej. Warszawa, 1967. T. 3: 1850/1864—1918, cz. 1: 1850/1864—1900.
199. Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990. 221 s.
200. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 80 s.
201. Kieniewicz S. Historia Polski 1795—1918. Warszawa, 1958. 597 s.
202. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 799 s.
203. Kieżuń A. Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji. Białystok, 2004. 12 s.
204. Krzemiński S. Dwadzieścia pięć lat Rosyi w Polsce, 1863-1888; zarys historyczny. Lwów, 1892. 282 s.
205. Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Kraków, 2007. 703 s.
206. Kułakowski M. Roman Dmowski w świetle listów i wspomnień. Warszawa, 1990. 400 s.
207. Libiszowska Z. Opinia polska wobec rewolucji amerykańskiej w XVIII wieku. Łódź; Wrocław, 1962.
208. Libiszowska Z. Stany zjednoczone w historiografii polskiej // *Acta universitatis Lodziensis*. 1996. № 57. S. 5—23.
209. Michalski J., Senkowska-Gluck J. L’historiographie polonaise de la Révolution française et de l’époque napoléonienne // *Annales historiques de la Révolution française*. 1981. № 246. P. 608—615.
210. Myśliński J. Ziemie polskie w dobie popowstaniowej (1864—1915). Kielce, 1997. 246 s.

211. Nowak A. Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX w. Kraków, 1998. 270 s.
212. Obraz Rosji w literaturze polskiej. Poznań, 2011. 272 s.
213. Pustuła Z. Początki kapitału monopolistycznego w przemyśle hutniczo-metalowym Królestwa Polskiego (1882—1900). Warszawa, 1968.
214. Próchnik A. Bolesław Limanowski. Warszawa, 1934. 15 s.
215. Rządowska H. Stosunek polskiej opinii publicznej do Rewolucji Francuskiej. Warszawa, 1948.
216. Salmonowicz S. Obraz Polski i Polaków w niemieckiej opinii publicznej w latach 1795—1815 // Zapiski Historyczne. 1993. T. 58, № 4. S. 7—27.
217. Stobiecki R. Rosja i Rosjanie w polskiej myśli historycznej XIX i XX wieku // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Warszawa, 2006. S. 159—203.
218. Strumph-Wojtkiewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1963. 236 s.
219. Sucharski T. «Rosja wchodzi w polskie wierze» — obraz Rosjanina w literaturze polskiej // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / red. A de Lazari. Warszawa, 2006. S. 73—157.
220. Szwarz A. Od Wielopolskiego do Stronnictwa Polityki Realnej. Zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próba działalności politycznej (1864—1905). Warszawa, 1990. 478 s.
221. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik. Warszawa, 1998. 835 s.
222. Świętek R. Lodowa ściana: Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego 1904—1918. Kraków, 1998. 954 s.
223. Walicki A. Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego. Warszawa, 1970. 315 s.
224. Walicki A. Polska, Rosja, marksizm. Studia z dziejów marksizmu i jego recepcji. Warszawa, 1983. 373 s.
225. Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866—1896). Kielce, 2002. 446 s.

226. Wyka M. Brzozowski i jego powieści. Kraków, 1981. 229 s.
227. Zakrzewski S. Wschód i Zachód w historii Polski. Lwów, 1908. 294 s.
228. Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich. Warszawa, 1997. S. 203—298.
229. Zdrada J. Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym Warszawa, 1987. 80 s.
230. Zieliński H., Długoborski W. Ze wspólnych walk demokratów polskich i niemieckich. Warszawa, 1957. 199 s.
231. Zieliński J. Nasza Szwajcaria. Przewodnik śladami Polaków, Oficyna Wydawnicza «Rytm», Muzeum Polskie w Rapperswilu. Warszawa, 1999. 205 s.